

Новая серия от звезд проекта S.T.A.L.K.E.R.!

**Василий ОРЕХОВ
Дмитрий ЯНКОВСКИЙ**

ФАКТОР АГРЕССИИ

Жестокие колониальные войны будущего!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Инесса ЛУГАЧЁВА.

ВЕРСТКА:

Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9, ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать». «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»

143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.

Зак. 3170.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

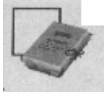
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных
объявлений.

©«ЕСЛИ», 2011

47 Михаил ТЫРИН

ЛЕКАРЬ

А что же ему остается, несмотря на угрозы потерять жизнь, близких и друзей? Только врачевать.

203 Алистер РЕЙНОЛДС

СПЯЧКА

Лучший европейский фантаст («Еврокон- 2011») предложил читателям новую вариацию на тему: «Когда спящий проснется... в глубоком космосе». На этот раз героя ждет нелегкий выбор.

3 Александр БАЧИЛО

НАСТОЯЩИК

Мастер бурлеска представил читателю свою Рождественскую историю.

25 Брэд ЭЙКЕН

СКРЫВАВШИЙСЯ ОТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Четыре доблестных «мушкетера» назначили встречу двадцать... нет, двадцать пять лет спустя. И не узнали бы друг друга, не вмешайся в их судьбу нанотехнологии.

137 Максим ХОРСУН

СОЗДАТЕЛЬ МАШИНЫ

Чудище обло, озорно, огромно... трехного. Неужели Марс вновь атакует?

165 Иэн МАКЛАУД

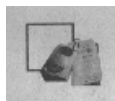
ХОЛОДНЫЙ ШАГ ВОВНЕ

Не сотвори себе кумира! В будущем, возможно, потребуется еще одна заповедь: не сотвори себе подобных.

185 Карстен КРУШЕЛЬ

КОНЕЦ СЕЗОНА ОХОТЫ

Страсть к этому виду «спорта» в человеке неистребима. Но что случится в иных мирах?

119 Вячеслав ЯШИН

ПРАВОСУДИЕ НЕБЕС

Неужели и в родных пенатах научились ставить качественное и недорогое фантастическое кино? Только вот дойдет ли оно до зрителя?

125 Анастасия ШУТОВА

ТВОРЕЦ РЕАЛЬНОСТИ

Его не назовешь жанровым режиссером. Однако притяжение фантастики он испытывает вполне отчетливо.

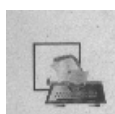
130 Михаил КОВАЛЁВ

ДО ЭПОХИ ВЕЛИКОГО КОЛЬЦА

Обзор экранизаций отечественной НФ 20-50-х годов прошлого века.

121 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

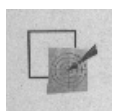
Рецензент полагает, что этот фильм стал лучшей фантапремьерой года.

245 Аркадий РУХ

ЗАЙТИ ИЛИ ЗАГЛЯНУТЬ?

История колонизации интернет-вселенной жанровыми изданиями и писателями далека от завершения.

257 Сергей АЛЕКСЕЕВ

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Московский критик озабочен судьбой литературного наследия жанра. Читатели с ним солидарны. Почти во всем.

251 РЕЦЕНЗИИ

На книжной полке - весь жанровый спектр: и НФ, и фэнтези. и мистика, и даже научная монография.

266 КУРСОР

Скандал в мире британской фэнтези: так ли независимы премии и призы?

261 Вл. ГАКОВ

НАШ ЧЕЛОВЕК ИЗ ДРЕВНЕГО РОДА

Да-да. один из самых интересных британских авторов «твердой» НФ, ко всему прочему, еще и родственник самого Бернарда Шоу!

268 ПЕРСОНАЛИИ

И «ветераны» журнала, и новички, и «возвращенцы». На всех у нас есть досье.

АЛЕКСАНДР БАЧИЛО

НАСТОЯЩИК

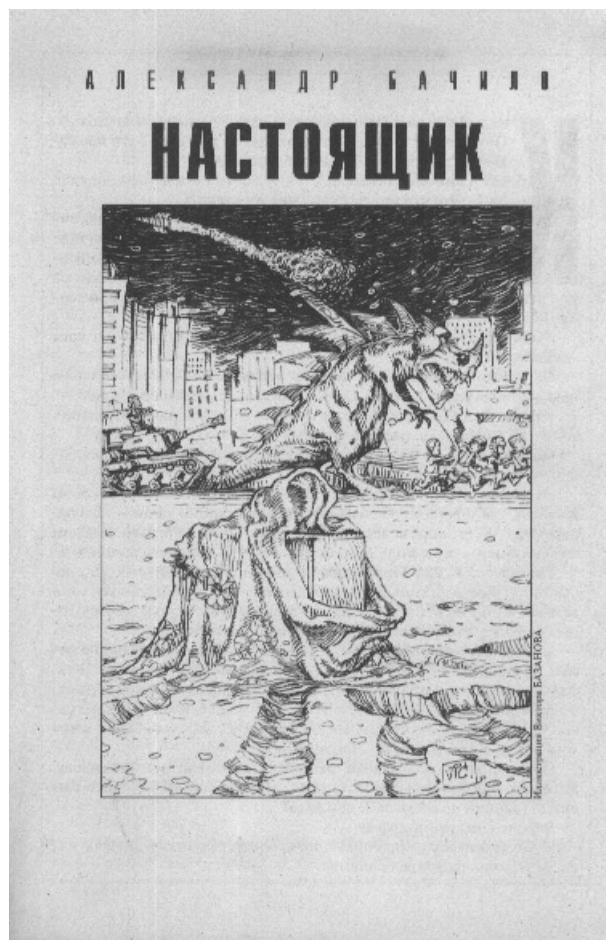

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

«Каждый сам за себя, один Бог за всех. Каждый сам за себя...»

Питон вдруг понял, почему эта фраза крутится в его прожаренных мозгах, как заевшая пластинка.

«Да я никак сомневаюсь?! - с веселым изумлением подумал он. - Это что же, выходит, мне их жалко?»

Он окинул быстрым взглядом из-под капюшона оба ряда сидений. Вагон был пуст, только на самом дальнем диванчике клевал носом седобородый человек в красной с белой опушкой шубейке и такой же шапке. Шапка совсем съехала на ухо, открывая тонкую полосу через висок - резинку, на которой держалась борода.

«Чего это он бороду нацепил? - встревожился Питон. - От кого маскируется?»

Он привстал было, зорко следя за ряженым, но сейчас же снова плюхнулся на место и мелко затрясся, будто в нервном припадке.

«Это же Дед Мороз, елки зеленые! Расслабься, бродяга! Праздник у них тут! Новый год, драть их за ногу!»

Отсмеявшись, он плотнее запахнул куртку, глубже натянул капюшон и, казалось, уснул.

«А может, и жалко. Как представишь, что тут начнется в скором времени, так и впрямь не позавидуешь им. Вон они какие - елочки наряжают, Деда Мороза водкой поят. Живут себе, о Барьере слыхом не слыхивали - ну и жили бы себе дальше. Что они мне сделали?»

Разомлевший Дед Мороз чихнул, досадливо сдвинул бороду на бок, потер нос вышитой рукавицей. Шапка, наконец, свалилась с его головы, но он не проснулся, только озабоченно потянул на себя тощий мешок с подарками - целы ли - и снова захрапел.

«А с другой стороны, обидно, - подумал Питон, неприязненно косясь на спящего. - Сидят тут в тепле, в довольстве, сытые, сволочи, фальшивые бороды привязывают, а Серега-Бокорез в пещере остался, с одной обоймой... Нет уж, пусть и эти кровью поблюют! И потом, какое мне дело? Деньги не излучают. Скину груз, заберу бабки - а там хоть потоп. Каждый сам за себя, один Бог за всех».

Поезд с затухающим воем остановился. Питон поднял голову. За окном - ребристые стены тоннеля, толстый кабель под слоем пыли. До станции не доехали. В чем дело?

Впрочем, он уже знал в чем...

- По техническим причинам поезд следует до станции Печатники, - угрюмо прохрипел динамик.

- То есть как Печатники?! - вскинулся Дед Мороз. - Печатники только что проехали!

Он ошеломленно хлопнул глазами, оглядывая пустой вагон.

- Отличный костюм, - прогнусавил вдруг кто-то над самым его ухом.

Дед Мороз вздрогнул и обернулся. Человек в наглухо застегнутой куртке с капюшоном, надвинутым на лицо, поднял с пола красную шапку, выбил ее о колено, но хозяину не вернул. Поезд тихо тронулся и

покатил, набирая ход, в обратную сторону.

- А что случилось-то? - с фальшивой беззаботностью спросил Дед Мороз. - Авария?

- Авария, - кивнул человек, пряча лицо. - Придется помочь...

- Рад бы, но... - Дед Мороз поспешно повернул бороду, пристраивая ее на положенное место, - я ведь и сам на службе. Подарки детворе развезти надо, а водила сломался. Но не оставлять же детей без Деда Мороза!

Он сунул было руку в мешок, но в то же мгновение ощутил холодное прикосновение металла - незнакомец стремительно приставил к его лбу двуствольный обрез.

- Не дергайся, дядя! Дай сюда мешок. Что у тебя там?

- Подарки! Что ж еще?! - чуть не плача сказал Дед Мороз.

Он безропотно расстался с мешком, в его руке остался только разграфленный листок.

- Совсем чуть-чуть осталось, - захныкал он, водя пальцем по строчкам. - На Ставропольской семь, Кириевскому, одиннадцать лет, - вертолет; на Краснодарской девять, Бойко, - танк; на Кубанской два, Киндергахт - как его, поганца... игрушка Гиганатано... тьфу; на маршала Алабяна три, Черкиняну, - алабянные, блин, то есть на маршала Оловяна...

«Не обделался бы со страху, - подумал Питон. - Чего несет? Если только...»

Он пригляделся к Деду Морозу внимательнее. «А что если это проверка? Может, он от заказчика и прибыл, клоун этот? А что? Прикид нынче самый расхожий».

- I need your clothes, - сказал Питон.

Дед Мороз осекся.

- Чего?

- Не понимаешь?

- Плоховато у меня с языками, - залезбезил Дед. - Уж не сердитесь. Три класса и коридор...

Нет. Этот не от заказчика. Питон вздохнул.

- Мне нужна твоя одежда.

Я сперва за хохму принял, ей-богу! Выходит перед строем паренек - ну лет двадцати трех, не старше.

- Больные, - спрашивает, - есть? Помялся кто в дороге, недомогает? Потертости? Царапины?

Надо же! Недомогания наши его волнуют. В учебке небось никто про здоровье не спрашивал. Дадут лопату - и недомогай, пока танк по башню не зароешь. А этот - прямо брат родной! Может, и правда, медбрат? На фельдшера что-то по возрасту не тянет. Черт их разберет в полевой-то форме. На погончике - две звёзды, и те вдоль.

Тут подходит он прямо ко мне и спрашивает тихо:

- Родителей помнишь?

- Так точно! - говорю.

А сам удивляюсь. Чего их не помнить? Не так давно виделись.

- Живы? Здоровы?

- Более-менее...

- Отец не пьет? А мать?

Дались ему мои родители! На гражданке послал бы я его за такие вопросы. Но в учебке нас уже крепко переучили: хоть про мать, хоть про отца, хоть, извиняюсь, параметры конца... а начальство спрашивает - отвечай.

- Никак нет, товарищ старший прапорщик, - отвечаю, - непьющие они. Оба.

И вдруг чувствую, что и вправду - «О-ба!».

По шеренге этакий всхрюк пронесся, да не такой, как бывает, что ржать нельзя, а хочется. А такой, что сам не знаешь, от смеха всхрюкнул или от ужаса. Будто все разом вдохнули и затаились. И главное, причина этому дыхательному упражнению явно во мне. А чего я сказал?

Гляжу на начальство, а оно в ответку на меня. Без улыбки глядит, спокойно так, и не поймешь, что у него на уме: то ли юморок армейский там притаился, то ли погрузочно-разгрузочные работы для меня, как говорится, в самом нужном месте.

- Так, - говорит наконец. - Вижу, в учебке общевоинской устав довели. Но не весь...

И глазом по шеренге скользнул, будто выявляя, есть ли еще такие самородки, как я. Все застыли, вытянулись как на параде, шары повываливали. Что ж такое? Чем этот прапор столько страху нагнал?

И тут вдруг начинает до меня доходить. Две звезды вдоль погона не одни прапорщички носят. Есть и еще подходящее звание.

Мать моя, красная армия! Говорили же нам, что отправляют в такую часть - у нее ни номера, ни почты, зато по кухне полковники дежурят. А я-то еще ржал над такой перспективой! Ну, теперь все. До дембеля в солобонах ходить, да когда он еще будет, тот дембель? Оставят до особого распоряжения, всеобщего разоружения...

В общем, стою дурак-дураком, не знаю, как вести-то теперь себя. Одно остается - дурака и включить.

- Виноват, - говорю, - товарищ генерал-лейтенант! - А сам будто заикаюсь: - Обо... знался!

Он только рукой махнул - молчи уж. И пошел вдоль строя.

- Это к лучшему, - говорит задумчиво, - что уставов не знаете. У нас тут свои уставы. Прогибаться некогда. Обстановка не позволяет. Единственное, что вам сейчас нужно затвердить, как «Отче наш», это... «Отче наш». Потому что дельце будет жаркое. По машинам!

- «Нет, - сказал зайчатам Мишка, - в стаде заяц - не трусишка!»
- В стае, Коленька! - тихо поправила мама.
- Зайцы стаями не ходят, - буркнул шестилетний Коленька, слезая с табуретки. - Всё, давай подарок!

Дед Мороз, тронув затейливый узел на мешке, вопросительно покосился на Колину маму. Та была расстроена. Ей явно хотелось, чтобы Коля блеснул.

- Это смотря какие зайцы, - уклончиво заметил Дед Мороз. - Ваши-то, городские, может, и не ходят. Чего им стаяй промышлять? На всем готовом живут - где магазин, где склад подломают... А в наших краях, к примеру, заяц голодный, он слона замотает, если стаяй.

- Слона-а? - недоверчиво протянул Коля.

- Да что слона! - Дед Мороз махнул рукавицей. - По крепкому насту он, заяц-то, бывает, и на кордон выходит. Обложит со всех сторон и прет цепью. Тут с калашом не отсидишься, дегтярь нужен...

Дед Мороз вдруг умолк, поймав на себе изумленный мамин взгляд.

- В общем, маловат стишок, - сказал он, кашлянув. - Не тянет на подарок.

- Там же дальше еще, сыночек! - в голосе мамы звякнули умоляющие нотки.

- Ай! - отмахнулся Коля. - Там полкнижки еще! Хватит на сегодня!

- Ну, про дружбу, Коленька! - упрашивала мама. - Ты так хорошо читаешь стихи! Дедушке Морозу очень хочется послушать. Правда, Дедушка?

- Черт его знает, как так получается... - Дед Мороз почесал в затылке. - Никогда бы не подумал, что буду всю эту пургу слушать. Но вот поди ж ты, нравится! Ты, Колян, пойми. Мне подарка не жалко, но за принцип я глотку порву! Сказано: подарки тем, кто маму слушается, - всё! Сдохни, а слушайся! Мать сказала: дальше рассказывай, - значит, надо рассказывать, брат, до разборок не доводить. Это же мать! Сечешь фишку?

- Секу, - вздохнул Коля.

- Что там у тебя дальше насчет зайцев? Задавили они медведя или отбился?

- Там дальше о дружбе! - радостно вставила мама.

- Не вопрос, - кивнул Дед Мороз. - Дружба рулит не по-детски! Особенно, если лежишь в канаве, подстреленный, а на тебя стая зайцев с-под лесочка заходит. И патронов кот заплакал. Тут без друга надежного, от замороженного, с которым хоть шишку бить, хоть по бабам...

Дед Мороз снова поперхнулся, спохватившись.

- В общем, давай, Колян, заканчивай стишок. Меня еще куча детей ждет.

- Ладно, - вздохнул Коля, - всё не буду, только главное. - Он снова взобрался на табуретку и старательно прокричал в пространство:

*Чтоб в лесу нормально жить,
Надо дружбой дорожить!
И тогда лесные звери
Будут с сельскими дружить!*

Дед Мороз задумчиво покивал.

- Это верно подмечено у тебя. Лесные - они чистые звери. Кто к ним попал, того одним куском больше не видали... Вот кабы узнали, что про них дети говорят... В общем, молодец, Колян. Здорово припечатал! Заслужил подарок - получай!

Дед Мороз рывком развязал узел, запустил обе руки по локоть в мешок. На лице его появилось удивленное выражение.

- Ох, мать честная! Я и забыл про него!

Он вынул из мешка и поставил на пол нечто вроде автомобильного аккумулятора - увесистый параллелепипед размером с небольшой посылочный ящик.

- Это я извиняюсь, - Дед Мороз обескураженно почесал в затылке. - Это не тебе, Колян.

- Другому мальчику? - с пониманием осведомился Коля.

- Во-во, ему. Мальчику. Шустрый такой мальчуган...

- А он маму слушался?

- Спрашиваешь! Такую маму попробуй не послушайся! Дня не проживешь, - Дед Мороз отчего-то быстро огляделся по сторонам. - Ладно. Что-то я не по делу уже тарыхчу. Вот он, твой подарок - законный, именной, честно заработанный...

И он наконец вынул из мешка игрушку.

- Ух, ты, - восхищенно прошептал Коленька. - Совсем как живой...

- А то! - разулыбался Дед. - У настоящего Деда Мороза и подарки на все сто!

- Все-таки странный мужик...

- Кто це?

Остапенко повернулся ко мне, отчего остальные чуть не посыпались со скамейки. Однако сыпаться было некуда - набились в грузовик, как в коробку, под завязку.

- Командующий наш, - прокричал я сквозь кузовные скрипы и рев мотора. - Генерал Колесник! То про родителей расспрашивал, то вдруг - «некогда прогибаться, по машинам».

- Та ничего особлывого, - разулыбался Микола. - В них вже така процедура. Як той Суворов робыл, так и вони соби роблять, - он пренебрежительно махнул рукой. - Гетьманщина!

- Да не размахивай ты ковшами своими! - сдавленно прохрипел ненароком прижатый к борту Степа Гуваков. - Тебя надо в отдельном

трейлере возить!

Что и говорить, здоров наш Остапенко. Плечи такой ширины, что из-за спины можно кукольный театр показывать. Бороду бы еще - и вылитый Карабас-Барабас, только без плетки. Да ему плетка и ни к чему - у него кулак такой, что в ведре застревает. Правда, добр Микола, силы своей показывать не любит, теми, кто слабее, не помыкает, но если и смиренно попросит, типа, малышей не обижать - никто ему в просьбе не откажет.

Вот и Степе в ответ на ругань он слова не сказал, только выпростал из-за спины, осмотрел повреждения и бережно назад усадил.

- Та ничего особлывого...

Такой у нас Микола.

- Кого ловить-то будем? - спросил Валерка Жмудь. - Опять какую-нибудь хрень из-за Барьера занесли?

- Да уж это как водится, - отозвался из-за Миколиной спины Гуваков. - Никакого понятия у бродяг. Притащит черную дыру, а потом сам же вопит: помогите!

- А что, опять черную притащили? - встревожился Жмудь.

- Может, что и похуже. Пойди разберись, что там, за Барьером, самое злое. - Степина голова протиснулась у Миколы под мышкой и обвела глазами слушателей. - Говорят, какой-то настоящий притащили.

- Ящиков нам только не хватало! - проворчал Жмудь. - Не заметишь, как сам сыграешь, в ящик-то. Что оно хоть такое?

- Никому не известно. ,

- Как так - неизвестно?! - возмутился Жмудь. - А с какой стороны за эту штуку братья - тоже неизвестно?!

Никто не ответил. Черт его, в самом деле, знает...

- В армии що гарно? - философски произнес Микола. - Що усе скажуть...

Грузовик вдруг накренился, закладывая невозможный вираж. Испуганно запели тормоза. В то же мгновение что-то невероятно тяжелое врезалось в землю у самого борта. Машину отбросило, будто взрывной волной, завалило на бок. Но взрыва не было.

- Все из машины, быстро! - слышался откуда-то снаружи голос генерала.

В общей куче мне разок проехались пряжкой по физиономии, чуть не высадили пару зубов каблуком и чуть не сломали ребро о какой-то угол. Наконец, могучая рука Миколы выдернула меня наружу.

Задние колеса нашего КамАЗа, были подогнуты внутрь, будто перед взлетом он собирался убрать шасси. Рядом лежала куча бетонных обломков, среди которых я с удивлением увидел плиту с приваренным к ней почти неповрежденным балконом. Вьющиеся растения густо заплетали перила и даже в проеме разбитого окна, как ни в чем не бывало, колыхались белые занавесочки.

- Вон он! - закричал кто-то.

Все разом повернулись к ближайшему дому. Там, на высоте шестого этажа, зиял пролом, как бывает при взрыве газа. Но ни огня, ни дыма не наблюдалось. Сквозь пыльную завесу можно было лишь смутно разглядеть какое-то шевеление - будто кто-то двигал там неповоротливую мягкую мебель.

И вдруг из пелены вынырнула и прямо на нас уставилась огромная, жирно поблескивающая чешуей голова с двумя надбровными гребнями и частоколов зубов в разинутой пасти. Я даже не сразу понял, что это не кино. Такая знакомая зверюга! Для всех, кто в детстве ими увлекался.

- Гигантозавр, - сказал генерал Колесник. Он стоял рядом со мной, держа в руке разграфленный листок. - Все правильно. Кубанская два, квартира пятьдесят... Не стрелять! Там люди!

Сверху послышались жалобные крики.

- Ну-ка, ты, богатырь, - генерал махнул Миколу. - Бери свое отделение - и за мной. Нужно выманить эту тварь на чистое место. Но стрелять только по моей команде!

Он повернулся ко мне.

- А, двоечник... У тебя в учебке какая специальность была?

- Механик-водитель! - доложил я, поглядывая все же наверх.

- Вот и поглядим, что ты за водитель. Наводчик в отделении есть?

- Так точно!

Генерал заглянул в листок.

- Бери наводчика и бегом на соседнюю улицу. Краснодонская девять, квартира один. Увидишь там поблизости боевую технику - гони ее сюда. Выполнять!

Какое же это счастье - дарить радость детям и их родителям! Но какое непростительное разгильдяйство - терять важнейшие документы! Подумать только - забыл где-то список. Адреса, фамилии, наименования подарков... где оставил? У Степанцевых или Кирхмеев? А может, у Коли, на стихотворной табуретке? Положил на минутку, когда настоящий в мешок запихивал, да так и ушел, склеротик бородатый! Ну и куда теперь?

Дед Мороз даже зажмурился от стыда и отчаяния. В тот же миг в голове словно надпись вспыхнула: Симферопольская четырнадцать, квартира двадцать три, Варенникова Катя.

И более тусклыми, не разгоревшимися еще буквами: Ташкентская... Поречная... Мячковский бульвар...

Все-таки хорошо быть настоящим Дедом Морозом! Фальшивый какой-нибудь, бухгалтер переодетый, сроду не запомнил бы адреса наизусть. Но для того, кто надел шубу и рукавицы не на праздничную недельку, а на всю жизнь... о! Для него каждый ребенок роднее собственной Снегурки, и забыть, где он живет... нет, как же можно?! Да в темноте с

закрытыми глазами найдет дедушка ваши дома, ребята! Потому что слышит и понимает каждого, кто его ждет...

- Здоров, Питон! - раздался вдруг голос из подворотни. - Поговорить надо. Только не дергайся. Держи руки так, чтобы я их видел...

Вбежав во двор девятого дома по Краснодонской, мы с Валеркой Жмудем сразу врезались в толпу. Народ с изумлением разглядывал развороченную дверь подъезда, откуда торчал... длинный орудийный ствол.

- А ну, граждане, разойдись! - заорал я. - Армейская операция! Освободите проход к технике!

- С ума вы посходили с вашей техникой! - задиристо отозвалась сухопарая старушка с котом на руках. Только капремонт дому сделали, а вы тут со своими учениями, душегубы!

- Жертвы есть? - хмуро спросил я.

- А то как же! На Василия кирпич упал! - она заботливо погладила кота, который совсем не выглядел жертвой. Здоровенный жирный котяра, сытый и довольный. Такого кирпичом-то и не убьешь.

- Это не учения, мамаша, - веско сказал я. - Сохраняйте спокойствие.

- Сань, ты глянь! - дернул меня за рукав Валерка и указал в пролом.

- Ну что? Танк и танк. Обычный Т-72... постой... что это?

Я взгляделся в сумрак подъезда и ошеломленно присвистнул. Никогда мне не доводилось видеть такого чистенького танка. Это еще слабо сказано. Он был словно только что снят с полки магазина - даже на гусеницах ни пылинки. Но не это главное.

Танк был розовый!

Деда Мороза окликнул человек, устало подпирающий стенку в тени арки, ведущей с улицы в спокойные, темные уже, уютно заплетенные линиями гаражей, дворы, куда, случись что, нырнул - и канул, не найдут. Этаким рядовой трудяга, возвращавшийся, вероятно, с дневной смены, а может, и даже скорее всего, направлявшийся на ночную... Ну, короче, нашли Питона. Свои ли нашли, те, с кем многожды ходил он за Барьер? Да и в этот раз отправился с компанией надежных ребят, а вот вернулся почему-то один. И никому ни слова. Нехорошо.

А может, заказчику надоело ждать обещанной посылки, и отправил он, полный нехороших предчувствий, другую компанию, и тоже очень надежных ребят - встречать добытчика.

Или нашлись надежные ребята и совсем в другой компании. В той, что никого ни за чем не посылала, никому ничего не заказывала, а просто никогда не упускала случая поживиться чужим куском - добычей ли, деньгами или даже просто честным рассказом удачливого бродяги: где был, что достал, как в живых умудрился остаться... В смысле - до этих пор умудрился. Дальше-то вряд ли.

Сказать, которой из компаний надежных ребят принадлежал человек, окликнувший из подворотни Питона, представляется затруднительным. Да и не так это важно. Окликнул и окликнул - на том спасибо, мог бы молча шамальнуть.

- Извините, это вы мне? - Дед Мороз недоуменно, но без опаски взглядывался в полумрак подворотни.

- Закругляй самодеятельность! - посоветовали из тени. - Не на елке! Гони настоящик! Сколько можно ждать?!

- А! - Дед Мороз с пониманием улыбнулся. - Вы хотите получить подарок?

В голосе его было столько радушия, что человек в арке испуганно попятился, быстро сунул пятерню за отворот ватника и в полумраке стал похож на Наполеона, бегущего из России.

- Но-но... без шуточек, Питон! - предупредил он. - А то сам подарочек схлопочешь!

- Подарочек? Мне? - оживился Дед Мороз. - Это так мило с вашей стороны! Уверен, весь год вы слушались маму и вполне заслуживаете награды! Осталось только рассказать стишок, и настоящик - ваш!

Дедушкины слова нисколько не воодушевили обитателя тени.

- Кончай измываться, Питон! - взвыл он. - Какой еще, в дупло, стишок?!

- Любой подойдет, - Дед Мороз сдвинул шапку набекрень и, выпростав ухо из-под седых кудрей, приготовился слушать. - Но лучше, конечно, о дружбе. Знаете эти бессмертные строки: «Нас зовут лесные звери под зеленой крышей жить»?

- Да что же это... - пробормотал человек в арке и, чуть не плача, воззвал в темноту: - Сидор, не могу я с ним ровно базарить! Он говорит, его лесные крышуют! Слышал?

- Слышал, слышал...

Со стороны погруженного в ночь двора вдруг вспыхнула целая рампа огней, густо облепивших кенгурятник могучего джипа. В арке сразу стало солнечно, как на пляже. Но и на солнце бывают пятна. Темным, скособоченным пятном от машины отделился и заковылял, опираясь на звонкую трость, лысый, остроухий силуэт.

- Ничего-то ты не понял, Хомяк, - сказал Сидор, проходя мимо человека в арке. - Зря только кормлю вас, убогоньких... Не с Питоном ты базаришь, пардон, беседеешь... лошара! - он вежливо поклонился Деду Морозу.

- Как не с Питоном? - Хомяк опасливо переводил взгляд с лысого на бородатого, тщетно пытаюсь понять, в чем юмор.

- Ведь ты настоящий Мороз, дедушка? - ласково спросил лысый.

- На все сто! - заверил Дед Мороз.

На полной скорости я вывел свою «Розовую Пантеру» на Кубанскую и

втопил по полной, торопясь к дому номер два. Из-за грохота двигателя я не слышал стрельбы, но издалека заметил сверкнувшую цепочку - кто-то бил трассирующими. Затем из-за угла показались ребята, они бежали прочь от дома, оборачиваясь и стреляя на ходу. Последним появился генерал Колесник. Он выпустил трассирующую очередь и честно припустил со всех ног. По пятам за ним с каким-то машинным упорством двигался гигантозавр. Видимо, пули калибра пять сорок пять производили на тормозную рептилию слабоватое впечатление.

- Наводи! - рявкнул я, прижав к горлу лингофон, и тут же застопорил фрикционы.

Ствол, как указка, пополз вслед за чудовищем, неотвратимо догоняющим Колесника.

Жахнуло, пахнуло огнем и пороховым дымом. Автомат четко отработал перезарядку орудия. Но второй выстрел не понадобился.

Генерал Колесник подбежал, на ходу обирая с себя клочья мяса и, вспрыгнув на броню, протянул мне руку.

- Ну, держи пять, крестник! Вовремя подоспел, спасибо! Понял теперь, с чем мы имеем дело?

- Так точно, - сказал я. - Хищный динозавр мелового периода...

- Да плюнь ты на динозавра! -- генерал устроился поудобнее и вынул пачку «Казбека». - Эй, наводчик! Вылезай! Великолепно стреляешь, - с чапаевской интонацией сказал он показавшемуся над башней Валерке. - Угощайся.

- Виноват, товарищ генерал, - смутился Жмудь, - не курю.

- Да я и сам не курю, - сказал Колесник. - Это мятные конфеты. А то прет от этого динозавра, как от хорька...

- Откуда он взялся? - я все никак не мог сообразить, что происходит.

- Оттуда же, откуда и твой танк, - сказал генерал. - Из мешка...

- Я так и думал, - покивал Сидор. - Настоящая борода, мешок, подарки... И вообще все, к чему прикасался настоящий, - все настоящее! Ты ущучил? - обернулся он к Хомяку.

- То есть... да... - неуверенно протянул тот. - Конечно... Но в каком это смысле - настоящее? Он что, вообразил себя...

- Нет! - рявкнул Сидор. - Он и есть! На все сто процентов - натуральный Дед Мороз!

- Так ведь не бывает их... - растерялся Хомяк.

- Извини, дедушка. Мал еще сынулька мой, - Сидор ткнул тростью в сторону Хомяка, - не узнал тебя. Но мальчик он очень хороший, и маму слушается, и стишок сейчас отчебучит за милую душу! Начинай, Хомячок, не тяни кота за елку, дедушка ждет. Ну?

- Да не знаю я стихов! - захныкал вконец сбитый с толку Хомяк.

- Как так не знаешь?! - встревожился Сидор. - Что тебе мамка в детстве на ночь читала?

- Какая там мамка! - горько хмыкнул Хомяк. - Она и днем-то ничего, кроме этикеток на бутылках, не читала! А к ночи и вовсе буквы забывала...

- Думай, Хомяк, думай! - лихорадочно бормотал Сидор. - Будешь кобениться - шлепну! Не может быть, чтобы ни одного стишка не помнил!

- Подскажите хоть начало!

- Да мне-то откуда стишки знать?! - взвыл Сидор. - Я с пяти лет по психушкам!

Хомяк уныло покосился на Деда Мороза:

- А без стишка нельзя?

- Отчего же, - умильно расплылся дедушка. - Песенку можно. Или танец.

- Вообще-то, пару песенок я помню... - Хомяк неуверенно почесал в затылке.

- Заткнись! - прошипел Сидор. - За твои песенки ничего, кроме срока, не получишь! - Он старательно посмеялся, заглядывая под косматые брови Деда Мороза. - Хомячок у нас плясун!

- Кто плясун?! - ужаснулся Хомяк.

- Стесняется, - Сидор подошел к подручному и потрепал его по загривку, да так нежно, что у того клацнули зубы.

- Если что-то мешает, скажи, - заботливо промурлыкал лысый. - Танцору ничего не должно мешать! Ну-ка, два прихлопа, три притопа!

- Только и знаете, - тяжело вздохнул Хомяк. - Прихлопнуть да притопить... Эх! - с разгульной тоской заорал он вдруг. - Говори, Москва, разговаривай, Россея! - Сорвал с головы шапку, хватил ею оземь, передернул плечами, откинул со лба несуществующие кудри и резво ударил вприсядку с причитаниями. - Ах! Ох! Чтоб я сдох! Баба сеяла горох! Подавилась кирпичом! Что почем, хоккей с мячом!

- Ходи, черноголовый! - бодрил его Сидор. - Хоба-на да хоба-на, зеленая ограда! Есть такая песенка, но петь ее не надо!

.- Ай-люли! Ай-люли! - Дед Мороз прихлопывал рукавицами.

- Эх, Питоша! - напевно голосил Хомяк, не переставая выкидывать коленца. - Какой бродяга был! Настоящик из-за Барьера вынес! Чудо! Зачем же ты, дурак, эту мочалку на морду нацепил?! Вовек теперь не отдерешь! Погубил тебя, дурака, настоящик!

- Дурак - нехорошее слово, - погрозил ему рукавицей Дед Мороз. - Хочешь получить подарок - забудь это слово и рот вымой с мылом!

- Все! Не могу больше! - Хомяк грохнулся на колени. - Что я, клоун - козлом скакать?

- Э-э! - предостерегающе взрыкнул Сидор. - Страх потерял, вредитель?! Пляши, тебе говорят!

- Хватит бродягу чморить, - прохрипел Хомяк устало. - Чего мы изгаляемся над ним? Закопаем, как человека, и груз заберем.

В руке Хомяка вдруг появился тяжелый, как отбойный молоток, пистолет с длинным стволом.

- Прости, брат, жалко тебя, но...

- Не вздумай! - ахнул Сидор.

В его ладони тоже, откуда ни возьмись, материализовался пистолет, мало чем уступающий хомяковскому. Губительный дуплет, слившийся в один оглушительный хлопок, уже готов был терпким эхом отразиться от сводов подворотни... но не отразился. Словно кто-то вдруг вставил в арку огромный кляп - все звуки разом оборвались.

Несколько мгновений царила неестественная тишина, а затем тихо звякнули, упав на обледенелый асфальт, две тяжелые пули.

Дед Мороз со вздохом опустил посох, на конце которого еще посверкивали ледяные искорки недавнего разряда.

- Ну кто дает детям такие опасные игрушки?! - с негодованием сказал он, высвобождая из скрюченных, заиндевевших пальцев Сидора и Хомяка ломко крошащиеся кусочки металла, только что бывшие грозным оружием.

- А если бы вы друг другу в глаза попали?! - строго спросил дедушка.

Две густо покрытые изморозью статуи ничего ему не ответили.

- Вот-вот, подумайте над своим поведением, пока будете оттаивать! А насчет подарка... - Дед Мороз на минуту задумался. - Так и быть, будут вам подарки! Одному достанется сердце, другому - мозги. Только вам придется смастерить их самостоятельно. Вот это должно помочь.

Он пошарил в мешке и, отложив его в сторонку, сунул в руки каждому из снеговиков по цветастой книжке.

- Может, это были не Бог весть какие сокровища для ума и сердца, - усмехнулся он в бороду, - но, полежав в мешке рядом с настоящим, они стали настоящей литературой! Уж вы мне поверьте, я это на себе ощутил. Еще недавно я был таким же, как вы, но теперь во мне почти не осталось бродяги Питона. Я - Дед Мороз! И знаете, это гораздо интереснее! - Он ударил посохом в асфальт, и своды арки окрасились изумрудными, синими, жемчужными огнями. - А настоящий я подарю другому мальчику. Или девочке. Но не раньше, чем буду уверен на сто процентов, что они не станут с ним шалить!

Сказав это, Дед Мороз протянул руку, чтобы подхватить мешок... и замер в ужасе, передать который не в силах ни одно, самое гениальное перо.

Мешок исчез!

Двигатель джипа, запиравшего противоположный выход из подворотни, натужно взревел, фары погасли, а затем и рыжие габаритные огни, словно брызнув в разные стороны, затерялись в хаосе гаражных коробок, загромождавших тесный двор.

Дед Мороз застыл неподвижно, будто ледяной заряд волшебного посоха угодил в него самого.

Мешок, подарки... все потеряно! Что я скажу детям?! Как на глаза им явлюсь без подарков?!

Старик схватился за голову.

А что скажут дети?! Ведь они решат, что я ненастоящий! Что Деда Мороза вообще не бывает! Разве может быть что-нибудь страшнее этого?!

- Некогда плакать, дедуля! - раздался вдруг спокойный голос, отливающий, однако, металлом.

Дед Мороз поднял голову.

В проеме арки стоял генерал Колесник.

Да, братцы, слышал я, что бывает с людьми за Барьером, но такого представить себе не мог. Борода, усы, кудри седые - все натуральное, не приклеенное! Коновалов, санинструктор, хотел ему пульс измерить и тут же руку отдернул.

- Да он холодный, как покойник!

Но генерал на него прицыкнул:

- Не покойник, а мутант! - И Морозу: - Пройдемте на посадку, дедушка. Необходимо догнать похитителей.

Затащили деда в вертолет, усадили, пристегнули, взлетели. Спрашиваем: кто настоящим заказывал? Кто еще за ним охотится? Кто эти двое замороженных, от которых толку пока - одна лужа на полу?

Молчит дедушка, только глазами хлопает, озирается по сторонам.

- Откуда, - спрашивает, - у вас этот вертолетик? Я же его Игорьку Кириевскому подарил! Ставропольская семья, квартира сто семнадцать...

С понтом не понимает, отморозок, что подарок его, хоть и по-прежнему желто-зелено-красно-синий, а давно уже не игрушка. Но Колесник объясняет терпеливо:

- Игорек дал нам свой вертолетик поиграть. Все равно он ему до утра не понадобится, детям спать пора.

- Верно! Верно! Давно пора! - разохался Дед Мороз. - А я еще не все подарки раздал! Позор на мою седую голову!

- Ничего, - успокаивает генерал. - Лично обещаю вам, дедушка, что к утру все подарки, согласно списку, будут у детей. Мои люди уже этим занимаются. Те игрушки, что пришли в негодность, будут заменены дубликатами. Авторитет Деда Мороза не пострадает. Но сейчас важнее другое: мы должны найти настоящего. Хоть вы и сказочный персонаж, а должны понять, что эта игрушка - самая опасная из всех, когда-либо вынесенных из-за Барьера.

Вижу, проняло деда, задумался, нахмурил косматые брови...

- Почему это, - спрашивает, - опасная?

Генерал повернулся ко мне.

- Бирюков, доложи товарищу Морозу. Только осторожно.

Я расстегнул кофр, вынул ствол - водяной пистолет «Мегадестроер», с помпой и надствольным баллоном для расходного субстракта. Пару раз качнул насос.

- Это вы, гражданин дедушка, подарили Гене Сысоеву с Перечной...

- Дом двенадцать, квартира восемьдесят, - кивнул Дед Мороз.

- А вот как работает этот «Мегадестроер» после того, как полежал у вас в мешке, рядом с настоящим...

Я распахнул люк и навскидку пальнул в ночное небо.

- Ты что делаешь?! - гаркнул Колесник, вскакивая. - Отставить!

- Виноват, товарищ генерал. Не заметил...

- Посажу сукина сына! - Генерал некоторое время придирчиво разглядывал в бинокль лунный диск, потом вздохнул. - Ладно, вроде не очень заметно. Кратером больше, кратером меньше...

Он снова сел рядом с Дедом Морозом.

- Вот такие наши дела, дедушка... Большинство подарков мы уже взяли под контроль. Но, сами понимаете, нужен весь мешок, со всем содержимым. Только где его искать? Никто не знает...

- Дети знают, - сказал вдруг Дед Мороз. - Ни один ребенок не ошибется, увидев мешок с подарками. И никогда не забудет, где увидел, куда и откуда его несли, сколько он весил и сколько в нем приблизительно могло быть подарков.

- Да, дети... - Колесник невольно улыбнулся, - эти, конечно, все подметили. Да что толку? Кто и видел, так давно спит. Что ж нам, побудку на весь город устраивать?

- Не надо побудку! - покачал головой старик. - Я это все заварил, мне и расхлебывать.

- Звучит геройски, - кивнул генерал. - А какие конкретные действия? Пятки детям щекотать?

- Не забывайте, кто перед вами. Настоящий Дед Мороз может прийти и во сне...

Бобер крадучись пересек полутемный музейный зал, остановился у входа в соседний, прислушался. Вроде тихо. Не найдут здесь. Ни Питон, ни Сидор, ни Хомяк - ни одна живая душа не знает, что он когда-то служил сторожем в Музее космонавтики - прямо под гигантским обелиском, изображающим космический корабль на взлете. Теперь главное - не торопиться, пусть сюрпризы настоятся как следует. А там - попробуй, возьми его, Бобра! Хреначки!

Сейчас небось бегают, задница в мыле - Сидор, Хомяк, если оттаяли уже... вся их команда - уж это наверняка. А с ними и вся полиция, армия. Хи-хи... Даже жалко их. Хотя... Его-то никто не жалел! Бобер - туда, Бобер - сюда! Бобер, рули, Бобер, пали! Хватит, откомандовались! Пальну так, что мало не покажется...

Он осторожно двинулся в обратный путь, чтобы вернуться в свое

убежище у основания обелиска, и вдруг замер. Из соседнего зала донесся отчетливый мерный стук.

Бобра прошибло ледяным потом. Он понял, что это стучит. Это ударяется в мраморный пол металлический наконечник посоха, С отчетливым скрипом в шейных позвонках Бобер медленно обернулся.

Дед Мороз неторопливо шествовал через зал, посвященный первым полетам на реактивной тяге. Он был не один. Рядом с ним, держась за руку, деловито шагал босоногий мальчик лет пяти в теплой пижаме, усыпанной веселыми утятами.

- Так ты говоришь, Константин, дядька с мешком зашел в музей? - серьезно спросил Дед Мороз.

- Ага, - мальчик огляделся по сторонам. - Я думал, он будет Дедом Морозом на елке. А елки-то и нет!

Бобер метнулся за стенд со скафандрами и приник к одному из них, обмирая от ужаса.

- Да, - согласился Дед Мороз. - Елкой тут и не пахнет... Генерал! - сказал он, поднеся к лицу рацию. - Думаю, это здесь. Начинайте!

И сейчас же изо всех дверей посыпался дружный топот, появились солдаты в полной боевой экипировке, с оружием, приборами ночного видения и неведомым еще оборудованием. Один из них, с генеральскими звездами на погонах, подошел к Деду Морозу.

- Уверены? - спросил он.

Дед Мороз молча повернулся к мальчику.

- Да здесь он где-то, - авторитетно заявил Константин, - может, за скафандрами прячется.

У Бобра подкосились ноги, но он устоял.

- А пацан у нас не простудится? - спросил генерал, глядя на босые ноги Константина.

- Обижаете, товарищ командир! - Дед Мороз покачал головой. - Неужели вы думаете, что я привел бы сюда мальчика босиком?! Константин спит в своей постели под теплым одеялом. А нас с вами он видит во сне.

- Тогда порядок, - кивнул генерал, привыкший скрывать даже полное обалдение. - Прочесать тут все! - приказал он бойцам.

И тут Бобер не выдержал. Вспугнутым зайцем он порскнул к металлической лесенке, ведущей к основанию обелиска, и взлетел по ней с третьей космической скоростью.

- Живьем брать! - крикнул Константин, бросаясь следом за ним.

Бойцы тоже не заставили себя ждать. Но всех опередил Дед Мороз. Проскочив сквозь люк в низкое холодное помещение, пересеченное во всех направлениях балками арматуры, он увидел Бобра, склонившегося над красным, расшитым звездами мешком.

- Не уйдешь! - вскричал хозяин вьюг, направляя на бандита посох.

- Стой, Питон! - заверещал тот в истерике. - Ты не по... - и замер,

превратившись в белую, ко всему равнодушную статую.

- Так будет с каждым, - отдуваясь, сказал Дед Мороз, - кто не слушает маму и берет чужие вещи...

Когда мы с Остапенко забрались наверх, возле мешка уже гужевались дедуля и пацаненок с генералом.

- Настоящик на месте? - спросил Колесник.

Дед Мороз наклонился к мешку.

- Кажется, все на месте... Пойдите... А это что такое?

Он вытащил поблескивающий металлом шар размером с арбуз, к которому был привинчен типовой электронный будильник с быстро бегущими цифрами на табло. По боку арбуза белой краской была сделана кривоватая надпись: «Иядерная бомба».

- Черт! - сипло прохрипел побледневший вдруг генерал. - Она лежала вместе с настоящим!

Я попятился, начиная понимать. Циферблат отсчитывал последние секунды.

- Так воно що, зараз рванэ? - растерянно пробормотал Остапенко. - И чого робыти?

Вот тут задумаешься, «чого робыти». Бежать поздно. В окно ядерную бомбу не выкинешь. И даже грудью геройски не закроешь. Засада.

- Положите ее в мешок, - сказал вдруг мальчик. - И крепко завяжите!

- А смысл? - спросил Колесник, глядя, как загипнотизированный, на циферблат.

- В мешке лежит настоящий, - объяснил Константин. - Значит, это настоящий мешок. Он не может порваться.

До генерала вдруг дошло.

- Гениально!

Одним движением он вырвал из рук Деда Мороза бомбу, сунул ее обратно в мешок и завязал пришитой у горловины тесемочкой. В ту же секунду раздался громкий хлопок. Мешок мгновенно раздулся, как туго набитая подушка... но не выпустил ни струйки дыма, ни лучика света.

- Дозиметрист, - тихо позвал генерал.

Меня отпихнули. К мешку подскочил Женька Родионов, поводит дозиметром, прокачал воздух через трубку... Радиация не превышала фоновых значений.

Колесник стащил с головы каску и вытер пот. Затем осторожно постучал костяшками пальцев по ткани мешка. Звук получился такой, будто он стучал по гранитному валуну.

- А ведь ты, мальчик, только что город спас... - сказал генерал Константину.

- А что там, внутри? - спросил Дед Мороз, указывая на мешок.

- Там - ад, - ответил Колесник. - Не прикасайтесь к завязкам! Вообще, пошли отсюда. Здание оцепить до прибытия команды химвойск.

Мы спустились в музей и побрели к выходу. У вертолета генерал пожал руку Константину.

- Спасибо тебе еще раз! Извини, если сон получился страшный. Рановато тебе нагружаться такими впечатлениями... Но ведь это всего только сон...

- Ага, - сказал Константин, зевая.

- Я его провожу, - Дед Мороз взял мальчика за руку. - А потом вернусь. Надо решить, что делать с мешком... и с этими хулиганами. - Он заглянул в кабину вертолета и сейчас же недоуменно обернулся. Вид у него был растерянный.

- А где же Сидор с Хомяком?

Генерал Колесник изменился в лице.

- Остапенко! - взревел он.

- Я!

- Где задержанные?!

- Виноват, товарищ генерал! - Микола был изумлен не меньше остальных. - Вбиглы...

- Вбиглы?! Ты почему оставил вертолет?!

- Та я бачу, що вони ще тверды. Не видтаялы. А тут команда - усим на зачистку музея. Я и выдвинувсь. Разом з усими...

- Десять суток ареста, - отрезал Колесник. - По окончании операции. А теперь - быстро в музей! Из-под земли их достать!

Но доставать Сидора с Хомяком из-под земли не пришлось. Из дальнего зала послышался звон рухнувшего экспоната, быстрые шаги по металлической лестнице. Мы бросились внутрь. Теперь-то перехватим, с постамента под обелиском бежать им некуда. Так мы думали. Но, как выяснилось, ошибались.

В помещении над лестницей никого не было. Мешок тоже исчез. Неужели бандиты полезли выше - в пустотелый, обшитый титановыми листами корпус гигантского муляжа ракеты? Но какой в этом смысл? Только руки-ноги переломают!

Я задрал голову. Дед Мороз, ловко цепляясь за арматуру, поднялся уже так высоко, что почти перестал быть виден во тьме монументального нутра.

И тут вдруг загрохотало. Я хоть сам и не ракетчик, но, как услышал, сразу понял - дюза ревет! Космический корабль, что простоял полвека на гранитном постаменте, теперь уже не был муляжом! Бобер, оказывается, не терял времени, пока прятался в музее, и настоящий в брюхе обелиска сделал свое дело - превратил памятник в транспортное средство. Да в такое средство, что его не сможем перехватить даже мы, со всей нашей техникой и вооружением.

В вышине, над нами вспыхнула струя пламени.

- Все назад! - скомандовал Колесник. - Они дают зажигание!

Мы едва успели выскочить из музея и отбежать на относительно

безопасное расстояние. Загрохотало так, что стоять невозможно стало, все попадали.

Ракета стартовала. Струи огня с ревом ударили в пьедесталobeliska, круша перекрытия. Корабль медленно пополз вверх, все ускоряясь. Нас обдало жаром, пришлось менять дислокацию попластунски и зарываться мордой в землю, пока ракета не ушла в зенит. Грохот наконец стал затихать, проступили другие звуки. Где-то выли сирены, стрекотал опаленный, но успевший взлететь вертолет.

- Где Дед Мороз? - прокричал генерал.

Я ткнул пальцем в небо.

- Он полез в ракету. Я видел.

- Черт! Пропадет, бродяга!

- Он уже не бродяга...

Пятиглазый огонь, выпускаемый дюзами корабля, все уменьшался, уходя в глубину неба, и наконец стал почти неразличим.

- А ведь придется кого-то за ними посылать, - задумчиво сказал Колесник.

Неожиданно небо над нами озарилось нестерпимо яркой вспышкой. Там, далеко вверху, где-то за пределами атмосферы, полыхнуло ядерное пламя.

- Это еще что за хрень?! - невольно вырвалось у меня.

Генерал Колесник опустил голову.

- Он развязал мешок.

Когда я снова рискнул поднять глаза к небу, вспышка уже угасла. Ударной волны не последовало, поскольку взрыв произошел в вакууме. Лишь мерцающий круг ионизированного вспышкой воздуха медленно расползлся по небу, играя огнями, как северное сияние.

- Ну, вот и все, - сказал, наконец, генерал Колесник. - Наша миссия закончена.

- Виноват! - удивился я. - Почему закончена? В списке еще один адрес остался. Братиславская четыре, квартира семь, Вовик Чернышев... Только вот с подарком не совсем ясно. Написано - «Коробка О. С.». Что это может быть? Операционная система?

Генерал покачал головой.

- Нет. Это оловянные солдатики.

- Так надо бы посмотреть, что там с этими солдатами...

- Смотри, - улыбнулся Колесник, протягивая мне планшет.

Я раскрыл его и надолго задумался. В планшет было вставлено зеркало.

СКРЫВАВШИЙСЯ ОТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

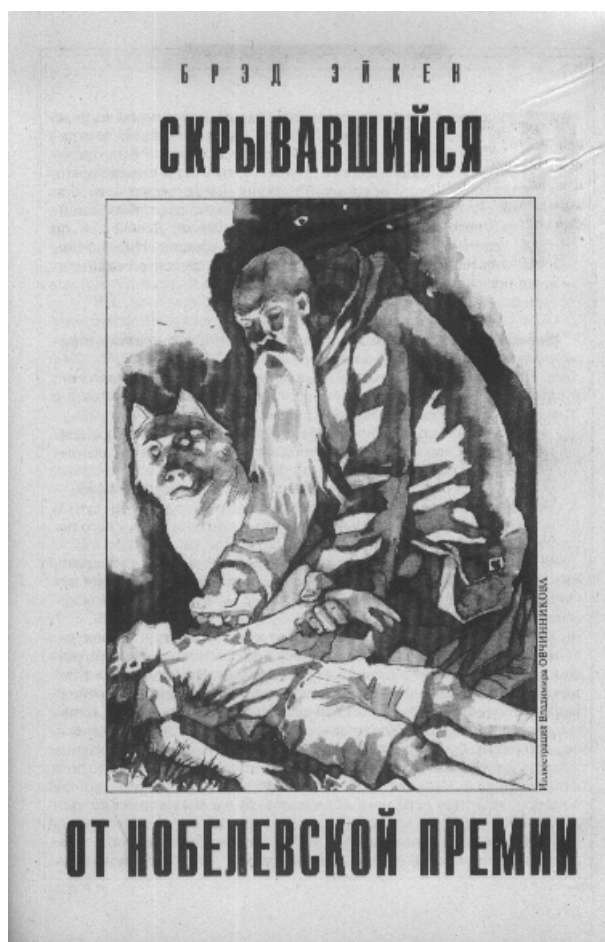

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Прошлое разворачивалось перед моим мысленным взором, когда я въезжал в ворота Хидден-Мидоус - участка элитного строительства на севере Мэриленда. Трудно было поверить, что прошло целых двадцать пять лет, и в то же время казалось, будто от событий того дня меня отделяет вечность. Я смотрел на ставший неузнаваемым ландшафт, ведя машину по извилистой дороге к гребню Холма Девочек - по крайней мере так мы его называли в те времена. Именно там, под сенью самой высокой из сосен, что шеренгой окаймляли вершину, мы и заключили свой договор.

* * *

Бенни Соломон утер капли пота, стекавшие с его коротко стриженных волнистых черных волос.

- Не могу поверить, что еще одно лето прошло, - проговорил он, поправляя указательным пальцем очки в роговой оправе, постоянно

сползавшие у него с переносицы.

- Да брось, Солли, - Зик поскреб тонкие волоски зарождающейся юношеской бородки, сохранявшиеся в неизменном виде все лето. - У нас еще целых две недели, так что кончай ныть.

- Вы-то хотя бы пойдете в старшие классы, - сказал Джеффри. - А мне еще целый год сидеть в вонючей младшей школе. - Он дунул, целясь в прядку прямых светлых волос, что вечно болталась у него перед глазами.

- Да-а, - я постарался вздохнуть потяжелее, - трудно поверить, что это конец. На будущий год мы будем уже слишком взрослыми для лагеря. По крайней мере большинство из нас. - Я ухмыльнулся, обернувшись к Джеффри.

Преыдущие пять летних сезонов мы провели в лагере Рэмблвуд. Мне исполнилось десять лет, когда я приехал туда в первый раз. Для Солли и Зика тот лагерь тоже был первым. Все остальные в девятом корпусе уже знали друг друга по прошлым годам, так что наша троица оказалась вместе. За то лето мы очень сблизились, однако, уехав из лагеря, потеряли связь друг с другом. Тогда еще не было интернета - по крайней мере не для ребятни; междугородние переговоры стоили слишком дорого, а писать письма было для юных ленивцев непосильной задачей. Впрочем, когда год прошел и вновь наступило лето, нам показалось, будто мы никогда не расставались.

На третье лето мы взяли под свое крыло Джеффри. Нам было по двенадцать, и девочки начинали казаться нам весьма привлекательными, а он, хоть и был на год младше, мог похвастаться длинными светлыми волосами и голубыми глазами - безусловный козырь на субботних вечеринках.

С каждым годом мы становились все ближе, и к лету 1985 года стали совсем неразлучны.

- Давайте договоримся, - предложил я. - Через двадцать пять лет, где бы мы ни были, что бы с нами ни случилось, встречаемся в этот же день на этом самом месте!

- Дай-ка посмотрю в календарь, - буркнул Солли. Зик метнул в него осуждающий взгляд.

- Это же почти вечность, парни! - Джеффри широко раскрыл глаза от такой перспективы. - Круто!

Он вытянул вперед кулак. Каждый из нас последовал его примеру, и мы соорудили колонну из поставленных друг на друга кулаков.

- Первого августа две тысячи десятого, ровно в полдень, - провозгласил я.

Мы разрушили башню и вновь соединили кулаки уже костяшками друг к другу.

- Ровно в полдень, - хором повторили мы и дважды стукнулись кулаками, прежде чем разойтись.

Как же мы были простодушны!

* * *

Поглядывая в зеркало, я думал о том, узнают ли они меня сегодняшнего. Я поморщился при виде разрастающихся морщинок в уголках глаз и седых прядей, которые начинали пробиваться в моих густых черных волосах.

- Да какого черта, может, они еще и не придут! - сказал я своему отражению. В конце концов, этот договор - моя идея. Мальчишеская фантазия, мгновение подростковой привязанности, наверняка забытое тремя взрослыми людьми.

По мере приближения к месту, где история должна была повториться, мое сердце летело в пропасть. То, что когда-то было райским уголком, теперь превратилось в пригород. У меня ушло несколько минут, чтобы сориентироваться, однако вскоре рельеф местности все же начал вызывать в памяти знакомые картины. Я свернул к краю дороги и заглушил мотор - почему-то мне казалось неправильным подъезжать на машине туда, где некогда располагался поросший травой гребень Холма Девочек. Приблизительно в пятидесяти ярдах вверх и влево находилось то самое место, где мы двадцать пять лет назад заключили свой договор. Сосны, укрывавшей нас своей тенью в тот день, давно уже не было, как не было и всей шеренги деревьев, что спускались с холма к пруду и обеденному корпусу в форме буквы «Г», загибавшемуся вдоль берега. Мягкая подстилка из сосновых иголок в резной, пронизанной солнечными лучами тени превратилась в асфальтовую дорогу.

Я закрыл машину и зашагал вдоль гребня холма, минуя место намеченной встречи. Там, где раньше располагались бунгало для женской части населения лагеря, теперь виднелся ряд двухэтажных домиков красного кирпича, который продолжался за поворотом, следуя за мягким изгибом склона вплоть до его основания, - когда-то там, внизу, был центр лагерной жизни.

Кусок первоначального ландшафта, включавший Холм Девочек и Холм Мальчиков с долиной между ними, где прежде стоял обеденный корпус, был сохранен в качестве парковой зоны. Остановившись возле дороги, я закрыл глаза и прислушался к птичьему щебету: на короткое мгновение я вновь оказался в 1985-м.

Слева от меня невозможно противостояла времени шеренга сосен, ведущая вниз, к обеденному корпусу, и затем снова вверх - к бунгало на вершине противоположного холма. Эти дощатые лачуги, где я провел большую часть моей юности, составляли единую линию, будто домино; в крайнем левом здании размещались пятилетние, по мере

продвижения вдоль гребня возраст обитателей рос, заканчиваясь гормонально заряженными подростками в четырнадцатом корпусе справа, возле опушки леса. Густая лесная зелень образовывала границу, тянувшуюся вниз, до пруда, и затем вверх - к девчачьим домикам, которые окаймляли пространство позади того места, где я стоял, замыкая прямоугольник лагерной территории и соединяя лес с шеренгой сосен по эту сторону рая.

А потом, как это неизбежно бывает, воспоминания подошли к роковой черте, и я поморщился от боли.

* * *

- Эй, коротышка, - окликнул его Зик. - Ты трус?

Джефффри насупился.

- Я ничего не боюсь! - заявил он.

- Тогда пойдем ночью с нами.

Мы планировали набег все лето. Это была традиция: ночью, когда вожатые уже давно спали, мальчишки из старшего корпуса пробирались через лес на Холм Девочек. Там они как могли украшали домик старших девчат при помощи крема для бритья и туалетной бумаги, а затем под покровом ночи возвращались обратно на свой холм.

- Вожатый меня убьет! Он предупреждал, если мы и в этом году устроим набег, платить придется чертовски дорого.

- Так ты что, собираешься на нас стукнуть? - спросил я.

- Конечно, нет!

- Тогда пойдем с нами. Ты все равно уже почти в старшем корпусе.

- Ну, я не знаю...

В эту секунду мы поняли, что Джефффри пойдет.

* * *

Я обошел верхнюю часть Рэмблвуд-лэйн - улицы, которую проложили через Холм Девочек. Ни скамьи, ни сосен больше не было, однако молодой дубок на вершине давал немного тени. Могу поклясться, что его посадили на том самом месте, где мы заключили свой договор. Я плюхнулся на землю и прислонился к стволу дерева, затем огляделся вокруг, надеясь заметить знакомое лицо. На меня с сомнением глазела стайка мальчишек, проезжавших мимо на велосипедах. Это и понятно: тридцатидевятилетний незнакомец, в одиночестве сидящий на траве у перекрестка на краю города, действительно представлял собой странное зрелище. Что ж, наверняка вскорости появится и полиция.

Я закрыл глаза, и на меня снова нахлынули воспоминания.

* * *

- Эй, ты идешь? - Солли тряс меня за плечо. Он был нашим будильником. У Солли была поразительная способность заранее настраивать себя на пробуждение в определенное время.

- М-м? - промычал я. - Что, уже час?

- Ну да. Давай, двинули, - прошептал он. - Ты ведешь Джеффри, а я - Зика. Встретимся на опушке.

Кивнув, я принялся вытаскивать себя из кровати. Спустя десять минут мы с Джеффри крались позади домиков к нашему традиционному месту встречи - за четырнадцатым корпусом, возле опушки, которая должна была обеспечить прикрытие секретной миссии. Зик и Солли уже ждали нас.

- Чего вы так долго? - недовольно спросил Зик.

- Всё, мы уже здесь, можешь успокоиться.

Было темно, но при свете лунного серпика, бывшего на небе той ночью, я видел, что никто не забыл свое снаряжение. Каждый из нас имел при себе небольшой ранец с припасами, приготовленными еще днем: крем для бритья, рулоны туалетной бумаги и фонарики, которыми мы договорились не пользоваться без крайней необходимости.

Никто, кроме нашей четверки, не стал принимать участие в традиционном летнем набеге. Остальные обитатели старшего корпуса решили не рисковать, навлекая на себя гнев руководителей лагеря, которые даже выпустили специальное распоряжение на этот счет. Мы с Солли и Зиком сделали вид, будто соглашаемся, однако у нас и в мыслях не было упускать возможность, которой мы так долго ждали.

- Ну что, вперед?

Зик повел нас вниз по склону холма, держась возле самой опушки залитого лунным светом леса, в тени деревьев. Мы с Солли следовали за ним по пятам. У Джеффри ноги были короче, да еще, к его немалой досаде, в ночной темноте им начала овладевать робость. Он отставал на дюжину ярдов, заставляя себя двигаться вперед, чтобы нагнать нас.

Я оглянулся уже в который раз.

- Эй, подожди! - окликнул я идущего впереди Зика.

Он взглянул через плечо и фыркнул.

- Если коротышка не может за нами угнаться, это его проблемы. Пусть учится быть мужчиной! - И Зик прибавил шагу.

Мы с Солли переглянулись и пожали плечами. В конце концов, Джеффри не так уж сильно отставал, едва ли он мог потеряться или что-нибудь еще в этом роде, а нам хотелось поскорее покончить с

делом и вернуться обратно. Мы снова зашагали вперед.

* * *

- Что, маленько вздремнул?

К моему великому удивлению, я сразу узнал голос. Щурясь, я поднял голову, пытаюсь разглядеть со своего места под дубом темный силуэт в обрамлении солнечных лучей.

- Рад видеть тебя, Солли! Не могу поверить, что ты пришел.

- Мы же дали клятву.

- Конечно, но это было так давно!

- Да, тыщу лет назад.

Он уселся рядом со мной.

- А я уж начал думать, что больше никто не появится.

Солли поглядел на часы:

- Я приехал минута в минуту.

Еще бы. Солли всегда отличался пунктуальностью, даже когда был подростком.

- Но ведь и я не опоздал.

- Ага. Ну же, дружище, рассказывай, как живешь?

- Жизнь была ко мне милостива. Чудесная жена, двое детей, собака. Американская мечта как она есть.

- Вот и отлично, - отозвался Солли с улыбкой.

- А ты как? - спросил я, в свою очередь.

- Ну, мне какое-то время пришлось несладко.

- Тебе? Да брось!

- Ну да, видишь ли, по мне все это сильно ударило. И по моим родителям тоже. Когда меня исключили из лагеря, это было для них таким унижением! С Соломонами ведь ничего подобного приключиться не может, понимаешь? Они отослали меня в интернат. Я продержался в этой дыре два года, потом сбежал.

- Боже милосердный, - пробормотал я.

- Да, такие вот дела... Но в конце концов я вырос, все забылось. Вернулся в нашу фирму и принял дело у старика. Теперь я сама респектабельность. С семьей тоже все в порядке: жена, двое детей. Собаки, правда, нет - у меня на них аллергия.

Я прыснул.

- Что такое? - Солли притворился оскорбленным.

- Прости, - проговорил я сквозь смех. - Просто... как ты думаешь, почему меня это не удивляет?

Бенни Соломон покачал головой. Он знал почему.

* * *

Солли чихал без остановки всю дорогу, пока мы пробирались вдоль опушки, стараясь остаться незамеченными.

- О господи, да уймись же ты наконец! - прошипел Зик.

- А что я могу сделать? - отозвался Солли. - Проклятая жимолость!

Это растение в изобилии росло на опушке леса. Очередная попытка Солли справиться с напастью закончилась оглушительным залпом, откинувшим его голову назад.

Зик резко развернулся и бросил на приятеля уничтожающий взгляд.

- Послушай, - примирительно сказал я, - у него аллергия. Он не может с этим справиться. Чем быстрее мы пройдем мимо жимолости, тем скорее он утихнет.

Зик, хмыкнув, снова повернулся к Холму Девочек и двинулся ускоренным шагом. Солли, изо всех сил стараясь не чихать, следовал за ним по пятам; я держался рядом. Джеффри отставал все больше, его уже едва можно было разглядеть в ночном сумраке.

* * *

Тень дуба давала приятную прохладу посреди жаркого летнего мэрилендского дня.

- Как ты думаешь, Зик придет? - спросил я у Солли.

- Ты что, не знаешь?

- Чего я не знаю?

- Зик помер, дружище. Разбился на мотоцикле в девяносто четвертом.

Я раскрыл рот, но не смог издать ни звука. Не то чтобы мы так уж близки - черт возьми, я его и не видел-то с детских лет, - но, несмотря на это, ощущение было такое, словно я лишился какой-то важной части себя.

- Не могу поверить, что ты ничего об этом не слышал. Об этом трубили все СМИ. Слетел со своим байком с эстакады прямо навстречу потоку на четыреста девяносто пятой магистрали. Кровищи было море - на радость прессе.

- До балтиморских газет, должно быть, не дошло. - Джеффри, Зик и Солли в те времена жили в округе Колумбия, я же был из Балтимора. - А про Зика что-нибудь говорили? Что он делал-то все эти годы?

- Да ничего особенного не говорили. Только то, что он почти не вылезал из тюрьмы. Похоже, ему пришлось малость потяжелее, чем нам, когда его выперли из лагеря. У него-то не было семьи...

Зик не стеснялся в выражениях, когда речь заходила о том, как с ним обращались его приемные родители.

- Да ну, брось ты, Зику вообще было на все наплевать. Он и Джеффри

не так уж любил.

- Подозреваю, что он водил нас за нос.

Какое-то время мы сидели молча, и я не сомневался, что Солли думает о том же, что и я: об этом буйном пареньке, который постоянно подталкивал нас к неприятностям, но никогда не давал окунуться в них с головой. Меня всегда восхищал его пофигизм. Что ж, видимо, у всех есть свой предел прочности.

- По крайней мере это произошло быстро, - произнес Солли.

- Да уж.

- И, слава богу, ему больше не надо жить с постоянным чувством вины.

Я поглядел на морщинки, залегшие на лице старого друга.

- Да, это было бы неплохо, верно?

Солли кивнул.

- Кошмары до сих пор снятся, хотя и не так часто, как раньше.

- У меня то же самое.

- Нельзя было позволять ему так отстать...

* * *

Солли бросил тщетные попытки подавить неизбежную реакцию на вездесущую жимолость и разразился громким продолжительным чихом. К этому времени мы были уже на полпути к вершине Холма Девочек, и нас легко могли услышать.

Зик развернулся на каблуках и уставился Солли прямо в лицо.

- А ну заткни свое сопло, Соломон, не то я сам его заткну! - Он занес кулак.

- Да брось ты, Зик, - умолял я. - Он же не нарочно!

- Какая разница, нарочно или не нарочно? - рявкнул Зик. - Проклятье, вожатые на холме небось уже повскакивали!

Мы подняли головы и поглядели в сторону бунгало, ожидая увидеть лучи фонариков, направленные на нас.

Тут-то все и произошло.

Кошмарный рев - в нем было что-то сюрреалистическое, - а следом полный ужаса вопль: это кричал Джеффри. Напрягая зрение, мы вглядывались в ночную тьму. Солли первым достал фонарик, и как раз в тот момент, когда Зик заорал, чтобы Солли его выключил, мы увидели: что-то метнулось в кусты на опушке леса. Узкий луч, проследив за движением, выхватил из тьмы пару красных глаз, уставившихся на нас между веток. Послышалось злобное рычание - казалось, его раскаты идут к нам вдоль светового столба.

- Волк! - прохрипел Солли.

Мы стояли как вкопанные. До нас доходили слухи о том, что в этом

лесу рыщут волки, но мы всегда считали, что это выдумали взрослые, чтобы мы держались подальше от леса. Никто и никогда не видел хищников воочию.

За спиной волка зашуршали листья, и все заполнил звук... это походило на стрекотание роя сверчков. Я был слишком перепуган, чтобы бежать - как и мои приятели.

Затем, не обращая ни малейшего внимания на наше присутствие, из-за кустов спокойно вышел человек, чей немалый рост еще больше, почти до карикатурности, усугублялся жилистым телосложением. В ночной тьме было невозможно разглядеть черты его тощего лица; волос на голове не было, только длинная седая борода. Просторное бурое пальто, болтавшееся у него на плечах, скрывало все прочие приметы, по которым мы могли бы впоследствии его описать. Словно во сне видел я, как он подходит к безжизненному телу Джеффри - моя ненадежная позиция могла располагаться в нескольких дюймах или нескольких световых годах от него, но в любом случае я чувствовал: этого достаточно, чтобы меня могло в одно мгновение затянуть внутрь кошмара. Застыв на месте без возможности отступления, я смирился с мыслью, что сейчас никакое расстояние меня не спасет.

Дойдя до места, где распластался на земле Джеффри, человек остановился, и волк, прокрадываясь за ним из леса, послушно уселся у его ног. Незнакомец опустился возле Джеффри на колени и, подняв левую руку, провел ею над неподвижным телом: в ответ разлилось голубоватое сияние. На мгновение свет померк, но затем над лицом моего друга снова возникла бледно-голубая дымка. В наступившей тишине я едва улавливал собственное дыхание - и тут Джеффри пошевелился! В то же мгновение человек выпрямился на все свои шесть с половиной футов, повернулся обратно к лесу - его лицо было по-прежнему скрыто от наших взглядов - и беззвучно исчез в чаще; волк скачками последовал за ним.

Зик посветил фонариком им вслед.

- Ушел. Что это за тип, черт его подери?

- Какая разница? - отозвался Солли, направляя луч фонарика на Джеффри. Мы с ним поспешили туда, чтобы удостовериться, что с приятелем все в порядке, а Зик продолжал исследовать следы - а точнее, их отсутствие - в том месте, где исчезли незнакомец и волк.

Камень под головой Джеффри был покрыт кровью, однако липкая жидкость уже перестала сочиться из раны. Парень попытался подняться и скривился от боли. Мы помогли ему сесть.

Джеффри начал что-то бормотать, но потерял сознание, прежде чем мы смогли разобрать его слова.

Не успели мы положить приятеля обратно на мягкую траву, как нас ослепил фарами джип лагерной охраны. Он остановился в дюжине ярдов от нас, и к тому времени, когда моя сетчатка восстановилась

настолько, что я смог сфокусировать зрение, вокруг нас уже собралась толпа вожатых и товарищей по лагерю, а также два седовласых охранника в зеленых очках, похожих на донышки бутылок от «Маунтин дью».

Все, что происходило дальше, слилось в одно мутное пятно. Одна из вожатых махнула нам рукой, чтобы мы уходили. Мы не могли заставить себя двигаться, но когда нас утаскивали с места происшествия, я видел, как она склонилась над обмякшим телом моего друга. Минут пятнадцать спустя прилетел вертолет и переправил его в больницу в Уилмингтоне.

Никто не поверил нашему рассказу. На теле Джеффри, не считая ссадины на затылке, не было ни единой отметины, и нигде не виднелось ни единого следа, никаких признаков волка или тощего великана. Все решили, что мы заставили Джеффри идти с нами, а потом бросили, вместо того чтобы за ним приглядывать. Что мы вынудили его бежать следом за нами, а когда он споткнулся и разбил голову о камень, сочинили эту бредовую историю про волка и великана. И конечно же, они были правы во всем, кроме последнего пункта, а у нас не было никаких доказательств.

На следующий день рассерженные и сконфуженные родители забрали нас троих из лагеря.

* * *

Мы с Солли в молчании сидели под дубом, вспоминая день, изменивший всю нашу жизнь.

- И что, ты так и не узнал?

- Не-а, - отозвался Солли.

- Я тоже. Мои предки больше не позволяли мне иметь никаких дел с лагерем. Ни с самим местом, ни с тамошними людьми. Я решил, что Джеффри умер - иначе они бы мне все рассказали, чтобы я так не убивался. Но думаю, на самом деле они и сами ничего не знали.

- Ты их не спрашивал?

- Нет. Это было бы слишком больно и для них, и для меня. С тех пор мы никогда об этом не вспоминали. Время от времени я смотрю в интернете - ну, пытаюсь как-то выяснить, что же тогда произошло, - но всегда остаюсь ни с чем.

- Может быть, оно и хорошо, - заметил Солли. - Иногда прошлое лучше оставить в прошлом.

Мы снова замолчали, привалившись спинами к молодому дубку. На сегодняшнюю встречу больше никто не придет.

- Но порой лучше все-таки знать, - раздался откуда-то из-за ствола певучий женский голос.

Мы с Солли резко обернулись.

- Майнди? - я не мог поверить глазам.

- Собственной персоной! - она безмятежно улыбалась.

Мы оба поднялись с земли, Майнди была моей первой девушкой. Летнее увлечение двенадцатилетнего подростка - не такая уж серьезная вещь... разве что для самого подростка.

- Но...

- Что я здесь делаю? - закончила она мой вопрос.

Мы с Солли синхронно кивнули.

- Меня послал Джефффри.

Я раскрыл рот от удивления. Она улыбнулась, но в глазах блеснули слезы.

- Он так много хотел вам рассказать! Он никогда не винил вас в том, что произошло.

- Черт побери! Но где же он пропадал все эти годы? Я искал в Гугле, искал в Фейсбуке, пытался даже связаться с его семьей - все напрасно. Он словно сквозь землю провалился!

- Он в Лондоне, - невозмутимо отвечала она. - Мы живем вместе.

- Так Джефффри живет с тобой?

Она глубоко вздохнула.

- После происшествия в лагере Джефф далеко не сразу пришел в норму. Физически с ним все было в порядке, но его беспокоили панические атаки - «посттравматическое стрессовое расстройство», так это называется. В школе ему приходилось тяжело, он отдалился от своих друзей, и родители перевезли его в Лондон, чтобы начать все с чистого листа. В конце концов он отыскал свой путь, теперь он психолог... Около десяти лет назад я приехала с друзьями в Лондон отдохнуть и встретила его в одном пабе в Сохо. Несмотря на прошедшие годы, его лицо почти не изменилось. Мы разговорились, и пошло, и пошло... В общем, через год мы поженились. Наша жизнь была тихой и спокойной. Но около года назад в один, день все изменилось. В кабинет Джефффри пришел новый пациент, и... пожалуй, будет проще, если я покажу вам. Джефф сохраняет видеозаписи всех своих приемов.

* * *

Майнди вытащила айфон и протянула мне, запустив видеоклип. Солли пересел поближе. Мы видели только спину Джеффа, однако его пациент был весь как на ладони, даже на этом маленьком экранчике.

Сухопарый мужчина, вошедший в комнату, был так высок, что его макушка не поместилась в кадр. Он не спеша подошел к столу и сел; нарочитая медлительность его движений говорила о совершенном

пренебрежении к условностям. Кроме длинной седой бороды - ни одного волоса; детали его фигуры скрывало просторное бурое пальто.

- Черт, - пробормотал я. Взглянув на Солли, я получил подтверждение своих мыслей, которых боялся.

Даже на крошечном экранчике айфона этот образ немедленно возродил с трудом подавленные воспоминания об отшельнике из Рэмблвуда, который в ту ночь вернул Джефффри к жизни. Его серо-стальные глаза гипнотизировали; он выглядел значительно моложе, чем мне помнилось, несмотря на глубоко запавшие щеки и бледную, почти как у альбиноса, кожу. Спустя столько лет наконец-то появилось лицо, которое я мог сопоставить с увиденным тогда изможденным профилем.

Донесшийся из айфона голос Джефффри вывел меня из оцепенения.

- Мистер Зайл? - Он протянул руку. - Я доктор Блонделл.

Посетитель кивнул, отвечая на рукопожатие. Джефффри жестом предложил ему сесть, и они устроились друг напротив друга по разные стороны овального дубового стола.

- Мое имя, - начал посетитель властным, с глубокими модуляциями голосом, противоречившим всему, что я представлял о нем (а за прошедшие годы я напредставлял на его счет достаточно), - не Зайл, но для нас обоих будет лучше, если вы не узнаете, кто я на самом деле.

Джефффри наклонил голову.

- Послушайте, мистер, как бы вас ни звали, если вы не собираетесь быть со мной откровенным, я не смогу вам помочь. Все, что вы мне поведаете в этой комнате, останется между нами.

- Мне вовсе не нужна ваша помощь. А вот вам нужна моя.

Джефффри откинулся на высокую спинку кожаного кресла.

- То есть вы пришли, чтобы помочь мне?

- Именно.

- Хорошо, - сказал Джефффри. - Я вас слушаю.

Посетитель разглядывал его лицо.

- Вы меня не узнаете, верно? - Выдержав короткую паузу, он ответил самому себе: - Да, ясно, что не помните. Когда мы виделись в последний раз, вы были мертвы.

- Мертв, - непонимающе повторил Джефффри. - Я был мертв?

Его собеседник кивнул:

- Очень короткое время.

- Не припоминаю, чтобы я умирал, - сказал Джефффри, и в его тоне звучала насмешка.

- Тысяча девятьсот восемьдесят пятый. Северный Мэриленд. Лагерь Рэмблвуд.

Джефффри наклонился вперед и оперся ладонями о столешницу, переплетя пальцы.

- Мне не нравится, что вы рылись в моем прошлом, мистер...

- Можете называть меня Зайлом.

- Хорошо, мистер Зайл. Однако я думаю, что вам пора уходить.

Джефффри встал, но посетитель, сидевший в кресле напротив, не шелохнулся.

- Я там был, Джефффри. Я тот, кто вернул вас к жизни.

Джефффри опустился в кресло. Даже если он и был знаком с нашей версией того происшествия, то она дошла до него окрашенной сомнением тех, кто считает нас лжецами. Нам еще тогда сказали, что Джефффри не помнит тех событий и, скорее всего, не вспомнит никогда. У него не было причин верить в нашу нелепую историю - до нынешнего момента.

- Мое имя не имеет значения, однако мне придется немного рассказать о себе, чтобы вы поняли, каким образом я вас спас и почему только сейчас стало важно, чтобы вы это осознали. В молодости я изучал теоретическую физику в Принстоне. Вскоре после выпуска меня пригласили в Лос-Аламос для совместной работы с Робертом Оппенгеймером над Манхэттенским проектом.

- Ну вот еще, - прервал Джефффри. - Могли бы придумать что-нибудь поубедительнее. Это же когда было - где-то в начале сороковых?

- В сорок третьем.

- Ну хорошо, в сорок третьем. Значит, сейчас вам должно быть девяносто с чем-то лет! А выглядите вы на шестьдесят, и ни годом больше.

Никак не ответив на его выпад, Зайл продолжал:

- Именно во время моего пребывания в Лос-Аламосе я встретил другого молодого физика по имени Ричард Фейнман. - Он замолчал, судя по всему рассчитывая на узнавание, но, не встретив отклика с той стороны стола, продолжил: - Физики, как правило, не пользуются такой известностью, как эстрадные артисты, однако поверьте, в своем мире Фейнман был звездой первой величины и уверенно шел к Нобелевской премии. Можете проверить, если хотите.

- Уже, - отозвался Джефффри, набирая имя на клавиатуре. - Так, хорошо, вы доказали, что изучили биографию Фейнмана. Что дальше?

- Может быть, на той странице, куда вы смотрите, упоминаются его разговоры о наномашинах?

Джефффри защелкал клавишами.

- Да... да, вот оно. Тысяча девятьсот пятьдесят девятый, заседание Американского физического общества в Калтехе. «Там, внизу, полно места».

- Совершенно верно. На самом-то деле мы начинали играть с этой идеей еще в сороковых, но только тогда она впервые была воспринята всерьез. Вы когда-нибудь слышали о нанотехнологиях?

- Я фанат «Стар трека».

Зайл улыбнулся в первый раз за все это время.

- Как и многие другие, что подводит нас к объяснению цели моего визита. Понимаете, в те годы никто об этом не слышал, никто не думал, что это возможно - не считая Ричарда. Однако чем больше я над этим размышлял, тем крепче убеждался: это действительно возможно. Фактически, это был следующий шаг, естественно вытекавший из всего хода развития науки, - контроль над миром посредством его мельчайших составляющих. И нигде эта идея не была настолько интригующей, как в медицине.

- То есть вы хотите меня убедить, что вам еще тридцать лет назад удалось создать нанороботов, которые могли оживить умершего?

- Давайте скажем просто: это было счастливое стечение обстоятельств. Вскоре после войны меня перенаправили на базу в Неваде, где я познакомился с такой технологией, о подобии которой в цивилизованном мире могли только мечтать.

- Зона пятьдесят один? Инопланетяне?

Зайл махнул рукой:

- Никогда в жизни не видел ничего инопланетного, не считая горстки метеоритов - однако именно один из этих метеоритов и привлек мое внимание. То был маленький комочек голубоватого металла с радужным отблеском, обладавший большей плотностью, чем все, с чем я имел дело прежде. Я выделил из него минерал, который нигде и никогда не встречался ни до, ни после. Мы в шутку назвали его розвеллонием, однако название прижилось. Он обладал некими уникальными свойствами, позволившими нам разработать основной строительный блок, необходимый для создания комплексных наноструктур.

Он помолчал, взглядываясь в лицо Джеффри, затем пояснил:

- Благодаря ему мы смогли строить субмикроскопические механизмы.

- Просто замечательно. Однако какое это имеет отношение ко мне?

- А вы послушайте - и поймете, - отрезал Зайл. - Розвеллоний мы держали при себе, однако некоторые из разработанных нами технологий передали таким компаниям, как IBM и Intel. Это мы научили их всему необходимому, чтобы построить первые микропроцессоры. Но я желал значительно большего. Я хотел прорыва в медицине. Вы представляете себе, сколько канцелярской волокиты нужно пройти, когда речь заходит об экспериментах на животных, не говоря уже о людях? - Он не стал ждать ответа. - Чертову уйму! Ни единого шага невозможно сделать, чтобы какой-нибудь пускающий соплю активист не натравил на тебя адвоката! У нас был материал, была технология, у меня было полно идей, и тем не менее руки мои оказались связаны. Десять лет я бился с этим идиотизмом и в конце концов сказал: «Да катись оно все к черту!» - и ушел со своей престижной государственной работы, не забыв, однако, прихватить образец розвеллония.

Я оборудовал лабораторию у себя в подвале. На это ушла большая

часть моего наследства, однако мне удалось продублировать нужную технологию. После этого работа пошла гораздо быстрее. К середине семидесятых, за двадцать с лишним лет до того, как Фрайтас опубликовал проект первых медицинских нанороботов, у меня уже имелся рабочий прототип - микроскопическая машина, которая могла анализировать и устранять повреждения в любой клетке тела.

Джефффри пошевелился.

- Тогда почему же вы не опубликовали это? Вы могли бы заработать состояние!

- После того как ты обокрал сверхсекретное государственное учреждение, едва ли стоит трубить об этом на весь мир, - отозвался Зайл.

Джефффри снова откинулся на спинку кресла, и гость продолжил:

- Эти крошечные машинки - нанойды, как я их назвал, - были с переменным успехом опробованы мной на мышах, кошках, собаках. Каждая новая доработка схемы приносила все новые улучшения, и наконец, в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году они были готовы к работе. Первую инъекцию я сделал Ральфу.

- Ральфу?

- Кто-то держит собак, - пожал плечами Зайл, - а у меня был Ральф, серый волк.

- Так это ваш питомец тогда на меня прыгнул?

Зайл кивнул.

- Можете считать меня эксцентричным.

- О, уверен, что я буду не первым!

- Без сомнения. Сделав зверю инъекцию, я внимательно наблюдал за ним на протяжении нескольких лет. Вроде бы все было в порядке. К этому времени розвеллония у меня оставалось только на два комплекта нанойдов. Я вовсе не собирался тратить дозу на эксперименты над приматами, да и годы уже давали о себе знать. В восемьдесят первом году я сделал инъекцию себе, и после этого повсюду носил с собой оставшийся комплект роботов - ужасно боялся, что ФБР вычислит, где я живу, и украдет их у меня.

Он вытащил носовой платок и вытер вспотевший лоб.

- Летом тысяча девятьсот восемьдесят пятого я прогуливал Ральфа в лесу возле нашего дома.

- Прогуливал волка?..

- Обычно мы выходили по ночам. Выгуливать его днем едва ли было бы разумно... В общем, в ту ночь он услышал ваши голоса, увидел свет ваших фонариков и испугался. Он набросился на одного из вас - это были вы, Джефффри, - и опрокинул на землю. К тому времени, когда он понял, что вы всего лишь безобидный ребенок, было уже поздно: вы ударились головой о камень и потеряли сознание. Я подбежал через полминуты и принялся сканировать ваши жизненные параметры.

- Каким образом? У вас был с собой трикордер?

- Это все реально, Джеффри! И я бы посоветовал вам воспринимать всерьез мои слова, если вы хотите сохранить свою свободу! - Он помолчал. Кажется, ему удалось завладеть вниманием Джеффри. - Я разработал портативный сканер, при помощи которого можно измерять основные жизненные параметры - пульс, потоотделение; с его помощью я мог исследовать своих животных. Одним словом, я вас просканировал. Вы уже перестали дышать, пульс был нитевидным и едва прослеживался. И тогда я вытащил ампулу и ввел вам последний комплект наноидов.

- Вы вкололи мне свое экспериментальное зелье? Вы что, совсем с ума спятили, черт вас возьми?

- Это был единственный способ спасти вам жизнь.

- «Скорая помощь» - никогда не слышали такого названия?

- Ваш правый зрачок был уже расширен и почти не реагировал на раздражение. Без всякого сомнения, кровь начала скапливаться в голове, усиливая давление на мозг. Вы скончались бы по дороге в больницу.

- Мне казалось, вы говорили, что я и был мертв?

- Да, можно сказать, что практически это было так.

Джеффри повернулся влево, и за секунду до того, как он опустил лицо в раскрытую ладонь, я успел разглядеть его черты. Его мальчишеская привлекательность с возрастом лишь усилилась, однако здесь было и что-то еще. Некоторых людей годы только красят, и Джеффри мог сойти за двадцатилетнего.

- Очевидно, я должен быть вам благодарен...

Зайл не ответил.

- Так значит, вы потратили на меня своих последних наноидов?

- Да. Последних.

- И эти маленькие черти до сих пор крутятся у меня внутри?

- Именно это и делает вас таким молодым.

- А я-то думал, у меня просто хорошая наследственность.

- На такое никакой наследственности не хватит, - усмехнулся Зайл.

Мы снова видели лишь затылок Джеффри, однако он, по-видимому, внимательно разглядывал Зайла.

- В таком случае, - наконец проговорил он, - не обижайтесь, но почему же вы сами выглядите таким старым?

- Мне было уже шестьдесят семь, когда я сделал себе инъекцию. Наноиды могут сохранить здоровье, но не обратить вспять процесс старения. В вашем случае они не остановили взросление тела, но с того момента, когда вы достигли зрелости, ваши клетки стабилизировались и будут оставаться в том же состоянии до тех пор, пока вы живы.

- Тогда зачем же вы теперь все это мне рассказываете? - спросил

Джеффри. - Зачем вам рисковать и выходить из подполья?

- На самом деле все очень просто. Медицинская наука сейчас достигла той точки, когда кто-нибудь может случайно обнаружить наночастицы в вашем организме, если вы ляжете в больницу на обследование. До недавнего времени не существовало необходимых технологий, однако последнее поколение ПЭТ-сканеров способно распознать позитронное излучение наночастиц. И если вы в момент этого открытия будете находиться в камере сканера, из вас сделают подопытного кролика. Вы проведете остаток жизни в каком-нибудь закрытом государственном учреждении, где вас будут исследовать, пытаясь понять, как эти штуки попали к вам внутрь.

- А это может вывести на вас.

- Возможно, но маловероятно. Я просто не хочу испытывать чувство вины от того, что вас в это втянул.

Джеффри покачался в своем большом мягком кресле.

- Хорошо... Однако, собственно говоря, к чему мне ложиться в больницу? Мне ведь теперь ничто не может повредить, разве не так?

- Вы можете попасть в аварию, в вас могут стрелять - в таких случаях наночастицы действуют недостаточно быстро. Однако вам больше не нужно бояться рака, инсульта или инфаркта, ничего из того, что служит причиной смерти большинства людей. Главная ваша проблема - ваша внешность.

- Моя внешность?

Зайл кивнул.

- Что касается меня, я человек старый, а на стариков люди смотрят не очень внимательно. У меня нет близких друзей, а больше никто и не заметит, если я год за годом буду выглядеть все так же. Однако вам нельзя оставаться на одном месте слишком долго, нельзя больше десятка лет поддерживать отношения с одной и той же группой друзей, не то люди постепенно заподозрят неладное. Их собственные лица начнут покрываться морщинами, волосы седеть, а вы будете выглядеть в точности как на фотографии из выпускного альбома. Вначале они станут делать вам комплименты, но в конце концов почувствуют беспокойство и начнут задавать вопросы.

- Не могли бы вы по крайней мере сделать инъекцию и моей жене? - голос Джеффри едва улавливался. - Я не хочу оставаться молодым без нее.

- Я же вам сказал: у меня больше нет материала.

- Так приготовьте!

- Даже если какое-то количество развеллония еще и осталось неиспользованным, мне никогда не удастся заполучить его.

- Ну хорошо, возьмите у меня и введите ей.

- Попав в тело, наночастицы ассоциируются с вашей иммунной системой, именно это позволяет им так долго оставаться в организме.

Перепрограммировать их невозможно. Даже если бы я мог их извлечь и ввести в организм вашей жены, в лучшем случае это не дало бы никакого эффекта. В худшем - они вызовут у нее тяжелейшую реакцию. Голова Джеффри упала на руки; затем, после короткой паузы, он вновь посмотрел на Зайла.

- Так значит, это остается исключительно между нами?

Зайл кивнул:

- Мне очень жаль.

Какое-то время Джеффри сидел молча.

- И еще я бы предложил вам стереть видеозапись этой встречи.

- Ох, черт! - Джеффри повернулся и сунул руку под стол.

* * *

Экран айфона опустел, и на нем выскочило сообщение с предложением проиграть запись с начала. Я протянул аппарат Майнди.

- И почему же он ее сохранил? - спросил я.

- Чтобы показать мне... и вам двоим.

- Нам? - переспросил Солли.

- У него всегда сердце было не на месте из-за того, что все так на вас ополчились после той ночи. Он считал, что несет за случившееся не меньшую ответственность. Никогда он не винил вас в том, что произошло, а после встречи с Зайлом так и вообще считает этот случай благословением.

- Тогда почему же он сам не пришел сюда?

Майнди, улыбнувшись, помахала темно-голубой «тойоте-приус», припаркованной ярдах в пятидесяти позади нас. Дверь со стороны водителя открылась, и из машины вылез молодой человек, светловолосый и голубоглазый, с перекинутым через правое плечо черным рюкзаком. Если не считать мимолетного кадра в видеоролике на экране айфона, я не видел его с тех пор, как ему было тринадцать. И тем не менее это, несомненно, был Джеффри.

Когда он приблизился к нам, я не мог не подумать, что на вид он ближе к возрасту моего сына, нежели моему - его выдавала лишь свободная манера держаться, говорящая о значительно большей зрелости.

- Ребята! Черт побери, как ваши дела? - Лучась улыбкой, он протянул нам руку.

Солли пожал ее.

- Похоже, не настолько хорошо, как у тебя.

Я в изумлении смотрел на друга.

- Господи Иисусе, так это что, все правда?

- До последнего слова!

- Тогда как же ты рискнул прийти сюда? - Я тоже протянул ему руку. - Ты же не знаешь, какими мы стали. Прошло двадцать пять лет! Почему ты решил, что нам можно довериться?

- Потому что вы единственные, кому я могу верить. Видишь ли, я не знаю, насколько старик Зайл со мной откровенен. С его манией, как бы кто не обнаружил, что, он тогда прибрал к рукам эту метеоритную пыль, он больше не позволяет никому взглянуть на свою работу.

- А ты не можешь как-нибудь получить к ней доступ?

- Никак! Даже если бы я знал, где скрывается этот старый хрыч, к теперешнему моменту он ее уже наверняка сжег. Однако с тех пор, как он состряпал своих наноидов, технологии несколько шагнули вперед. Могу поручиться, что сейчас уже работает парочка ребят, которые смогли бы, если бы к ним в руки попали образцы, воссоздать этих малюток, заменив розвеллоний чем-нибудь другим.

Я вытер вспотевшую голову.

- Ты не возражаешь, если мы... - Я показал в сторону переместившейся тени дубка. Джеффри сделал вежливый жест:

- После тебя.

Пока мы пересаживались в тень, Майнди сказала:

- Ну, я уже все это слышала. Пожалуй, схожу принесу нам чего-нибудь выпить, пока вы знакомитесь с делом, ладно? Я видела, что «Квик стоп» на своем прежнем месте. Вернусь через пятнадцать минут.

«Квик стоп»... Лагерь... Я не мог отделаться от мысли...

- Я буду «Ю-ху»! - Впрочем, я не был даже уверен, что эту штуку до сих пор производят.

Солли и Джеффри расхохотались.

- Ну что, покупать на троих? - спросила Майнди.

- Спрашиваешь! - отозвался Солли. - Пойло, конечно, отвратительное, но какого черта!

Мы проследили взглядом, как она уходит, а затем уселись в тени дерева.

- Я неплохо изучил вопрос, - продолжал Джеффри. - В мире существует несколько человек, которые достаточно понимают в наномедицине, чтобы попробовать взяться за такую задачу, причем двое из них находятся прямо здесь, в Мэриленде: один - в университете Хопкинса, а второй - в Мэрилендском. Если мы сможем доставить им наноидов и намекнуть каждому, что второй работает над той же темой, чтобы подогреть в них соревновательный дух, думаю, у нас есть шанс.

Я глубоко вздохнул.

- И все же это не объясняет, почему ты выбрал нас.

- Я уже сказал: вы единственные, кому я могу доверять.

- Очень трогательно, - съязвил Солли. - Столько лет прошло, а мы по-прежнему твои ближайшие друзья, если это можно так назвать.

- У меня полно друзей, но среди них нет таких, кто не имел бы со мной абсолютно никаких контактов с тех пор, как мне исполнилось тринадцать. Таких, чью связь со мной будет невозможно проследить без дополнительного исследования моего прошлого, на какое не способно воображение даже самого дотошного правительственного агента.

Он скинул с плеча рюкзак, положил на колени, расстегнул молнию и вытащил два начищенных алюминиевых кейса. Они были около фута в длину, с ребристыми боками и со складывающейся черной пластмассовой ручкой наверху. Джеффри протянул каждому из нас по кейсу.

- Здесь образцы моей крови - в каждом должны быть десятки наноидов. Кроме того, я приложил записки, где объясняю, что это за образцы и что с ними следует делать. Эти кейсы, а также их содержимое невозможно будет проследить, если вы не оставите на них свои отпечатки пальцев. - Он сунул руку в рюкзак и вынул два конверта. - А тут написано все, что вам необходимо знать: кто эти ученые, где их найти, все детали их жизненного уклада, чтобы вы смогли передать им эти кейсы анонимно. Точно следуйте моим инструкциям, и вас никогда не поймают.

- А если все же поймают?

- В таком случае найдутся люди, которых очень интересует, откуда вы это взяли, и эти люди смогут сильно испортить вам жизнь. Лучше делайте так, как сказано в письмах, и все будет в порядке.

Солли внимательно посмотрел на Джеффри.

- Ты просто боишься, что через нас выйдут и на тебя.

Джеффри покачал головой:

- До меня им будет уже не добраться. Мои финансовые ресурсы достаточно велики; кроме того, друзья уже стали задавать мне вопросы насчет моей внешности. Как только я понял, чем это пахнет, я тут же начал приготовления к тому, чтобы исчезнуть. Доктора Джеффри Блонделла больше не существует. Сегодня, когда я отсюда уеду, он умрет для мира. Единственная забота, которая у меня осталась, - это вы двое... и успешное завершение моего проекта.

- Очень мило, - сказал я. - А почему мы должны рисковать ради него своими шеями?

- Потому что я намерен следить за работой этих двух лабораторий, и к тому моменту, когда любая из них подойдет к открытию, у меня уже будет контрольный пакет акций той компании, которая его опубликует.

Солли кивнул.

- Так значит, дело все же в деньгах.

- Дело не в деньгах. Дело в наноидах - в Майнди. Я не хочу жить без нее. Не хочу, чтобы она старела. Мне нужны эти наноиды, и на счету каждый день. Когда их начнут раздавать, Майнди будет в очереди

первой. Ну, а вы двое станете следующими... если согласитесь мне помочь. Как по-вашему, вечная молодость стоит того, чтобы рискнуть?

Глупый вопрос.

Когда Майнди вернулась, мы взяли каждый по бутылке «Ю-ху» и отправились на прогулку по местам, что некогда были нашим детским раем. Мы спорили, на каком месте находился сарай, служивший нам приютом в ненастные дни, сколько бейсбольных площадок располагалось на широком лугу возле въезда в лагерь, действительно ли старый деревянный дом - тот самый белый домик, где дежурила лагерная медсестра; и больше всего - какая из сосен предоставляла наилучшее укрытие для первого поцелуя.

Солнце уже начинало садиться, когда мы снова оказались рядом с голубым «приусом». Машина отъехала, и мы с Солли помахали ей вслед. Я не был уверен, что когда-нибудь снова увижу Джеффри. Но если это все же случится, я заранее знал, как он будет выглядеть. И если все сложится - он тоже без труда узнает меня.

Перевел с английского Владимир ИВАНОВ

© Brad Aiken. Hiding From Nobel. 2011. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2011 году.

МИХАИЛ ТЫРИН

ЛЕКАРЬ

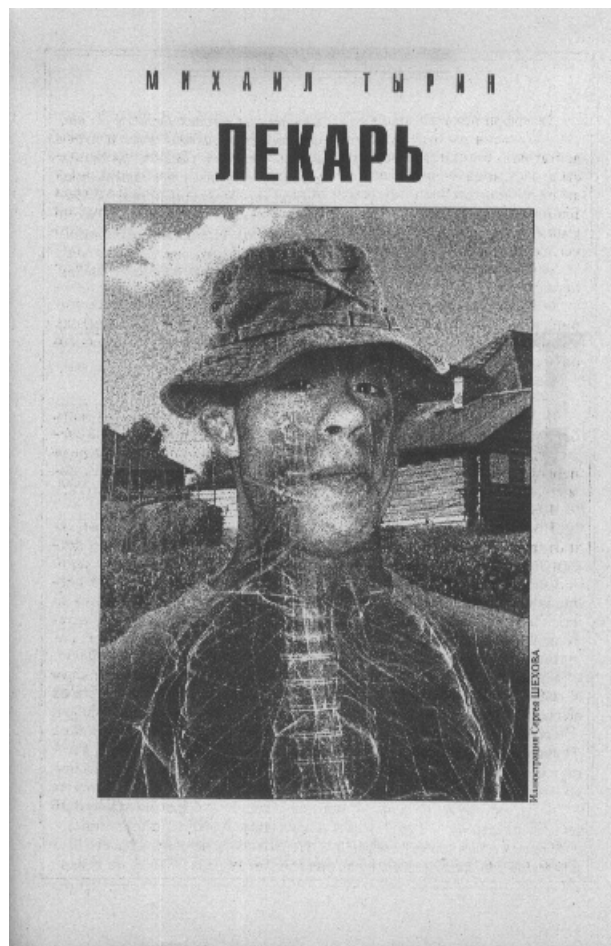

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Хиронекс (Chironex fleckeri) - вид морских стрекающих класса кубомедуз. Chironex fleckeri: щупальца сплошь покрыты стрекательными клетками (нематоцитами), которые содержат сильный яд. Ожоги кубомедузы вызывают мучительную боль, а их сила достаточна, чтобы убить 60 взрослых людей уже за три минуты...

Тощая взлохмаченная галка села на облупленную вывеску с единственным названием - «Маклинск». Встряхнула перья и посмотрела одним глазом, как к автостанции подкатывает пыльный скрипучий автобус.

Народу вышло немного. В основном местные - те, кто возвращался с огородов. Еще были рыбаки, приехавшие с палатками на выходные.

Среди всех выделялся один - молодой, не по-здешнему нарядно одетый, с большой сумкой на колесиках. Правда, был он какой-то хмурый и, видимо, очень уставший. Смотрел вокруг исподлобья, с людьми не разговаривал.

Галка наблюдала за ним с минуту и быстро поняла, что ничего интересного или полезного здесь ей все равно не перепадет.

Еще раз встряхнув крыльями, она тяжело поднялась с вывески и направилась в сторону картофельного поля.

* * *

Едва только ступив на раздолбанный привокзальный асфальт и глянув вокруг, Сергей Гордин ощутил холодок в груди.

Неподалеку от автобуса стояла длинная черная иномарка - новенькая, чисто вымытая, с «блатным» номером.

Откуда ей тут взяться?

Рядом прохаживался делового вида человек в белой рубашке. Галстук он снял и крутил на руке. В другой руке был телефон. Гордин невольно шагнул назад, прячась за спины пассажиров.

- Да, застрял тут надень... - услышал Гордин. - Склад на охрану ставил. Фуры встречу - и сразу назад. А накладные Алексей потом закинет...

Гордин облегченно перевел дух. Нервозность не отпускала его всю дорогу из Москвы, и даже здесь она никуда не делась. Едва он отвернулся от автобуса, как наткнулся взглядом на милицейские погоны и висящий на ремне автомат.

- Документики попрошу, - хмуро сказал усталый пожилой майор.

Стараясь унять дрожь в руках, Гордин протянул паспорт.

- Михалыч! - кликнул кто-то из пассажиров. - Чего, опять у тебя зэки убежали?

- Да ну... - отмахнулся майор. - Рейд областной. Гастролеры, слышал?

Он вдруг поморщился и тяжело покрутил головой, растирая пальцами шею.

- О, это серьезно! - отозвался пассажир. - По радио говорили...

Гордин уже определил, что неподалеку стоит милицейская машина, а рядом - сонный сержант со служебной собакой. Он никого не проверял, только кивал знакомым.

Майор сунул Гордину паспорт и, ни слова не сказав, зашагал к машине.

- Поехали!

Милиция отбыла. Вскоре уехал и автобус. Пассажиры редким гуськом потянулись по пыльной обочине в город.

Сергей вдруг увидел, что сбоку автостанции в тени пристроились три немолодые женщины-торговки. Перед ними стояли корзины с домашними овощами и семечками.

- Добрый день, - Сергей попытался выглядеть дружелюбно. - Не подскажете, где тут гостиница?

Торговки уставились на него, как на психа, и вдруг дружно рассмеялись.

- Гостиницу ему! - проговорила одна, самая старшая, в выцветшей армейской панаме. - А еще казино с пляжем!
- Может, кто-то комнату сдает? - смутился Сергей.
- Может, и сдает, - с нарочитым равнодушием пожала плечами «панاما». Она строго поджала губы. - Двести рублей! В день!
- Хорошо, пойдём, - поспешно согласился Гордин.
Женщина, радостная, что нашла постояльца, засуетилась и несколько потеряла лицо.
- Девчата, присмотрите, - кивнула она на свой товар.

* * *

Хозяйку звали Ниной Васильевной, и под жильё Сергею она определила небольшую светлую пристройку к дому.
Гордин, слушая её наставления, внимательно осматривался.
- ...Колонка напротив, воду - в бак. Помойка за сараем, здесь не сорить... Так ты из самой Москвы? А сюда каким ветром?
- Да так... - Гордин шевельнул плечами. - Дела. Я у вас недельки две поживу, ладно?
Он вдруг прислушался. Откуда-то доносился истеричный плач, переходящий в вопли и ругань. Причём плакал мужчина.
- Москвич, значит... - проговорила Васильевна. - Понятно. Под умывальник не мочиться, уборная во дворе. И музыку громко не включать. Дружков не водить, пьянство не устраивать.
- Ну что вы, я тихонько. Вы меня и не увидите.
- Посмотрим, какой ты тихий... Ладно, давай!
- Что? - удивился Гордин.
- Деньги давай!
- Конечно... - Гордин поспешно выудил из кармана стопку купюр и отсчитал за неделю. - Пока хватит?
- Хватит. Пошла я. Устраивайся.
Васильевна оценивающе оглядела Гордина и вдруг почти демонстративно проверила навесной замок на двери своего дома. Сергей усмехнулся и закатил сумку в своё новое жилище.

* * *

Усевшись на старенький, но ещё крепкий топчан, Гордин задумчиво покачал в руке телефон. Наконец решил набрать номер.
- Ну, привет, - сказал он и невольно улыбнулся.
- Сережка, ты где? - голос Лены был чистым, отчетливым, словно она сидела рядом.

- Я в порядке. В хорошем месте, тихом. Потерпи еще чуть-чуть, ладно.
- Мне страшно. Вокруг дома какие-то ошиваются, в подъезде шуршат, в телефоне чего-то пищит. Я с ума схожу!

- А я тебе снова говорю: ничего не бойся. Ты им не нужна. Они меня ищут, а не тебя.

- Сережа... ну что ты натворил, скажи.

- Ничего плохого, можешь поверить. Потерпи, девочка. Скоро загранпаспорта будут, деньги есть. Все, как ты хочешь. Слушай, я долго говорить не могу...

Лена вдруг начала всхлипывать.

- Я спать ложиться боюсь.

- Не бойся ничего. На этот номер мне не звони, я все равно его выкину. Скоро сам с тобой свяжусь.

Гордин отключил телефон и сразу разобрал его, рассовав детали по карманам сумки.

Посидел немного с закрытыми глазами, наслаждаясь отдыхом и долгожданной тишиной.

Потом подошел к маленькому мутному зеркалу и задрал рукав рубашки, осматривая кольцеобразный шрам над локтем. Потрогал его, помял, потер. Боли уже не было, но остался небольшой зуд.

Гордин прикрыл глаза, сосредоточился, выбросил из головы все лишние мысли...

Через секунду шрам начал испускать красноватый свет, едва различимый в полумраке комнаты.

Сергей протяжно выдохнул и натянул рукав обратно.

- Ничего, - прошептал он. - Все получится...

* * *

Гордин проснулся необычайно рано, сам, без будильника, и сразу выбрался во двор - послушать утреннее пение птиц и вдохнуть чудесный тонизирующий воздух.

И вдруг он отчетливо ощутил чей-то пристальный взгляд. Повернул голову - с соседнего участка сквозь забор на него смотрел человек со странно знакомым лицом.

На человеке были тельняшка и серые спортивные штаны, он брился.

«Вчерашний милиционер, Михалыч», - вспомнил Гордин, и сердце ёкнуло.

- Здравьете, - пробормотал он.

Майор бросил на плечо полотенце и подошел к забору, не выпуская из рук бритву в комочках пены.

- А я тебя где-то видел, - проговорил он.

- Так вчера же...

- Ах, точно! К Васильевне в гости, что ли?
- Просто угол снимаю.
- Интере-есно. Никак турист?
- Ну, вроде того... - Гордин неопределенно повел плечами.
- У нас тут туристов сроду не водилось. Рыбаки - те приезжают. Но ты вроде не рыбак.

Майор, как и вчера, потер шею и поморщился.

- Почему... я рыбу люблю, - глуповато улыбнулся Сергей.
- Не-е... ты не рыбак. А ну, принеси-ка паспорт.
- Зачем? - опешил Сергей. - Я же вчера...
- Неси, говорю. А может, ты в розыске. Не работаешь, прячешься...

Видали мы таких туристов.

Михалыч насмешливо посмотрел, как Гордин бредет за паспортом. Получив документ, он по-простому поплевал на пальцы.

- ...А то был тут один такой. Тоже турист. Отдохнуть приехал. А сам снял избу и чернягу там варил. Ну, мы ему оформили путевочку. Сейчас под Нижним Тагилом отдыхает...

- Дан же...

- Гордин Сергей Леонидович, - строго прочитал майор. - Место рождения - Москва. Восемьдесят шестого года. Запомню, запомню... На таких туристов и запрос в область отправить не жалко.

Михалыч вернул паспорт и отправился продолжать бритье. У Гордина в груди бешено колотилось сердце. Он совсем не ожидал, что встрянет в проблемы вот так - глупо и моментально.

Надо было что-то предпринять, причем срочно.

- А не подскажите, где тут больница? - крикнул он вслед майору.
- Захворал, что ли?

- Да нет! Я же насчет работы приехал...

Михалыч снова бросил свое бритье и с живым интересом посмотрел на Гордина. Даже подошел на пять шагов.

- Работать? Сюда? Из Москвы?

- Ну да, - торопливо заговорил Гордин. - В мединститут поступать хочу. А для этого стаж нужен.

- Стаж? Здесь? - Майор был озадачен. - А в Москве что, больниц не осталось?

- Так после села поступать легче - направление, квоты...

- Хм... А что-то ты староват для студента. В армии служил, что ли? Или в бегах? - Михалыч усмехнулся.

- В медухе учился. Фельдшер я.

- Ну ладно, поехали.

- Куда? - удивился Сергей.

- У меня свояк - главный врач. Подвезу, заодно и познакомлю.

- Так выходной же!

- Это у вас в Москве выходной. А здесь люди работают.

* * *

Ветхое краснокирпичное здание больницы наполовину утопало в крапиве и лопухах. Во дворе гуляла стайка кур, между старыми яблонями сушилось на веревках белье.

Главврач стоял здесь же, во дворе - он руководил действиями дворника, который спускал с крыши обломанный лист шифера.

- Ну, давай! Аккуратно, говорю! Стекла побьешь - из зарплаты вычту.

Михалыч вышел из машины и, шуганув кур, неспеша прошел в покосившиеся ворота.

- Здорово, Паша. Чего тут у тебя? - поинтересовался он.

- Да крыша опять пролилась, - в сердцах ответил главврач. - А ты чего?

- Вон, бойца тебе привез. Говорит, работать хочу. Студент.

Главврач обернулся, с сомнением оглядел стоящего в воротах Гордина.

- И куда я его? Макароны на кухню продувать?

- Ну, ты начальник, тебе виднее... Говорит, фельдшер.

Главврач еще раз внимательно оглядел Сергея.

- Слышь, парень! - крикнул он. - А массажистом пойдешь?

Гордин сначала пожал плечами, потом кивнул.

- Ну, добре, - успокоился главврач. - Идем, покажу хозяйство.

* * *

В полутемном больничном коридоре пахло гороховым супом и старыми тряпками.

- Я на полставки, можно? - спросил Гордин.

- Разберемся. Клавдия Ильинична! - главврач встал на пути у старухи, которая брела навстречу, держась за стену. - Куда собралась-то? Тебе еще лежать и лежать.

- Душно, - прошамкала старуха. - Пойду на дворе посижу.

- Как там соседка, не померла еще?

- Лежит, сопит...

-Добре... Скажи ей, зайду после обеда. - Главврач обернулся к Гордину: - У нас тут временно Елизавета за массажистку. Сейчас познакомишься. Но только она еще и прачечной заведует - иногда и не успевает. Да и вообще, толку от нее...

Гордин вдруг отскочил назад - прямо на него выкатился из палаты страшный косматый дед в инвалидной коляске.

- Ты чего тут?! Ты зачем тут?! - хрипло закричал он, сверля Гордина

водянистыми опухшими глазами.

- Антипыч, а ну, стоять! -- главврач ловко развернул коляску и подтолкнул ее обратно в палату. - Марш в апартаменты! Вот так, добре...

В палате мерцал экран маленького телевизора. Шли новости, из уст ведущего то и дело слышалась фамилия Шлыков.

- Слышал про Шлыкова? - заинтересовался вдруг главврач. - Наш земляк, между прочим. В этой самой больнице родился. Большой человек теперь.

- Кандидат какой-то? - без особого интереса спросил Гордин.

- «Какой-то», - возмутился главврач. - Не какой-то, а самый-самый. Хороший мужик. Уж он-то порядок наведет. Давно пора это ворье разогнать, ты как считаешь?

- Не знаю. По мне - все они там жулики.

- Но-но! Кстати, пришли уже.

* * *

Массажный кабинет представлял собой угол под лестницей, отгороженный листом крашеной фанеры. Уже на подходе было слышно все, что за ним творится.

- Ну что ты мнешь! Петруху своего так мни! Я ж сказал, ниже! - рокотал мужской голос. - Только гладишь! Мне от твоих ласканий ни тепло, ни холодно.

- Да не елозий! - отвечала женщина, видимо, та самая Елизавета. - Отрастил сало - танком не прошибешь, а еще жалуетесь. Ой, здрасьте!

Гордин вскользь осмотрел неудобную конуру, освещаемую единственным гаражным плафоном. На столе устроился массивный мужчина с недовольным лицом. Перед ним стояла Елизавета - худая, загорелая, с тонкими слабыми руками.

- Ну что ты, Матвей, разорался, - добродушно проговорил главврач. - Лизавета старается, а ты гундишь.

- Да ей только цыплят щипать! - взвился Матвей.

- Что у вас? - спросил Гордин.

- Ревматизм. И остеохондроз, - с достоинством ответил пациент. - Врач массаж прописал.

- Ну что? - главврач подмигнул Гордину. - Покажешь мастер-класс?

- А он доктор новый? - присмирел Матвей.

- Ну, до доктора еще не дорос...

Гордин достал из сумки салфетки, тщательно вытер руки. Обошел массажный стол кругом, потеснив Елизавету. Наконец положил ладони на поясницу пациента, медленно провел вверх по позвоночному столбу.

- Да-да, вот тут болит! - нетерпеливо подсказал Матвей. - Еще вчера как прихватило - ни вдохнуть, ни охнуть...

Гордин сосредоточился. Прикрыл глаза, чтобы не раздражал свет несурзной лампы. Постарался мысленно отгородиться от звуков и запахов...

Через секунду шрам под рукавом стал ощутимо пульсировать - словно маленький насос. И в следующий момент Гордин начал видеть.

Это было странное ощущение, к которому пока не удалось привыкнуть. Весь внешний мир словно отсекло глухой стеной: и свет, и звуки, и движение воздуха - все исчезло. Осталось только внутреннее зрение. Каждую тканевую прожилку, каждый сосудик и связку Сергей мог рассмотреть и даже потрогать.

Без особого труда он нашел небольшое уплотнение в тканях возле позвонков, тронул его, поправил. И лишь теперь открыл глаза.

- Ты что делаешь, душегуб! - вскрикнул Матвей, дернувшись и всколыхнув все свое грузное тело. - Больно же! Спину сломать мне хочешь?

Главврач дернулся было к Гордину, чтоб оттащить его, но тот уже и сам отошел. Пациент вдруг озадаченно примолк. Пошевелил плечами, изогнул спину, прислушиваясь к ощущениям.

- Это все, что ли? - пробормотал он. - Вроде как и не больно уже...

- Нет там никакого ревматизма, - сказал Гордин. - И остеохондроза нет. Простое растяжение.

- Так врач сказал! - возразил Матвей.

- Вы кем работаете?

- Кладовщик он, на ветлечебнице, - проинформировала Елизавета.

- Завхоз! - значительно поправил пациент. - Ну, и кладовщик.

- Ну вот. День сидите за столом - а потом, наверное, тяжести таскаете...

Гордин чувствовал, что сильно устал за время этого короткого сеанса. Кончики пальцев чуть дрожали.

- Послезавтра к девяти приходи, - сказал ему главврач, когда они уже вышли в коридор. - Заявление напишешь - и приступай. Народу мало будет, книжку с собой возьми почитать.

- Хорошо, - покорно кивнул Сергей.

- И еще, слышь. Ты это... полегче тут со своими диагнозами. Диагноз врачи ставят - а ты кто? Вот!

* * *

На почте было жарко, несмотря на оба распахнутых окна. В тесном зальчике толпилась очередь - хоть и небольшая, но уж больно неторопливая.

Кто-то обмахивался квитанцией или пучком петрушки, кто-то прогонял надоевшую пчелу, кто-то шуршал газетой, и почти все лениво болтали. Негромкий говорок тек над головами, повествуя о потравленных в пруду карасях, о подорожавшей муке, об удобрениях на огород, о способах лечения болячек и о том, что к следующему году все будет только хуже.

Молоденькая продавщица мороженого сказала Гордину, что интернет можно найти только на почте, и больше нигде. И теперь ему было решительно непонятно, где тут может уместиться компьютер. Места едва хватало на крошечный приставной столик для заполнения бланков.

Из служебной комнаты вышла миловидная, хорошо одетая женщина лет тридцати. В одной руке она несла пачку бумаг, в другой - кружку чая. Выглядела она как начальница.

- Девушка! - поспешно окликнул ее Сергей. - А где у вас интернет?

Женщина посмотрела на него с удивлением и любопытством. Она хотела что-то ответить, как вдруг в очереди раздался слабый вскрик. Вслед за этим грузная посетительница в пятнистом платье повалилась на своих соседей, а затем сползла на пол.

- Анюта, ты чего! - ахнула стоящая рядом старушка.

- Сердце! Сердце у ней! - торопливо заговорил пенсионер с клетчатой сумкой. - Она только что говорила про сердце.

- Валидол дайте!

- В больницу звоните!

- Я позвоню! Я позвоню! - загомонил длинный как жердь мужик, размахивая телефоном.

- Так звони уже!

- Отойдите! - Гордин протиснулся сквозь галдящих посетителей.

Он присел на колени и быстро вытер руки салфеткой.

- Тише! - крикнул он. - Не слышно ничего!

Быстро проверив пульс и дыхание, он поднял женщине веко, увидев закатившийся зрачок.

- Ничего не понимаю... - пробормотал Гордин.

У окна длинный мужик уже разговаривал с больницей:

- Алле! Нин, ты? Не работает? Петровна, ты? Тут, слышь, Анюте Мочкиной плохо. На почте! На почте, говорю! Что? Как машины нет?! Ну, пешком бегите!.. Чего говоришь? На свежий воздух?..

Прикрыв глаза, Гордин положил руки женщине на ключицы и, как мог, сосредоточился.

- Валидол... вот... - рядом появилась женщина со своей кружкой и упаковкой таблеток.

- Отставить валидол, - сказал Гордин. - Это не сердце. Дайте...

Он выхватил из ее кружки простую чайную ложечку, обтряхнул и сунул в рот пострадавшей, прижимая язык.

- Отек гортани... вообще ничего не понимаю.

Взгляд его, рассеянно пробежав по кругу, вдруг наткнулся на скрюченное тельце пчелы, чудом еще не раздавленной зеваками. Она корчилась, умирая.

- Анафилактический шок! - дошло до Сергея. - Послушайте, я тут ничего не смогу сделать. Что там с больницей?

- Щас! - пообещал мужик от окна. - Фельдшер на мотоцикле приедет. Чего ему брать-то?

Гордин, не мешкая, взялся делать пострадавшей искусственное дыхание. Он надавливал на грудь сильными рывками, от чего конечности женщины подскакивали, стучаясь о дощатый пол.

- Пусть берут какие-нибудь антигистамины, - отрывисто сообщил он. - И обязательно набор для интубации.

- Ага! - кивнул мужик и затараторил в трубку. - Берите эти... антивитамины. И эту еще... тубацию!

* * *

После укола женщине сразу стало лучше, она смогла сносно дышать и даже встала на ноги.

Почтовый фургон, очень кстати подъехавший, стал на время санитарной машиной и отвез пострадавшую в больницу.

Гордин, уставший и взмокший, проводил машину с крыльца.

- Молодой человек, вы просили интернет? - к нему подошла женщина-директор. - У нас рубль шестьдесят минута.

Старенький пыльный компьютер помещался в незаметном закутке, похожем на кладовую. Сейчас это и была кладовая - со стула пришлось снимать кипу пожелтевших бумаг и ведро с высохшей пальмой.

- Знаете, как включать?

- Справлюсь, - улыбнулся Гордин, доставая из сумки флэшку, веб-камеру и наушники с микрофоном.

- Если что, я тут, за стенкой. Меня Валентиной зовут, - женщина ответно улыбнулась и задернула за собой шторку.

На то, чтобы все настроить и подключиться к Сети через частный защищенный сервер, у Гордина ушло минут двадцать. Но потеря времени была оправдана. Отследить его местоположение теперь было невозможно никакими способами.

Он поставил перед собой камеру и прицепил наушник. Еще через минуту увидел на мониторе нечеткое из-за плохой связи, но вполне различимое изображение своей Лены.

- Привет, а вот и я, - улыбнулся Сергей.

- Ой, Сережка, ты где? - Лена сразу непроизвольно перешла на шепот.

- Я... в надежном месте. Тут тихо. У тебя-то как?

- Ну, ничего, но... Тревожно мне, Сережа. Ты ничего не говоришь, я ничего не знаю. Так нельзя жить!

Гордин ободряюще улыбнулся.

- Потерпи, девочка, чуть-чуть осталось. Мне бы только продержаться, тихо посидеть и дождаться... недельки две или меньше.

- Ты говорил, кто-то нам паспорта сделает загранич...

- Тс-с! - Сергей приложил палец к губам. - Об этом ни слова. Нас, скорее всего, уже слушают.

Лена при этих словах отпрянула от монитора и невольно глянула по сторонам.

- Как слушают?! А зачем же ты мне звонишь?!

- На тебя хотел посмотреть - разве мало?

- Тебя же вычислят!

Гордин холодно усмехнулся.

- Не вычислят. Кишка у них тонка.

* * *

Неуловимый и невидимый глазу сигнал, один из многих, миновал тысячи километров через кабели связи, спутниковые каналы и серверные станции, пока не отобразился в виде простой диаграммы на мониторе в офисе проекта «Хиронекс».

Руководитель службы безопасности проекта, плечистый молодой человек с армейской выправкой, нажал кнопку вызова.

- Товарищ полковник, есть входящий сигнал.

- Понял тебя, Гоша, - ответил ему импозантный 55-летний мужчина с заметной родинкой на нижней губе. - Сейчас буду.

Полковник Чуров набросил пиджак и быстро спустился в узел связи. На двух мониторах он увидел лица обоих абонентов - Сергея и Лены. Их разговор был слышен всем через колонки.

- Ну, где он? - нетерпеливо спросил Чуров.

- Не могу сказать, - покачал головой оператор. - IP-адрес скрыт.

- Так раскройте!

- Это затруднительно, - оператор нервно усмехнулся. - Он использует защищенный прокси-сервер где-то в Нигерии.

- Где?! - Чуров захлопал глазами. - Какой сервер, какая Нигерия? Он что, хакер? Он гребаный санитар! Подключайте людей, шевелитесь! Гоша, чего стоишь?

Главный охранник растерянно развел руками.

- Для этого не нужно быть хакером, - нахмурился оператор. - Системы анонимного доступа может применять любой желающий.

- Ну, и почему вы не можете сломать эту чертову систему, если она

доступна любому желающему? Вот же - мы его видим и слышим! Неужели так трудно установить, где он?

- Мы просто снимаем входящий сигнал с ее подключения, - оператор ткнул пальцем в монитор с Леной. - И пока это все, что мы можем. Простите, сигнал ушел! Они отключились.

Изображение на обоих мониторах исчезло. Чуров вполголоса чертыхнулся.

- Ну, хорошо, - сказал он. - Вернее, плохо, очень плохо. А что с мобильными разговорами?

- Там все еще хуже, - покачал головой оператор. - Было всего три звонка, и все с разных номеров. Он даже трубки использует разные, чтобы мы не вычислили IMEI-код телефона.

- Так... - Чуров прошелся по узлу связи, тут же уперевшись в стену - комнатка была тесная. - Разговор записали хоть?

- Естественно. Но там треп один, ничего нового.

- Давайте прогоним разок. Может, ухватим ниточку.

Чуров присел у мониторов и, нацепив очки, очень внимательно прослушал разговор Сергея и Лены. Как и говорил оператор, ничего нового или полезного он не услышал.

- Ну-ка, перемотай на пять секунд, - заинтересовался вдруг Чуров. - Еще чуть... еще... Вот!

Запись остановилась на моменте, где Гордин чуть наклонил голову, и за его спиной стал виден фрагмент настенного календаря.

- Вот этот участок, - показал Чуров, - нужно увеличить.

- Увеличить-то можно, но толку... - усомнился оператор, но полковник прервал его.

- Делай!

Теперь уже все увидели - на календаре чернела расплывчатая надпись фломастером: «Жанна 8-965-56...». Остальное разобрать не удавалось.

- Ну вот! - воскликнул Чуров. - Уже есть с чем работать! Шевелитесь, занимайтесь. О результатах доложите завтра.

* * *

Свой первый рабочий день Гордин начинал со смешанными чувствами. С одной стороны, ему было любопытно развеять скуку ожидания этой работой, пообщаться с людьми.

В то же время никакое общение в его планы не вписывалось. Нужно было только одно - сидеть максимально тихо и не высовываться.

В воротах больницы навстречу Гордину шагнул очень странный молодой человек. На нем была панاما с грубо измалеванной звездой, в руках он держал кривое деревянное ружье. На вид ему было около

двадцати лет.

- Стой! Не положено! - строго объявил он. - Документы!

Вход незнакомец перекрыл своим ружьем, как шлагбаумом. Сергей заглянул ему в глаза и убедился, что у парня явно не все дома.

- Да уйди ты! - Гордин попытался оттеснить его, но тот оказался неожиданно сильным.

- Не положено! Документы! Вертай назад!

Сергей подналег, отталкивая парня, но вдруг не удержался и сам упал прямо в пыль. В это же время из дверей больницы показалась Елизавета с тазиком стирального белья.

- Данька! Черт глумной! А ну, отстань! - крикнула она и кинула в него мокрую тряпку.

- Не положено. Запрещено, - забурчал парень, но послушно, с виноватым видом ушел в глубь двора и тут же принялся искать шампиньоны под старыми кленами.

- Испугался? - рассмеялась Елизавета.

- Испугаешься тут... - пробормотал Гордин, отряхивая джинсы.

- Данька у нас герой! А вообще он смирный. Ходит, бродит, играет. Пока баба Нюра, мамашка его, жива, она ему сопلي подтирает, да только надолго ли? Сама уже одной ногой на том свете, еле ползает. Хотя и не старая, пятьдесят пять годочков только справила.

- Можно ведь в интернат его сдать...

- Может, и сдадут, - вздохнула Елизавета. - Только баба Нюра не хочет. Она думает, его там обижать будут. Говорит: жить надо кровинка к кровинке, тогда хорошо. Если б он хоть помогал ей... Двадцать лет - толку нет. Мешок картошки донести не может, стоит столбом...

- А отец-то где? Умер?

- Да кто ж его знает где. Бабы Нюры муж - он все по тюрьмам да по ссылкам. Раз было - освободился, приехал с дружками. Всю ночь дома куролесили, а утром след простыл. Баба Нюра только на второй день людям показалась - вся побитая, зареванная. Ничего не сказала. Так и молчала девять месяцев как блаженная. А пузо-то росло. Ну, а как Данька появился - вроде оттаяла. Уж сколько она с ним возилась, по врачам таскалась - а он, видишь, какой. Ну ладно, заболтались. Иди работать.

* * *

Зайдя в душный больничный коридор, Гордин вдруг остановился. Поразмыслив всего несколько секунд, он вернулся во двор. Там нашел глазами Даньку, который из-за бревна целился своим ружьем в кур, и помахал ему рукой.

- Эй! Иди-ка сюда.

Данька вскочил с виноватым и испуганным видом.

- Чего, дядька?

- Пошли со мной.

- А куда? А зачем?

Данька настороженно подошел к Сергею.

- Пойдем-пойдем, дам тебе таблетку волшебную, - Гордин взял его за плечи и завел в коридор.

- Дядька, не надо!

- Надо-надо! Съешь таблетку - самый сильный будешь!

В массажной комнатке Гордин усадил Даньку на стул. Тот нервничал. Вдруг начал в голос плакать.

- Дядька, не надо!

- Ничего-ничего, не бойся. Больно не будет, честное пионерское.

Протерев руки, Гордин положил их Даньке на плечи. Сосредоточился, закрыл глаза, не обращая внимания на хлюпанье пациента.

Через секунду Сергей начал видеть. Он и сам не понимал, что именно. Просто некая глубокая живая масса, где непрерывно что-то происходит. Но в этом вечном движении ему удавалось замечать сбои и проблемы. Каким-то неведомым чувством Гордин улавливал зоны, где что-то мешает слаженному движению...

Было трудно. Рука под шрамом стала горячей, там что-то зудело и чесалось. Мышцы налились тяжестью, в голове мощно пульсировала кровь, волосы мгновенно намokли от пота.

- Все, не плачь! - Сергей убрал руки и потряс ими, чтобы снять напряжение.

- Дядька... чего-то мне спать охота.

- Вот-вот, поспи. А завтра глянем, что получилось.

Данька поспешно смылся из комнаты, не забыв ружье. А Гордин присел в углу, давая себе отдых.

Он так и сидел, когда фанерная дверь скрипнула, и в комнатку прозвучал неуверенный девичий голос:

- Ой, здрасьте... А где тетя Лиза?

Гордин открыл глаза, поднялся.

- Здрасьте. Теперь я - тетя Лиза. Вы на прием?

В двери стояла девушка. Не слишком красивая, не особенно привлекательная - просто девушка в простом светлом платье.

- Я... да. То есть нет! Я насчет мамы. Она обычно сама приходит, но сегодня нога разболелась - не может идти. Тетя Лиза всегда соглашалась, тут недалеко. Я заплачу, как всегда...

Девушка достала из сумки мятую бумажку в пятьдесят рублей и протянула. Гордин взял деньги и засунул ей обратно в сумку.

- Вас как зовут?

- Оксана.

- Пойдемте, Оксана. Все равно нет никого.

* * *

Дом у Оксаны оказался чистым и опрятным, хотя чувствовалось, что мужских рук не хватает.

Мать Оксаны сидела на кровати с пультом от телевизора в руках. Гордин усмехнулся, заметив, что и она с интересом смотрит новости про новоиспеченного «народного кандидата» Шлыкова.

- Кто вам догадался массаж прописать?! - изумился Гордин, едва взглянув на больные ноги хозяйки. - Это же варикоз, категорически запрещено!

- Да никто не прописывал, - вздохнула женщина. - Лиза придет, бывало, помнет, пощупает - вроде и легче становится. Вы делайте, мне помогает, правда.

- Да нельзя этого, как вы не понимаете!

Гордин положил руки на колени женщине. Чувствовалось, что она стесняется незнакомого мужчину-врача, но Сергея это сейчас мало тревожило.

Он попробовал сконцентрироваться. И уже почти начал «видеть» пальцами структуры тканей и кровеносных сосудов, но его голова вдруг стала тяжелой, виски сдавило.

Он еще не набрался сил после сеанса с Данькой.

- Поговорю в больнице насчет направления в область, к флебологу. Никакой массаж здесь не поможет, а только навредит.

- Да вы делайте, не волнуйтесь! - попробовала убедить его хозяйка. - Мне полегчает, я же знаю. У меня дела еще. Сейчас полежу, потом встану, на огород пойду.

- Вы что, не понимаете? Нельзя! Противопоказано.

Гордин начал собираться.

- Что ж, так и уйдете? - грустно проговорила женщина.

Задумавшись на секунду, Сергей написал на клочке бумаги название лекарства.

- Вот, купите в любой аптеке. Это мазь. Сегодня полегчает, а завтра... Завтра я еще раз зайду. И не вздумайте вставать, если не хотите без ног остаться.

- Откуда такой взялся-то? - спросила мать Оксану, когда Сергей ушел.

- Новенький, наверное, - ответила Оксана, глядя вслед Гордину в окно.

Мать не видела, как по лицу Оксаны скользнула светлая, хоть и немного грустная улыбка.

* * *

Возвращаясь на работу, Гордин чувствовал усталость. Больше всего ему хотелось сейчас просто посидеть в тихом месте, где никто не мешает. Или лучше прилечь...

От кирпичного столба на входе в больничный двор вдруг отделилась худощавая ссутуленная фигура молодого человека в несвежей футболке.

- Слышь, доктор! - выкрикнул незнакомец, покачиваясь и дыша густым спиртным духом. - Сюда иди!

Гордин с недоумением обернулся. Незнакомец был не один. Чуть поодаль за стенку держался его товарищ - более взрослый и массивный, но не менее пьяный.

- Ты, что ли, доктор новый? - парень переступил с ноги на ногу и едва не завалился на Гордина.

- Что надо? - спросил Сергей.

- Меня зовут Жека. Мочкин. Слышал?

Гордин покачал головой.

- Ты мою мать вчера на почте лечил. А ты знаешь, что ты ей два ребра сломал?

- Да! - подал голос второй незнакомец.

- Бывает, - пожал плечами Гордин. - При остановке сердца вообще-то...

- Ты сюда слушай! - перебил его Жека. - Ты человека искалечил! Ей лечиться не на что, она на работу ходить не может!

- Пусть приходит, вылечим.

Гордин повернулся и собрался уходить. Но Жека вдруг схватил его за рубашку.

- Ты чего, не всосал, доктор?! Деньги с тебя! Матери на лекарства! Пятьсот рублей! Сюда положил!

И он подставил Гордину грязноватую ладошку. Второй рукой он продолжал дергать Сергея за воротник.

Гордин уже примерился, как лучше вывернуть руку нетрезвому вымогателю, как вдруг за спиной скрипнули тормоза.

- Эй, голытьба! - из кабины милицейской машины высунулся рассерженный Михалыч. - А ну, марш отсюда! Еще раз увижу - в клетку ночевать отправлю!

Жека поспешно отпустил Гордина, отошел от него, но напоследок очень выразительно посмотрел и прошипел:

- Ты мне должен, запомнил?

Жека быстро ушел и увел своего хмельного приятеля. А Михалыч подмигнул Сергею.

- Не бойсь, студент, они, как проснутся, смирные будут!

Во дворе больницы на Гордина сразу же наскочил главврач.

- Эй, ты где гуляешь, массажер?! Тебя тут спрашивали уже.

- Да я к женщине ходил, - смутился Гордин. - С варикозом которая, дочка ее просила...

- А, к Ковалевым? - сразу успокоился главврач. - Добре. Надеюсь, цены свои московские им не заломил? А? За вызов-то?

- Да ну...

- Ты их не обижай. Мать вон еле ходит. Оксанка институт бросила, приехала за ней ухаживать, Мой кум ее в библиотеку устроил, да все равно, какие там деньги...

- Пал Тимофеич, - деликатно прервал его Сергей, - ей бы направление в область...

- Во, кстати! - поднял палец главврач. - Выбери на неделе себе выходной, в счет субботы. В субботу выйдешь на весь день - деревенские понаедут с направлениями, наломаешься с ними.

- Ладно. Я говорю, направление бы для Ковалевой...

Но главврач уже заметил мужика, который в глубине двора сбрасывал с телеги дрова.

- Куда ты их валишь, бестолочь, там же укроп! - крикнул он и тут же забыл про Гордина.

Сергей с досадой вздохнул и отправился к себе в кабинет.

На подходе к крыльцу больницы его вдруг окликнул уже знакомый пациент - тот самый завхоз-кладовщик, которому Гордин помог в первый день.

- Эй, доктор! Погодь-ка...

Завхоз, как оказалось, привел какого-то знакомого - щуплого усатого мужичка в громадной кепке.

- Вот он, я тебе говорил! - воскликнул завхоз, показывая на Сергея. - Попробуй! С первого раза все сделает.

Мужичок суетился и стеснялся.

- Слышь, доктор, вот глянь другана, - не умолкал завхоз. - Спину потянул, согнуться не может. А ему работать. Глянешь?

- Пойдем, - пожал плечами Сергей.

В это время с не приметной скамейки за кустом вдруг поднялись еще несколько человек, совершенно незнакомых.

- Э, Матвей, твою телегу! - крикнул один. - За нами будешь!

- Деловой тоже... - присоединился другой. - Без очереди лезет...

Гордин кисло усмехнулся. Отдых отменялся.

* * *

Валентина, начальник почтового отделения, увидев Гордина, сразу его узнала и улыбнулась.

- Опять интернет?

- На полчаса, - кивнул Гордин.

В кабинке уже навели порядок, убрали пыльное барахло, а монитор завесили кружевной салфеткой, как в деревнях накрывают телевизоры. Заглянув в почту, Сергей увидел письмо, которого так долго ждал.

«Все готово, денег хватило, жди меня через пару дней. Костик».

- Спасибо, Костян... - пробормотал Гордин, стирая сообщение.

Теперь можно было поделиться хорошей новостью с Леной.

Повторная настройка не отняла много времени, и уже скоро Гордин увидел в окошке монитора Лену. Правда, выглядела она безрадостно.

- Сережка, снова ты...

- Я же обещал, что скоро увидимся. Как там у тебя обстановка?

- Да никак. Все так же. Нас опять слушают?

- Скорее всего, да. Я соскучился, очень.

Лена уставилась куда-то в сторону.

- Я не могу так разговаривать. И жить так тоже не могу.

- Потерпи: я же говорю, осталось недолго. У меня уже есть подтверждение, скоро все получится.

- Получится - хорошо... - вяло ответила Лена.

- И не бойся ты этих долбозвонов. Они тебя не тронут...

Изображение Лены вдруг исчезло, сменившись черным прямоугольником.

Гордин подождал немного, надеясь, что это лишь временный сбой связи.

В следующую секунду его пробил испарина. На экране появилось хорошо знакомое лицо с родинкой.

- Черт... - прошептал Сергей и быстро выдернул разъем веб-камеры.

- Тю-тю-тю, Сереженька! - полковник Чуров холодно улыбнулся. - Не так быстро. Слушай внимательно, будет интересно.

Гордин лихорадочно полез в настройки, он искал, через какую «дырку» полковник мог вмешаться в соединение.

- Ну, покажи, что ли, личико... - проговорил Чуров. - Не хочешь? Ладно, тогда просто послушай. Как видишь, не такие уж мы «долбозвоны». Нашли тебя в интернете - найдем и на земле. Мир тесен, найдем. Мне только интересно, на что ты надеешься? Ну, да - сейчас ты орел. Двух охранников уложил, да еще и сигнализацию дорогую раскурочил. А дальше? Ну, вытащим мы из тебя прототип - кем ты останешься? Никем, пустышкой. А если не вытащим? Через сколько лет ты превратишься в развалину? Смею предположить, эндокринная система у тебя расползется года через два, а там и почки отвалятся. И куда ты дальше? За границу собрался? Да кто ж тебя выпустит?! Гаденыш ты, Сереженька. Никакой благодарности...

Гордин в сердцах отодвинул клавиатуру - ему так и не удалось понять, как полковник влез в защищенный разговор.

- Был же простым студентиком, а стал вон кем! - неторопливо говорил Чуров. - Почти волшебник! Правда, мозгов тебе добавить не удалось,

тут хирургия бессильна. А ты взял - и по дурусти все испортил! И кретина этого с собой прихватил, Костика-то. Да еще и документы украл. Верни бумаги, сучонок!

Лицо Чурова вдруг исказилось от злобы. Гордину на мгновение стало по-настоящему страшно.

- Мы же тебя на образцы порежем и в формалин закатаем за такие выходки, - Чуров не видел Сергея, но казалось, так и сверлил его взглядом. - Долго прятаться не сможешь. Надоеет нам за тобой бегать - просто натравим ментуру. Ты же уголовник! На записи видно, как ты со своим дружкой Костей сейф курочишь, как чужие деньги за пазуху прячешь...

Гордин не выдержал. Он схватил гарнитуру и яростно, хотя и приглушенно, проговорил в микрофон:

- Вы сволочи, сволочи! Я ничего у вас не украл, это мои деньги, по условию вашего же чертова контракта!

- А испытательный контракт ты, Сережечка, не выполнил... - развел руками Чуров. - Так что и денег не заработал.

- Все я выполнил, хватит меня за дурака держать! И на бумаги не рассчитывайте, пока я не буду в безопасности. Да и тогда не рассчитывайте! Потому что я жив лишь до тех пор, пока они у меня! Чтоб вы сдохли, твари!

Потеряв самообладание, Гордин просто рванул из розетки провод питания, и экран погас.

Некоторое время он сидел, вцепившись пальцами в край стола.

Он немного успокоился и понял: найти его Чуров все равно не смог, иначе не стал бы разводить эту болтовню по видеосвязи. Что он хотел? Наверное, просто запугать и деморализовать. Черта с два!

Через день-другой на руках будут загранпаспорта и другие нужные бумаги. Вырваться отсюда подальше, и дело сделано - за границей полковник его не достанет. Просто махнет рукой.

Но если все же достанет... об этом не хотелось даже думать.

Гордин живо вспомнил кафельные стены лаборатории, темные этажи нелегальной «больнички», холод медицинских инструментов, пугающие запахи и звуки, постоянную боль и страх перед новой болью...

- Молодой человек!

Гордин вздрогнул, обернулся. В проходе стояла и улыбалась Валентина.

- Извините, я думала, вы закончили.

- Закончил, - кивнул Сергей. - Сейчас уйду.

- Я хотела спросить, вы, наверное, хорошо в компьютерах разбираетесь?

В руках Валентины появился конверт, из которого она достала старые фотографии.

- Не сможете выложить это на мою страничку в фейсбук?

- Отчего ж не помочь, - вздохнул Гордин. - Показывайте, где у вас сканер.

* * *

- Вот так, да, вот так хорошо... Ой, прямо как помолодела! - Васильевна в чутких руках Гордина просто таяла. - А еще, знаешь, у меня, когда вздохну сильно, вот тут прямо прихватывает, знаешь? И еще колени ломит, когда на огороде...

- Нина Васильевна, да все у вас в порядке! - устало сказал Сергей. - Вашему здоровью еще молодые позавидуют. Не придумывайте себе болячки, они и не появятся.

- Да как же «в порядке», когда болит?

Гордин вдруг прислушался. Он опять услышал неподалеку тот странный плач навзрыд.

Отступив от Васильевны, он заглянул через забор. Сквозь кусты мало что было видно, но теперь удалось разобрать.

- Да что ты в душу мне лезешь, гадина, - звучал плачущий мужской голос. - То не делай, это не так... В своем доме никакого покоя нет.

- Всё покой себе ищешь, - отвечала женщина. - Скоро успокоишься, когда печень изо рта вылезет, забулдыга ты помойный!

- Что? Что сказала-то, сука! Ты мне сдохнуть, что ли, желаешь? Мне? Рот свой поганый захлопни, курва!

- Эх... - вздохнула Васильевна. - Соседи! Опять Петька Захаров с Зинкой брешутся. Каждый вечер. Не угомонятся. Он как выпьет - спит. А как нечего выпить - концерт заводит.

Неразборчивая ругань вдруг переросла в истошный визг Зинки.

- Он ее бьет, что ли?! - всполошился Гордин.

- Да не лезь! - махнула рукой Васильевна.

Сергей переместился еще на несколько шагов и наконец сквозь забор рассмотрел: Петька Захаров через двор гнался за женой с поленом. В следующий момент он ее ударил...

- Ничего себе! - воскликнул Гордин.

Сорвавшись с места, он перескочил забор и побежал через улицу.

- Да не лезь, дурак! - крикнула вслед Васильевна.

* * *

Догоняя Захарова, Сергей успел мельком увидеть его двор. Здесь все было уставлено разнообразным электронным и механическим хламом: под навесом - стопка старых телевизоров, у сарая - распотрошенная стиральная машинка, а также электрощиты, мотки проводов и прочее.

Был также виден передок старой «Волги», прикрытой листами шифера и рубероида.

Гордин настиг Захарова, когда тот размахнулся поленом для очередного удара. Зинка, зажата в угол между забором и сараем, визжала и закрывалась руками. Сергей одним движением вырвал у Захарова полено и отшвырнул подальше. Затем оттащил самого Петьку и толкнул, свалив на землю.

Было видно, что тот почти невменяем: мутный, блуждающий взгляд и обильная слюна на губах.

- Ты еще кто? - выпучил глаза Петька. - Тебя кто звал?

Он вдруг вскочил и неловко замахнулся рукой, пытаясь достать Сергея. Тот легко увернулся. Затем перехватил руку и вцепился Петьке в плечо.

Захаров хотел было вырваться, но вдруг напрягся и словно оцепенел. Кожа в месте контакта с пальцами Гордина резко потемнела. Петьку начал бить озноб, он трясся и не мог выдать ни звука.

- Еще раз поднимешь руку на женщину, - с расстановкой проговорил Гордин, - накажу по-крупному.

Он отпустил Захарова, и тот мигом обмяк, упав на колени. Взгляд его слегка прояснился, став испуганным и затравленным.

- А ты кто такой? Наказывать он собрался! - крикнула пришедшая в себя Зинка вслед Гордину. - В чужой-то дом...

- Хороший ведь парень был. В техникум поступил, учился, - вздохнула Васильевна, когда Гордин вернулся во двор. - На выставках разные диковинки показывал, в газете даже печатали.

- А что потом?

- Да выгнали. Что-то они там натворили с друзьями. Какое-то радио подпольное провели, песни крутили, я не знаю. Ну, он тут помыкался, устроился было в Рембыттехнику после армии... а потом так и покатился. Теперь у Зинки на шее сидит. Я его трезвым давно не видала. Э-эх...

Васильевна взяла таз с овощами и ушла в дом. Гордин взглянул на двор Захаровых. Там уже было тихо.

* * *

Гордину удалось отдохнуть у себя не более двадцати минут, как в дверь постучалась Васильевна.

- Там к тебе пришли, - сообщила она со странной интонацией.

- Кто?! - он невольно заговорил вполголоса.

- Да Зинка. Прознала, что ты доктор, - извиняться прибежала.

- А, Зинка... - Гордин расслабился и усмехнулся. - Вот так взяла - и прознала.

Он прошел к калитке, где его ждала взволнованная Зинка. На ее лбу красовалась свежая ссадина - след от полена.

- Вы уж простите, сорвалась я, дурочка, нервов никаких не хватает, - с ходу затараторила она. - Аж неудобно перед вами, извините меня.

- Ничего, бывает, - махнул рукой Сергей.

- Этот же, черт мой, Петька, как бельма зальет - света белого не видит, - соседка приложила руки к груди. - Что хошь с ним - то и делай, хоть привязывай. С работы выгнали, так он телевизоры соседям за бутылку чинит. Хоть бы вы ему таблеток каких выписали, чтоб у него от водки кишки заворачивались.

- Таблетки... - Гордин вдруг задумался. - Хм... А где он сам-то?

- Да у себя он, спать завалился. Я ему стопку, так и быть, наплескала, а то ж никакого терпения нет.

- Ладно, - Гордин вздохнул. - Пойдемте, гляну...

- А чего на него глядеть - дрыхнет пьяница, вот и вся картина.

- Пойдемте, пойдемте...

* * *

Небольшой сарайчик Захарова был превращен в любительскую радиотехническую мастерскую - здесь нашли свое место приборы, паяльники, блоки от электронной аппаратуры.

Сам Захаров спал на скамейке, наполовину свесившись. Гордин сел перед ним на корточки, разглядывая.

- У вас есть водка? - спросил он у Зинки.

Та нахмурилась, глянула с подозрением.

- А зачем водка-то? То же, что ли, решил принять для храбрости?

- Мне чуть-чуть, - усмехнулся Гордин. - Вот буквально...

И он показал пальцами, сколько нужно водки - действительно, совсем немного. Зинка сокрушенно покачала головой и отправилась в дом.

Гордин решил подождать ее во дворе.

Зинка вернулась не в духе, она явно по дороге сама себя «завела». С грохотом поставила на летний столик ополовиненную бутылку, стакан, тарелку с нарезанными помидорами. Посмотрела на Гордина уже с почти откровенной неприязнью.

- Ай, спасибо! - широко улыбнулся Сергей.

Взяв бутылку, он плеснул себе на руки и тщательно растер. Затем нацедил в стакан - буквально несколько капель.

- Я сейчас, - сообщил он хозяйке. - Здесь меня подождите, хорошо?

Зинка с озадаченным видом взяла бутылку, посмотрела ее на просвет, понюхала. Наконец пожалала плечами и вернула на место. Гордин вскоре вернулся.

- Завтра спиртное от него подальше уберите, - сказал Сергей. - А я

забегу после обеда, посмотрим, что да как.

Уходя, он тайком улыбался. Зинка же, не найдя слов, лишь развела руками - она решительно не понимала, что происходит.

* * *

- Спасибо вам, Сережа. Маме сразу лучше стало - я вижу.

Оксана улыбнулась Гордину и неловко пожала ему руку.

- До обеда пусть полежит, - сказал он, закрывая за собой калитку. - Потом можно немного походить. Но никаких тяжестей, никакого огорода. А я еще загляну.

Гордин вышел на центральную улицу, испытывая всего лишь небольшое утомление. Сеанс с матерью Оксаны прошел на удивление легко, но при этом эффективно. Было бы время - долечить ее удалось бы даже без помощи специалистов из областной больницы.

Но времени уже почти не было.

Сергей вдруг увидел Даньку. Тот шел по улице и тащил за собой тележку с набитым мешком, граблями и лопатой. Сзади шла радостная мать - баба Нюра.

«Запрещено! Не подходи! Не положено!» - привычно бормотал Данька под нос. Он был серьезный и сосредоточенный, исполненный чувства важности своего дела.

- Радость-то какая, - говорила посветлевшая баба Нюра, встречаясь взглядом со знакомыми. - Сыночек... Помощник у мамки теперь!

- Баб Нюр! - кричала продавщица из киоска. - Что, и твой за ум взялся?

- Так это... - старая мать едва не плакала. - Помощник у меня! Сам сегодня встал, сам говорит: «Дай, мамка, я потяну, тебе тяжело».

- Ну, дай Бог! - улыбнулась продавщица.

Данька вдруг заметил Гордина, засмеялся.

- Дядька, привет! Я самый сильный! Дашь еще таблеток?

- Дам! - Сергей помахал ему рукой. - Заходи!

Данька тут же снова погрузился в себя и продолжил бормотать.

В кармане Гордина вдруг задрожал телефон - пришло сообщение. Номер знал только один человек, и это сообщение Сергей ждал все последние дни. Он зашел в какой-то проулок и взглянул на дисплей.

«Я готов, подтверди координаты».

Все, что теперь требовалось, - это набрать ответ. Всего одно слово - «подтверждаю». Сергей так увлекся этим, что не заметил Жеку Мочкина и сопровождающую его компанию - троих незнакомых парней и потрепанную нетрезвую дамочку, известную в городе под прозвищем Морошка.

Все оказались здорово навеселе. Двое парней поддерживали

Морошку, которая шла, задевая заборы. Взгляд у компании был характерно ищущий - всем явно хотелось «догнать».

Жека первый заметил Гордина и торжествующе усмехнулся. Подойдя к Сергею со спины, он вдруг ударом выбил из руки телефон.

- Доктор, блин!

Сергей отскочил, переводя взгляд с Жеки на его дружков.

- Должок за тобой! - напористо заявил Жека. - Я за тобой бегать не буду, сам прибежишь. Деньги где?

- Денег не будет, - спокойно ответил Гордин. - Иди, куда шел.

Жека неожиданно толкнул Гордина ладонью в лицо.

- Ты обурел, пилюлькин?! Ты мне мать покалечил, больная лежит, тебя прокликает. Тварь!

Жека снова замахнулся, но Гордин на этот раз легко ушел в сторону.

- Женька, ёперный театр! Оставь этого заглота, пошли к баб-Любе.

- Оставляю! - хищно оскалился Жека. - Когда долг получу. Сам отдашь, Айболит хренов, или мне карманы проверить?

Жека схватил Гордина за шею и притянул к себе, намереваясь нашарить кошелек. Сергей же совершенно невозмутимо, не сопротивляясь, положил ему два пальца под ухо и зажмурился...

В следующую секунду Жека отлетел от него как ошпаренный. Он свалился в пыль, хватаясь за грудь, и ошарашенно вылупился на Гордина. При этом судорожно дрыгал ногами, пытаясь отползти.

- Ну, ни фига себе! - заметил один из его приятелей. Отпустив Морошку, он со всей решимостью двинулся к Гордину.

Та тут же завалилась на второго приятеля, и он едва устоял на ногах.

- Держи, ёперный театр! - воскликнула Морошка.

В этот раз Гордин сам шагнул навстречу противнику, быстро поднырнул под него и обхватил за пояс. Ладонь легла на голую кожу в районе позвоночника. Через мгновение парень с истошным криком отлетел в заросли крапивы, извиваясь всем телом.

Гордин перевел дух, встряхнул руками. Усталость была, но не катастрофическая. Он еще готов побороться.

- Ребята, кончайте... - пробормотал один из оставшихся парней. - Ребята, вы чего...

Маленькими шажками он отступил за спину своего товарища и Морошки. Та изумленно пялилась на корчащихся в пыли собутыльников.

- Вот же угар, ёперный театр! - только и сказала она.

Гордин подобрал телефон и, еще раз взглянув напоследок на всю компанию, ушел за угол, на центральную улицу.

Угрожать напоследок было лишним - они и так все поняли.

Старенькая, не раз крашенная «мазда» стояла на проселке в лесном массиве, в паре километров от Маклинска. Сергей забрался в кабину, они с Костиком наскоро поздоровались, обнялись.

Затем Костик передал Гордину пакет с паспортами и справками.

- И вот еще, деньги остались, - добавил он, протягивая тугой рулончик купюр.

- Оставь себе, - возразил было Гордин, но Костик замотал головой.

- Тебе нужнее, вас двое будет. Ну вот... А теперь - плохие новости. Валить тебе отсюда надо. Срочно. Сегодня же.

- Что еще? - помрачнел Гордин.

- На трассе хвост за мной был. На двух машинах. Я их сбросил. Через двадцать километров вижу - опять они.

Гордин непроизвольно посмотрел по сторонам.

- И где они?

- Ты слушай, - продолжал Костик. - Я опять оторвался. Заехал на сервис, закрылся, глянул. А у меня под днищем - вот...

Костик сунул руку за сиденье и вытащил обломки какого-то электронного устройства с торчащими проводами.

- Жучок, что ли?! - воскликнул Сергей. - На кой черт с собой притащил?

- Не бойся, уже не кусается. GPS-трекер. Копеечная вещица, но паскудная. Да ты не волнуйся, с собой никого не привел. Хотя след они, как видишь, взяли. Поэтому собирайся.

С этими словами Костик выкинул обломки в окно, в придорожную траву.

- Да как «собирайся»?! - Сергей возбужденно взъерошил волосы. - У меня планы совсем другие, я не готов еще!

- Некогда готовиться, - серьезно ответил Костик. - Поедешь со мной. К утру будем в Витебске, там разбежимся. Осядешь где-нибудь, подругу дождешься - и свободен.

- А ты?

- Я через Литву буду уходить. Потом в Канаду. Меня там друг ждет.

Гордин протяжно вздохнул.

- М-да... неожиданно.

Он вдруг заметил, что Костик потирает руку выше локтя.

- Болит?

- Малость, - отмахнулся Костик. - Приеду на место, найду какого-нибудь мясника-коновала, чтоб вырвал ее к чертям. Надоела...

Костик приподнял рукав футболки, показывая кольцевой шрам.

- У тебя тоже так? Он вроде больше становится.

- Не знаю... - Гордин показал свой имплантат. - Не замечал. Чешется иногда.

- Ладно, некогда сопلي разводить. Ты едешь?

Гордин размышлял недолго.

- Еду, конечно, куда деваться... Ко мне заскочим за барахлом, тут рядом.

Костик молча кивнул и завел машину.

- А я, представляешь, людей тут... лечу! - усмехнулся Гордин и изобразил руками некие «магические пассы», давая понять, что это не просто лечение.

- Что?! - Костик взглянул на него почти с ужасом.

- Ага. На работу устроился, теперь почти что доктор.

- Да ты рехнулся! Какая работа! Тебе сидеть надо тихо, как клопу, и не шуршать!

- Не шуршать не получается. Здесь тунеядцев не любят, сразу на карандаш...

- Ну и работал бы! - пожал плечами Костик. - Тихонько, незаметно! Зачем способности-то светить?

- Не знаю, - вздохнул Гордин. - Так уж получилось. Смотришь на людей - жалко их... Плохо им, а они никому не нужны.

- Вот от кого, а от тебя я такой глупости не ожидал. Жалко ему... Себя пожалей!

- Себя-то чего жалеть? А вот ребят наших - их реально жалко. Пашку, Коляна, Саню...

- Ты про ребят это точно знаешь? - нахмурился Костик.

Гордин уверенно кивнул.

- Не было ни побега, ни аварии, тем более наркотиков. Они все там умерли, в операционных.

- Откуда знаешь?

- Помнишь, я в сейфе папочку прихватил? Которую ты брать не хотел. Вот оттуда. Поэтапное описание эксперимента, анализ причин распада тканей, выписки, диаграммы, фотографии. Считаю, готовый приговор для Чурова.

Костик сокрушенно покачал головой.

- Вот за это тебя точно на куски порежут.

- Нет, Костик, - на лице Сергея появилась мстительная улыбка. - Пока бумаги у меня - пальцем не тронут. А вот если найдут...

- Чего ты их у себя держишь? Взял бы да и слил все прокурору. Одним махом разогнал бы всю их малину.

- Костик, ты же говорил, что охотником был, - укоризненно заметил Гордин.

- И был, и буду. С тринадцати лет с отцом в лес ходил. У меня и сейчас ружье с собой.

- Раз так - должен знать, что бывает, когда зверя в угол загонишь. Опасно это. Вот если меня в угол загонят, тогда бумажки и пригодятся.

- Эх, Серега... - Костик протяжно вздохнул. - Хреновая это затея - с государством в очко играть. Там не церемонятся.

- Они не государство, - покачал головой Сергей.
- Как так? Там же майоры, полковники... А возможности какие!
- Не-а, частная лавочка. Под ширмой военно-медицинской академии. Я это знаю. И все их возможности - купленные. Им внагляк идти тоже резона нет. Запалят контору - конец им тогда. Поэтому осторожные такие. Так что, пока бумаги у меня, я в домике. А без них голый останусь.

Машина тем временем остановилась возле дома Васильевны.

- Быстро, Сережа, только быстро, - напомнил Костик.

* * *

Первой, кого увидел Гордин, входя во двор, была Оксана. Она пила чай с Васильевной за летним столиком. При виде Гордина сразу отставила кружку и поднялась.

- Здравствуйте, а я вас жду, - лицо Оксаны осветилось улыбкой, но вдруг погасло. - Простите, мне сказали, что у вас выходной, но... маме хуже стало. Она просила вас позвать.

- Меня-то зачем? - с досадой воскликнул Гордин. - Врача надо звать!

- Мама сказала, что вы лучше любого врача. Врач так не поможет, мы знаем. А еще - вон...

Оксана кивнула за калитку. Гордин только сейчас заметил, что снаружи его ждут пациенты - как прежние, так и новые, незнакомые. Все выглядели смущенными, всем неловко было беспокоить доктора в выходной.

- Сергей Леонидыч, вы уж простите, но еле до вас дотерпел, - проговорил пожилой мужчина деревенского вида. - Никакие таблетки не помогают. А у вас получается.

- Да мы денежкой заплатим. Тем более выходной у вас... - добавила какая-то незнакомая женщина.

Гордин занервничал.

- Но я не могу! Понимаете, совсем не могу! Мне ехать надо, меня машина ждет!

За забором тут же посигналил Костик.

- Совсем не можете? - помрачнела Оксана.

- Я же сказал. Извините... - Сергей развел руками.

Он опустил голову и направился в свой сарайчик за вещами. Оксана проводила его расстроенным взглядом.

- Ну что ж... - вздохнула Васильевна. - Если не может человек... имеет право. Да еще и выходной, - было видно, что и она разочарована.

Гордин быстро вернулся с собранной сумкой.

- Нина Васильевна, я вам денег не должен?

- А ты что ж, насовсем? - испуганно проговорила хозяйка.

Никто не заметил, что при слове «насовсем» Оксана вдруг вскинула на Гордина отчаянный взгляд.

- Ну, не то чтобы совсем... - растерялся Сергей. - Но могу задержаться.

- А-а... Ну, ты шибко не задерживайся. Вон люди-то тебя ждут. А деньги никуда не денутся, - Васильевна небрежно махнула рукой.

Гордин кивнул и, не поднимая глаз, зашагал к калитке. Он вдруг не выдержал и встретился взглядом с Оксаной. А затем - и с глазами других посетителей. Все смотрели на него с погасшей надеждой, все были расстроены. Снова из-за забора посигналил Костик.

Гордин на секунду замер в раздумьях. Вдруг в сердцах плюнул и бросил сумку на тропинку. Выйдя за калитку, он протянул руку Костику.

- Знаешь что... Езжай без меня.

Костик изумленно уставился на Гордина. Он даже открыл рот, чтобы что-то сказать, но Гордин махнул рукой, останавливая его.

- Ничего не говори. Не могу я, и все. Еще день тут поболтаюсь... Да не найдут они меня за день! А потом уйду спокойно, у меня план есть, все продумано. Ты за меня не переживай.

- Ну, debil... - схватился за голову Костик.

- Езжай, брат. Спасибо тебе за все. И что со связью помог - за это отдельное спасибо. Удачи.

Гордин вернулся во двор, обвел взглядом ничего не понимающих пациентов.

- Ладно, - вздохнул он. - Подождут мои дела.

* * *

За городом Костик хотел разогнаться, но дорога была неважная. И настроение тоже. Костик всерьез переживал за товарища и не понимал его странного поступка. Если есть возможность бежать - надо бежать. Последние недели вся их жизнь заключалась только в бегстве, и лишь в нем было спасение.

Впрочем, Гордин все решил сам. Теперь следовало подумать о себе. Особых поводов для беспокойства у Костика не было - он хорошо подготовился. Помогли и знакомые, и связи отца, и деньги, унесенные из сейфа «Хиронекса».

Еще день-другой, и все кончится - самолет трансатлантических авиалиний унесет его в безопасное место.

Наконец пошла нормальная дорога, Костик разогнал машину и расслабился за рулем. Он не знал, что в километре от него Гоша, старший оперативник Чурова, подкрутил колесико бинокля.

- Коробочка на подходе, - сообщил Гоша в рацию.

- Точно он? - тут же отозвался Чуров.

- Метки на локаторе нет, но машина его точно.
- Останавливайте, - командовал Чуров.
- Опасно, быстро идет, - засомневался Гоша. - Может покатиться.
- Пусть катится! - в сердцах закричал Чуров. - Останавливайте! И сразу берите.
- Выполняю.

Гоша хлопнул по плечу оперативника, сидевшего рядом и наблюдавшего за приближавшейся «маздой» через прицел бесшумного автомата «Вал».

- Обожди, пусть поближе подойдет, - сказал Гоша, глядя в бинокль. - Там ямы на дороге, он сейчас притормозит.

- Поучи бабушку кашлять, - проворчал в ответ снайпер.

До машины оставалось не более ста метров, когда затвор приглушенно лязгнул, и три тяжелые девятимиллиметровые пули вспороли пыльную покрышку.

«Мазда» словно споткнулась - накренилась, завилыла по дороге, закричала тормозами и наконец уткнулась бампером в придорожный куст.

Костик выбрался из кабины, вполголоса матерясь. Быстро осмотрел лопнувшую покрышку, затем открыл багажник. Он уже доставал запаску, когда за спиной отчетливо прозвучала команда Гоши.

- Стоять, руки на машину! Не оборачиваться!

Костик застыл. Чуть наклонившись, он увидел в отражении заднего стекла два силуэта. Один с автоматом, у второго вроде пистолет. Оба угловатые, видимо, в бронежилетах.

Пятизарядный «Байкал» лежал у Костика буквально под рукой. Передернуть затвор - доли секунды...

Схватив ружье, он резко сорвался с места и побежал вверх по откосу.

- Стой, с-сука!

Грохнул пистолетный выстрел. Костик развернулся на ходу и, не целясь, от пояса, выстрелил в сторону преследователей. Тот, что был с автоматом, тут же покатился по откосу. Струя крови ударила из разорванной картечью шейной артерии.

- Стой!

Снова бабахнул пистолет. Костик почувствовал увесистый толчок в лопатку. Стало горячо, в ушах засвистело.

Почти сразу - еще выстрел. Костик упал на колени, выронил ружье. Но он продолжал ползти, цепляясь за траву, словно там, на вершине дорожного откоса, его ждало спасение.

Пистолет продолжал стрелять.

Уже почти на самом вершине Костик схватился за какой-то стебель, но пальцы вдруг разжались... С остекленевшими глазами он покатился вниз.

Черный угловатый джип Чурова остановился рядом с осиротевшей

«маздой», агрессивно визгнув тормозами. Полковник выскочил на пыльную обочину и склонился над телом Костика.

С противоположной стороны подъехал черный микроавтобус с оперативниками.

- Что ж вы, уроды, аккуратно принять его не могли?! - закричал Чуров.

- Товарищ полковник... - проговорил Гоша, стараясь справиться со сбившимся дыханием. - Он стрелял... Алекса завалил.

- Какого Алекса? А, этого... - Чуров бросил мимолетный взгляд на убитого оперативника. Затем брезгливо толкнул ботинком ногу мертвого Костика.

- Что ж ты, Костенька? Умер и ничего не рассказал. Это не товарищески.

Чуров протяжно вздохнул и перевел взгляд на «мазду». В глазах его что-то блеснуло, он устремился в кабину. Какое-то время просто осматривался, открывал «бардачок», звенел мелочью между сиденьями, листал пустой блокнот на присоске. Наконец нашел квитанцию с АЗС и почему-то ею заинтересовался.

- Когда был последний сигнал с датчика? - спросил полковник у Гоши, уже стоящего рядом на изготовку.

Гоша щелкнул пальцами кому-то из оперативников и через полминуты положил на колени Чурова планшетку с распечатками показаний GPS-трекера.

- Здесь смотрите, - он подчеркнул ногтем какую-то графу.

- Ага... - Чуров взял авторучку, нацепил очки и зачем-то принялся переписывать показания спидометра.

- Двести шестьдесят... туда-обратно... - бормотал полковник. - Плюс семьдесят. Сорок два остается... Сорок шесть - пополам...

Сняв очки, он задумчиво посмотрел на Гошу и его помощников.

- Семьдесят шесть километров он накатал от последней точки без нашего присмотра. Очевидно, в оба конца, то есть тридцать восемь. Ищите, что здесь есть в тридцати восьми километрах!

Оперативники уже разложили на капоте карту и сосредоточенно водили по ней пальцами.

- Городишко один, Маклинск, - сообщил Гоша. - Ну, и пара деревушек.

- Маклинск! - Чуров многозначительно поднял палец. - Ну, что стоите? Быстро, быстро! Кстати, оденьтесь попроще. Вы в этих черных пиджаках в Маклинске будете как сборная по шпионажу.

Чуров, вытирая со лба пот, уселся к себе в джип. Водитель выжидательно глянул на него.

- Ну, что смотришь? - нервно вскрикнул полковник. - В Маклинск!

- Разрешите вопрос, товарищ полковник? - проговорил вдруг водитель.

- Только если не очень наглый.

- Вообще-то, немножко наглый, - водитель усмехнулся. - А к чему вся

эта езда-беготня. Ведь вроде решили все. И с барышней договорились. Она вроде почти согласна...

- Послушай меня, пентюх ты неотесанный! - в голосе Чурова были усталость и досада. - Есть правила. Никогда не договаривайся с бабами. Никогда не надейся на баб. Никогда не верь бабам. Еще вопросы?

Водитель включил зажигание.

- Никак нет.

Перед тем как отъехать, Чуров высунулся в окно и прокричал оперативникам, готовящимся садиться в микроавтобус:

- Эй, вы что! Мусор-то хоть уберите за собой! - И кивнул на лежащие в траве трупы.

* * *

Закончив очередной и, видимо, последний сеанс с матерью Оксаны, Сергей в очередной раз повторил:

- ...и еще раз вам говорю: в областной центр, к специалисту. Я все, что мог, сделал. Больше ничего не смогу, можете верить или не верить...

Мать Оксаны с улыбкой смотрела на Гордина с кровати.

- Руки у вас чудесные, Сережа. Как волшебные. Наверное, это дар такой - людям помогать?

- Никакого особого дара, - нахмурился Гордин. - Я делаю только то, что вы и сами можете. Вернее, ваш организм. Помогаю ему. Если органы правильно работают, они и инфекцию победят, и соли размоют, и кровь очистят...

- Вот-вот. Вы-то умеете сделать, чтоб правильно работали. А тут у нас - целая больница, и толку чуть.

- Зря вы так, - покачал головой Гордин. - Больница не поможет, если сами себе не хотите помочь.

Оксана настойчиво протянула Гордину купюру. Тот покачал головой, взял сумку и вышел из дома. Оксана догнала его во дворе.

- Я вас провожу, мне все равно на работу.

- Пойдемте. Вы в библиотеке работаете?

- Я вообще-то извиниться хотела... вы из-за нас дела бросили, опоздали куда-то.

- С делами сам разберусь, не волнуйтесь, - отмахнулся Сергей.

- Нет-нет, я как раз хотела предложить! Хотите, договорюсь, вас подвезут. У меня знакомые есть, хорошие люди...

На перекрестке Гордин остановился, с улыбкой повернулся к Оксане.

- Хорошая вы девушка. Побудьте лучше с мамой, вы ей нужнее, чем мне.

Оксана вздохнула, огорченно глядя ему вслед.

- Ну, конечно, - пробормотала она. - «Нужнее, чем мне»...

* * *

- Я Савченко. Тебя должны были предупредить, полковник.

- Да, предупреждали... - Чуров еще раз внимательно оглядел хмурого 60-летнего человека с потным лицом, одетого в серый дорогой костюм.

- Так чем обязан, Олег Иванович?

- Обязан тем, что первую часть оплаты мы тебе перевели, полковник. И теперь хотим поглядеть, как делается работа.

- Работа? - Чуров задумчиво пожевал губы. - Работа делается. Все идет по плану. Изучаем оперативное пространство, следуем за объектом.

- Объект в другом районе, за триста километров отсюда, - прищурился Савченко. - Через три дня он будет вообще в другом регионе. А вы тут, насколько я вижу, гоняетесь за каким-то мальчишкой-недоноском.

- Этот «недоносок» - ключевой момент нашего плана, Олег Иванович. Советую не торопиться с выводами.

- Короче, полковник! Я приехал услышать о деле, так что поменьше болтовни. Рассказывай все, мне нужно сегодня же доложить руководству.

- Конечно, Олег Иванович! - Чуров успокаивающе кивнул. - Прошу в наши апартаменты.

Апартаментами Чуров называл старый полузаброшенный поселковый клуб вблизи Маклинска. За ящик дешевого портвейна он арендовал его у местного старосты с условием, что никто не будет его беспокоить хотя бы три-четыре дня.

В клубе сохранились и крыша, и окна, правда, ко входу пришлось прорубаться сквозь лопухи и крапиву. Внутри все покрылось пылью: и зрительские кресла, и ветхие декорации, оставшиеся от какого-то давнего спектакля.

Сейчас люди Чурова «окультуривали» свой новый штаб - сдвигали к стенам зрительские кресла, ставили кофемашину и микроволновку, монтировали на крыше антенну.

- Рассказывай, полковник, - велел Савченко, усевшись в кресло. - И прикажи, чтоб воды принесли.

Чуров легко запрыгнул на сцену, прошелся среди картонных березок, наконец сел на бутафорский трон, разрисованный костями и черепами.

- Что именно вы хотите узнать, Олег Иванович? - спросил он.

- План, полковник! Твой план! Тот, за который ты попросил такие сумасшедшие деньги! Мы должны быть уверены, что вкладываемся в реальное дело, а не в сказочные прожекты.

- Дело более чем реальное, Олег Иванович. А деньги мы попросили

вполне справедливые. Вы же сами указали на ряд, так сказать, особых обстоятельств...

- Хватит пустозвонить, полковник! - раздраженно оборвал его Савченко. - План! И принесут мне, наконец, воды?

- Хорошо! - Чуров энергично встал, поднял с пола облупленный фанерный меч и сдул с него пыль. - У нас секретов нет, Олег Иванович. Итак, предположим, вы хотите убить человека...

- Замолчи! - процедил Савченко. - Не смей даже слово это говорить! Шлык должен уйти сам! Только своей смертью! Это главное условие, за которое вам и обещана такая сумма!

- Да-да, это несомненно, - с серьезным видом кивнул полковник. - Только сам! А теперь план. Представьте: объект выезжает на очередную акцию по промывке мозгов избирателям. Радостная встреча, цветы, рукопожатия... В толпе двое-трое наших людей. Кому-то из них должно повезти, ему достанется поручаться со знаменитостью... Собственно, вот.

- Что «вот»? - Савченко сурово свел брови. - Опять болтовня? Что «вот»?!

- Вот и все! - беззаботно улыбнулся Чуров. - Через три дня он умрет. Сам. Своей смертью.

Савченко некоторое время напряженно соображал.

- Я что-то не понял... Как умрет? Какой-то яд? Или опять твои прибаутки, полковник?

- Я же четко сказал: умирает от рукопожатия. Пока не знаю, что у нас получится. Может, тромб в сосуде, может, инсульт или там сердечко остановится во сне. Собственно, это зависит от качества рукопожатия.

- Так... - у Савченко прорезались складки на щеках. Он встал с весьма решительным видом. - Опять шуточки?

- Нам не до шуточек, Олег Иванович.

Щелчком пальцев Чуров подозвал Гошу.

- Гоша, приведи-ка «хиронекса».

- Так он же... - Гоша растерянно развел руками.

- Веди, веди...

- Что еще за «хренорекс»? - спросил Савченко.

- «Chironex fleckeri». Маленькая южная медуза. Убивает взрослого человека одним прикосновением.

Тем временем вернулся Гоша, он держал за локоть бледного, наголо стриженного молодого человека с затравленным взглядом.

- Поздоровайся с нашим другом, - велел Чуров молодому человеку. - Но так, чтобы он почувствовал глубину нашего добросердечия.

«Хиронекс» сдержанно кивнул. Протерев руку салфеткой, он протянул ее Савченко. Тот растерянно посмотрел на Чурова.

- Ну же, Олег Иванович! - воскликнул полковник. - Подайте руку, вы же сами хотели все узнать.

Савченко, пожав плечами, выставил ладонь навстречу «хиронексу». Через несколько секунд он вдруг хрипло вскрикнул и схватился за грудь. По лицу градом покатился пот, губы посинели.

«Хиронекс» поспешно убрал руку и отошел.

- Что... что вы сделали? - выдавил Савченко.

Чуров быстро подошел и заглянул в лицо Савченко - внимательно, заинтересованно, словно врач, изучающий пациента.

- А что мы сделали, Олег Иванович.?

- Мне плохо... помогите, - жалобно проговорил Савченко.

- Да перестаньте. Этот - слабенький. Вот второй, которого мы ищем, - тот да! С ним можно дела делать. Ничего-ничего, жить будете, в отличие от вашего объекта - Шлыкова.

Чуров широко улыбнулся и напялил беспомощному Савченко на голову картонную размалеванную корону.

* * *

Подойдя к забору Захаровых, Сергей окликнул Зинку:

- Ну, как хозяин?

Та охотно отвлеклась от прополки грядок.

- С утра даже за пивом не пошел, - с благоговением проговорила она.

- Это что же, теперь он совсем пить не будет?

- Пару недель точно не сможет. А дальше от вас зависит.

- Он сейчас с машиной возится. Говорит, ездить буду.

- Машина-то на ходу?

- Ой, да лучше б он ее продал, - отмахнулась Зинка.

Гордин на секунду задумался.

- А сколько запросите?

- Кому оно надо? - отмахнулась Зинка. - Ей годов больше, чем мне. Да вы поговорите сами.

Сергей нашел Петьку под навесом. Он лежал под «Волгой», что-то насвистывая. Рядом на тумбочке - банка молока и белый хлеб.

- Ну, как аппарат? - Гордин похлопал по капоту. - Ездить может?

- А куда он денется? - ответил Петька, не вылезая из-под машины. - Радиатор вот только подпаять...

- А что если я твою «Волгу» куплю?

Захаров тут же выглянул, озадаченно посмотрел на Гордина.

- Это как?

- За деньги, - пожал плечами Гордин.

- Да я вообще-то не собирался... - Петька принялся ожесточенно чесать затылок. - Слышь, нет, продать не могу. Хороших денег за нее не получить, а где я тогда новую возьму? Может, тебе чего надо - я отвезу.

- Да надо... в общем, покататься день-другой.

Захаров налил себя молока, подумал немного.

- Давай так... Я тебе ее даю, с ключами. Через день-другой, когда радиатор заделаю. Ты и катайся. А потом пригонишь обратно. Заодно расскажешь, где чего у ней скрипит.

- А если не успею пригнать, а оставлю в другом месте - согласен? - спросил Сергей.

- Каком это месте?

- Тут ведь железная дорога где-то рядом...

- Кремневка, там станция узловая, - кивнул Петька. - Тридцать верст.

- Вот там и оставлю.

- Договорились, - Захаров приподнял стакан с молоком. - Будем здоровы.

- А это за беспокойство, - Гордин протянул Захарову купюру.

- Да не надо... А ладно, давай на бензин...

Выйдя из двора Захарова, Сергей увидел, что с противоположной стороны улицы ему машет Васильевна.

- Эй, слышь чего! - крикнула она. - Тут опять спрашивали тебя.

- Говорите всем: пусть после обеда в больницу приходят.

- То не наши, - Васильевна многозначительно прищурилась. - Чужие...

Гордин так и застыл на месте. Невольно посмотрел по сторонам. Потом медленно подошел к Васильевне.

- Какие чужие? - осторожно спросил он.

- Уж не знаю, а сразу видать - не наши. На автостанции подошли. Говорят, друга потеряли. Мол, не проходил ли кто...

- Так это разве про меня?

- Не знаю... Только, кроме тебя, тут заезжих давно не было, - теперь она смотрела на Гордина даже с некоторым подозрением.

- И что вы им сказали? - поинтересовался он.

Васильевна усмехнулась.

- А что говорить? Вон, рыбаков приезжих целый берег сидит. Я их к ним отправила. Пускай ищут.

Гордин сдержанно кивнул, ничего не ответив. Он прошел мимо Васильевны во двор. Затем в свой сарайчик.

Там сел на табуретку, переводя дух. Затем поднял доску в полу, достал из-под нее пакет, вытащил папку с документами. Подержал в руках, не решаясь, но все же открыл.

Воспоминания обрушились, как ледяной дождь. Каждый листочек, каждая фотография, рентгенограмма, справка - все действовало подобно уколам боли.

Среди фотографий Гордин увидел и свою - бледный, коротко стриженный юнец с мешками под глазами, с забинтованной рукой выше локтя.

Гордин невольно нащупал шрам под рукавом. Вложил папку обратно в

пакет, тщательно завернул.

Решение пришло быстро и почти не вызвало сомнений.

* * *

Улица перед библиотекой была пустынной, не считая девчонку и парня, который возился с заглохшим мотоциклом. Гордин не сразу узнал в них Жеку и Морошку. Понял, лишь когда услышал знакомый голос:

- Заводи, ёперный театр! Долго стоять-то? Говорила, пешком надо!

Он хотел было пройти мимо, но вдруг обратил внимание на распущенные волосы Морошки. Русые, чуть ниже плеч - совсем как у Лены.

Подумав, Гордин направился напрямик к Жеке. Тот, заметив его, оставил свой мотоцикл, даже отступил на пару шагов, глядя исподлобья.

- Привет, - сказал Гордин. - Как мать?

- Чо мать? Болеет! - Жека был неприветлив.

Гордин достал небольшую стопку 500-рублевых и протянул одну бумажку Жеке. Тот недоверчиво взял, переглянувшись с Морошкой.

Затем Гордин протянул и вторую купюру, введя Жеку в полное замешательство.

- На лечение, - сказал он. - Думаю попросить тебя кое о чем. Заработать хочешь?

- А чего надо-то? - буркнул Жека.

- Да всего ничего. На мотоцикле прокатиться.

Морошка расхохоталась.

- Ёперный театр! Да хоть вокруг света!

* * *

Оксана сидела за библиотечной стойкой, листая какой-то альбом с репродукциями старинных картин.

- Что читаете? - с порога улыбнулся Гордин.

Оксана улыбнулась в ответ и показала обложку.

- Голландцы. Освежаю память: осенью в институт возвращаться. Если получится.

- У вас все получится, -- убежденно проговорил Сергей. - А нельзя ли вас кое о чем попросить?

- Меня? - удивилась Оксана. - У нас тут медицинских книг нет почти.

Гордин достал из сумки сверток с документами.

- Можно это у вас полежит? А то ко мне друг приезжает, но боюсь, не

встретимся. Скажет, что от меня, вы ему и отдадите.

Оксана взяла пакет, взглянула на него без особого интереса.

- Что хоть за друг? - спросила она.

- Может, не друг, а подруга. Я еще не знаю, кто приедет. Главное: он скажет, что от меня.

Оксана вдруг заглянула Гордину прямо в глаза.

- Сережа, вы ведь скоро уезжаете?

- Да, надо кое-куда отъехать, ненадолго, - замялся он.

- Нет, вы насовсем уезжаете. Я вижу.

Гордин не выдержал и опустил глаза.

- Простите, Оксана. Мне надо идти.

* * *

После малолюдного и сонного Маклинска, узловая станция в Кремневке удивляла шумом, толкотней и суетой привокзальной жизни. Наблюдая за перроном из кабины Петькиной «Волги», Гордин в очередной раз мысленно прокручивал и просчитывал свой план - нет ли в нем уязвимых пунктов.

Накануне он отправил Лене сообщение с подробной инструкцией. Отправил практически открыто, потому что знал - следить за ней будут в любом случае.

Всю операцию отрыва от слежки ей раскрывать не обязательно, ее знал только сам Сергей, и она казалась ему вполне надежной.

Только бы не вмешались неучтенные факторы...

Подошла долгожданная московская электричка, на перрон выползла разноцветная толпа. Через две минуты сердце Сергея бешено застучало: он увидел Лену.

- Молодец, девочка,-- прошептал он.

На ней были джинсовая юбка, белая блузка и голубая панاما - именно то, что Гордин велел ей надеть в своей инструкции. Это был один из ключевых моментов плана.

Лена сошла по лестнице, остановилась, глядя по сторонам.

«Направо, направо...» - повторял про себя Гордин, словно надеялся силой мысли напомнить ей нужное направление.

Лена пошла направо и через полсотни шагов остановилась возле женщины, торгующей яблоками.

Этой женщиной была Морошка.

Гордин отчетливо увидел, как Морошка передала Лене пакет с яблоками, приняв за него какие-то условные деньги. Через некоторое время она поднялась и скрылась между рядами.

Все шло по плану.

Лена сунула руку в пакет, нащупала там телефон и беспроводной

наушник.

«Молодец», - повторил про себя Гордин, когда Лена незаметным движением спрятала наушник под волосами.

Он набрал номер.

- Привет, девочка.

- Ты где?

- Не верти головой.

- Сережа, где ты?!

- Я рядом, скоро увидимся. Дойди до универмага и сверни направо, там тихая улочка. Иди по ней, телефон не отключай.

- Зачем?

- Я хочу увидеть тех, кто за тобой следит.

- За мной следят?! Сережа, мне страшно!

- Не бойся.

Лена свернула на указанную улочку, Гордин внимательно наблюдал за ней из машины. Она шла мелкими напряженными шагами, было видно, как ей неудобно.

Наконец Сергей увидел двоих «топтунов». Совершенно непримечательные мужики неторопливо двигались на приличном отдалении от Лены и были заняты, казалось, только болтовней между собой.

- Продолжай идти, - сказал Гордин в телефон. - Метров через триста овощная палатка. Сворачивай прямо за ней налево. Я буду уже там...

Он завел двигатель, и «Волга» тронулась с места, объезжая квартал вокруг.

Лена все сделала в точности. Свернув в переулок, она на минуту ушла из поля зрения оперативников. Тут же в ближайшем заборе приподнялась широкая доска, и оттуда показался Гордин.

- Сюда, быстро!

Втащив Лену и ее сумку в какой-то заброшенный садик, Гордин быстро укрылся куском неприметной строительной стеклоткани. Не в силах сдерживаться, он крепко обнял и расцеловал Лену.

- Даже не верится, что ты со мной, - прошептал он.

- Сережа, нас найдут! - Лена была испугана. - Они не дураки, поймут, что я не в воздухе растворилась!

- Да я тоже вроде не дурак... - спокойно ответил Сергей.

Не обнаружив Лену за поворотом, наблюдатели засуетились, принялись заглядывать через заборы. На стеклоткань, под которой прятались Гордин и Лена, внимания пока не обратили. Один полез за рацией.

- Мы потеряли ее! Закройте район, тут всего две улицы!

Неожиданно раздался треск двигателя. В полусотне метров от оперативников из кустов выскочил мотоцикл. Жека сразу набрал хорошую скорость. За его спиной сидела Морошка, одетая точно так

же, как Лена. Из-под панамы выбивались распущенные волосы - очень похожие на волосы Лены.

- Всем от винта, ёперный театр! - радостно крикнула Морошка.

Оперативник запоздало бросился за мотоциклом, но тут же остановился - догонять бесполезно. Второй схватился за рацию:

- Они ушли на мотоцикле! Да, оба! Перекрывайте дороги в сторону моста и переезда.

Через минуту переулочек опустел.

А еще через пять минут Гордин и Лена благополучно добрались до машины, оставленной на глухом, заросшем пустыре.

* * *

- Потерпи еще немножко, ладно? - Гордин тихонько погладил Лену по холодной руке. - Из города выехать будет легко. На трассе нас не вычислят. Осталось только сесть на самолет. Я люблю тебя.

Лена была какой-то безжизненной. Удачное спасение от слезки, казалось, ее совсем не радует.

- А дальше-то что, Сереженька? - вздохнула она. - Всю жизнь бегать будешь?

- Всю жизнь не придется. Один раз убежать подальше, а потом они просто рукой махнут. Правда, еще одно дельце придется провернуть, но оно уж совсем пустяковое.

- Дельце провернуть... - Лена невесело усмехнулась. - Не думала, что мне придется с тобой делишки проворачивать.

- Ну, не хмурься. Я же обещал, что все устрою. Я тебя хоть раз обманывал?

Гордин обнял Лену, водя губами по ее щеке. Она по-прежнему держалась, как безвольная кукла, - не сопротивляясь, но и не отвечая на поцелуи.

В стекло машины вдруг кто-то тихонько постучал. Гордин вздрогнул, резко обернулся.

Первое, что он увидел, - это направленный на него ствол автомата. Потом заметил черный джип, перекрывший ему выезд с пустыря.

Наконец к стеклу наклонился Чуров.

- Сереженька! - пропел он голосом заботливой мамочки. - Домой!

* * *

Оперативник крепко держал Гордина за шиворот, нажимая в спину стволом автомата. Рядом стоял Чуров и со спокойным видом обрызгивал руки из баллончика-пульверизатора без этикетки. Гордин

знал - в баллончике специальная жидкость-изолятор, которая не позволяла «хиронексам» действовать через обработанную кожу. Значит, все люди Чурова предварительно обработали себя изолятором.

Лена стояла чуть поодаль, среди оперативников. Ее никто не держал. Она молчала, опустив голову и прикрыв лицо руками.

Слышался какой-то размеренный писк, словно поблизости работал электронный прибор. Гордина он тревожил, напоминая звуки медицинских аппаратов в лаборатории Чурова.

Чуров закончил обрызгивать руки и шею. Он внимательно и спокойно осмотрел Гордина, подошел. И вдруг с размаха ударил его в грудь. Гордин согнулся и закашлялся, но тут же упрямо распрямил спину. Он не хотел, чтобы Лена видела его страдающим.

Чуров погладил его по голове.

- Тю-тю-тю... - проговорил он. - Не больно, не больно...

И в следующую секунду снова ударил, теперь тыльной стороной ладони по лицу.

- Гандон ты штопаный, Сережа... - с печалью в голосе произнес полковник.

Из окна машины выглянул Савченко. Он с осторожным любопытством начал было разглядывать Гордина, но встретившись с ним взглядом, почему-то смутился и исчез.

- Отпустите Лену, - выдавил Гордин. - Она ни при чем, это наши дела.

- Отпустим, отпустим... - Чуров повернулся к Лене. - Иди, золотко, нечего тебе наши скучные разговоры слушать...

Лена повернулась и, избегая смотреть на Гордина, двинулась в сторону ближайшей машины.

- Стоп! - полковник хлопнул в ладоши. - Чуть не забыл!

Он подошел к Лене, забрал у нее сумку и вынул оттуда коробочку с болтающимся проводом.

Затем полез в карман, вытащил из него коммуникатор и показал Гордину. Тот увидел, что на экране схема города и еще - мерцающая точка посреди улиц.

У Гордина вытянулось лицо. Чуров, насладившись эффектом, выключил коммуникатор, и писк прекратился. Затем взглянул на Гордина и дурашливо пожал плечами.

- Лена... - Гордину показалось, что у него земля под ногами зашаталась. - Так это ты их привела? Они тебе угрожали? Чего ты испугалась, я же тебе говорил!..

- Хватит! - вдруг закричала Лена. - Хватит мне врать! Ты клялся, что ни в чем не виноват, а оказалось - просто вор!

- Что ты такое говоришь! - Сергей пытался поверить в реальность происходящего. - Кому ты веришь? Я никогда тебе не врал!

- Перестань! Я видела пленку: ты крадешь деньги из сейфа!

- Я их не крал, это мои деньги, я их заработал! - Гордин не выдержал и сам начал кричать.

- И опять ты врешь! Что ты мог заработать? Ты говорил, что на тебе проверяют какие-то дурацкие таблетки!

- Так это и была моя работа!

Чуров театральным жестом зажал уши.

- Ну, все, все! Достаточно! - сказал он. - А то я сейчас сам разревусь. Уведите гневную Кармен со сцены.

Лена села в машину, хлопнув дверь. Гордин ошалело глядел ей вслед. Его всего трясло.

- Ошибочка вышла, да? - Чуров искоса взглянул на Сергея. - Никому нельзя верить. Эх, Серега, никогда ты не умел в людях разбираться... Поехали! - обернулся он к своим подчиненным. - А то наш спектакль и так уже аншлаг собрал.

Он засмеялся своей шутке и кивнул в дальний конец пустыря. Там на ящике сидел маленький немощный дед в толстых круглых очках и внимательно следил за происходящим. Вокруг него разлеглись несколько толстых ленивых котов.

* * *

«Автоколонна» Чурова, состоящая из двух джипов и микроавтобуса, выехала из Кремневки и взяла курс на Маклинск. Точнее - на импровизированный штаб в старом клубе.

Чуров и Савченко расположились в микроавтобусе, рядом с откидным столиком. В чашках плескался горячий крепкий кофе из термоса.

- Я доложил твой план, полковник, - проговорил Савченко. - В целом одобрили, хотя пришлось врать.

- Угу... - отозвался Чуров, равнодушно глядя в окно.

- Что «угу», полковник! - взвился Савченко. - Врать пришлось!

- Что поделаешь, Олег Иванович, что поделаешь... - полковник протяжно вздохнул. - Сами знаете: честно жить - беды не миновать.

- Всё шуточки? - Савченко смахнул рукавом пот с лица. - А что прикажешь докладывать? Про вашу медузу «хренорекс» рассказывать? Нет уж... Сказал, что у вас специальный яд будет на руках. Который рассосется, и никаких концов не найдешь.

- Ну и... - эта короткая фраза прозвучала очень многозначительно, и Савченко прекрасно все понял.

- Вторая часть будет перечислена завтра, - неохотно сообщил он. - А последний транш - после окончательного результата. Окончательного, повторяю. Когда все экспертизы в один голос скажут, что объект скончался своей смертью.

- Вот хочу спросить... - Чуров развернулся к собеседнику с

заинтересованным видом. - Зачем вам такие сложности? Устроили бы ему автокатастрофу, например... Дешево, практично...

- Ты, полковник, головой вообще думаешь? - всплеснул руками Савченко. - Какая вонь поднимется, если хоть каплю его крови по «ящику» покажут? Да если даже на него метеорит свалится, все завопят в один голос, что это мы его с неба скинули!

- А все равно не понимаю, чего вы с ним возитесь. Неужто правда боитесь, что он вас на выборах обскачет?

- Не обскачет, - Савченко прищурился, глядя в невидимую точку. - Но карты так перемешает, что весь наш пасьянс коту под хвост. Кстати, откровенность за откровенность!

- Да, слушаю вас. Савченко коротко вздохнул.

- Все-таки... как вы это делаете?

- Да все равно не поймете... - снисходительно усмехнулся Чуров. - Ладно, слушайте. Читали что-нибудь про биологическое электричество? Если изменить гальванические свойства эпителия и сформировать в тканях протеиновые цепочки с управляемыми ионными связями, то у человека образуется, по сути, альтернативная сигнальная система. Каталитические ферменты позволяют инициировать ионный обмен в любой белковой материи, да хоть в куске буженины...

Савченко оживился, услышав понятное слово.

- Но как это действует?

- «Хиронекс» таким образом буквально видит своей кожей любую белковую структуру насквозь. И может на нее влиять, образуя новые экстраструктурные протеины. Например, вызывать принудительную денатурацию. Вот и весь секрет.

- М-да... наука, - Савченко вытер вновь набежавший пот. - Это, получается, вы там у себя целое открытие сделали?

- Смешная история... -- отмахнулся полковник. - Делали-то портативный мультифильтр для диализа и вдруг заметили, что керамическая решетка странным образом расщепляет ферменты... Ну и пошло, поехало... Кстати, зря вы куда-то звонили, про план рассказывали...

- Не понял, полковник... - Савченко перевел на Чурова изумленный взгляд.

Чуров безмятежно отвернулся к окну.

- План меняется.

* * *

Подвал в поселковом клубе был еще более пыльный, чем остальные помещения. Да еще и завален старым хламом - плакатами, афишами,

обломками декораций.

Для Гордина здесь соорудили импровизированное смотровое кресло - наскоро сбили из простого стула и пары досок. И еще были ремни, чтобы пристегнуть руки и голову.

Старший оперативник Гоша прохаживался напротив. Он брызгал на себя из белого баллончика и поглядывал на Гордина - вроде бы и невозмутимо, но взгляд его не предвещал добра. С Гординым возились двое медиков, снимая показания с имплантата. Чуров хотел узнать состояние устройства до начала операции.

Негромкие переговоры медиков вязли в пыльном подвальном воздухе.

- Инсулин?
- Двенадцать от расчета.
- Сахар?
- Норма.
- Денатурация?
- Два и пять, убывающая.
- Пэ-Аш?
- Статично...

Гоше наконец надоело ждать, пока «ботаники» закончат свою возню. Он подошел к Сергею, по-хозяйски оглядел его.

- Чего делать-то с тобой? Шеф сказал, сильно не калечить, но я что-то сомневаюсь...

- Вот у шефа и спрашивай... - Гордин отвернулся.

Гоша хмыкнул. Потом молча размахнулся и ударил Гордина по лицу. Медики отскочили.

- Так что шефу говорить? Два варианта у тебя. Либо я сейчас сообщаю, что ты отдаешь бумаги. Либо то же самое, но через полчаса. Тебе как удобнее?

- Пытать будешь? - Гордин попытался рассмеяться. - Так сам знаешь, что это бесполезно.

- Сейчас увидим, что полезно, - проговорил Гоша. Однако было ясно: он решительно не понимает, как разговаривать с взбунтовавшимся «хиронексом».

* * *

Во дворе Васильевны тем временем шел самый настоящий обыск.

Трое плечистых молодых людей в строгих костюмах, предъявив какие-то пугающие удостоверения, осматривали двор, отрывали доски в жилом сарайчике, заглядывали под бочки и ящики на огороде.

Васильевна была не на шутку перепугана.

- Документы, мать, документы! Видела? Папка картонная.
- Не видала, ребятки. Вот ей-богу, не знаю, - крестилась Васильевна. -

Какие еще документы, он вон комнату снял, только ночевать приходил. То на работе, то ходит где-то.

- На какой работе?

Выслушав ответ, оперативник молча кивнул и набрал номер Чурова.

Звонок застал того за изучением карты региона.

- Ну? - ответил он в телефон. - Вообще ничего? Ну, он не дурак. Может, еще что? Телефоны, записи какие-нибудь? Так, а что узнали? Ну ясно, все сходится. Нет, больницу пока не трогайте, у меня на нее свои виды. И вот что: кончайте погром, сворачивайтесь и быстренько на базу. Есть дело.

Сидящий неподалеку Савченко поднял глаза. Он только что закончил обедать покупной курицей «гриль» и теперь запивал жирную еду минералкой прямо из бутылки.

- Какие новости, полковник?

- Ну, Олег Иванович, - Чуров поднял ладони к потолку. - Бог на нашей стороне. Хоть мы в него и не верим.

- Я на Бога не надеюсь, - Савченко бросил пустую бутылку в угол. - А ты обещал рассказать новый план, полковник. Только давай без этих твоих прибауток и без тумана. Все начистоту.

- Какие прибаутки, о чем вы! - делано удивился Чуров. - Я серьезен, как никогда. Так вот, Олег Иванович, мы все ломали голову, как нам подсунуть своего человечка к вашему объекту. А человечек взял - да и сам подсунулся. Нам осталась самая малость.

Чуров подошел к карте.

- Смотрите: по плану мероприятий объект проводит встречу с благодарным народом послезавтра вот тут, в Кирове. Маклинск - самое людное место в радиусе ста двадцати километров. Ну, Кремневку не считаем: там просто базар-вокзал. Ваша задача - запретить объекту публичные акции в Кирове. И разрешить их здесь. В режиме максимального благоприятствования.

- Как это запретить-разрешить? - от удивления Савченко часто-часто заморгал.

- Думайте. Взаимодействуйте с местными властями. Используйте возможности, ресурсы...

- Да зачем это все?! - всплеснул руками Савченко.

- Объясняю, - полковник устало вздохнул и присел на край сцены. - Для того чтобы «хиронекс» глобально повлиял на организм жертвы, ему нужно полторы-две минуты прямого контакта. Рукопожатие в толпе столько не длится. Зато здесь - совсем другое дело. Здесь мы спокойно сможем держать объект за руку, сколько потребуется.

- Ничего не понимаю!

- Поймете. Чуть позже. Вы, главное, определитесь: согласны помогать?

Савченко сокрушенно покачал головой.

- Ох, полковник, сколько от тебя геморроя. Мне надо позвонить.
- А я разве против? - Чуров широко улыбнулся. - Звоните, дорогой Олег Иванович, звоните!

* * *

Через минуту Чуров уже спускался в подвал к Гордину. Он бесцеремонно оттолкнул Гошу, который собирался в очередной раз съездить Сергею по лицу.

- Эй, хватит! Размахался. Попортишь мне экземпляр - из зарплаты вычту.

Он забрал у Гоши баллончик, побрызгал на руки, одновременно спрашивая у медиков:

- Ну, что у нас?

- Функционирует, - последовал ответ. - Правда, износ керамики больше половины.

- Ого! - хохотнул полковник. - Чем ты здесь занимался, Сережа? Выделял ферменты для городской аптеки?

Подойдя к Гордину, Чуров по-простому оборвал с него датчики и трубки капельницы. Затем внимательно и со всех сторон рассмотрел Гордина, хватая его за лицо и едва ли не заглядывая в зубы.

- Ушли, все, - скомандовал он своим людям.

- Он про документы так и не сказал, - возразил Гоша.

- Само собой. Тебе, дураку, и не скажет.

Гоша пожал плечами и пошел к лестнице. За ним, снимая перчатки, двинулись оба медика.

- Плохо, Сережа, да? - участливо проговорил полковник. - И планы сорвались, и девушка бросила, а вдобавок на ворованных деньгах попался. И что ж тебе так не везет?

- Вам поговорить не с кем? - равнодушно ответил Гордин. - Без вашего сочувствия было лучше.

- Не-а, - Чуров помахал перед лицом Сергея пальцем. - Хуже. Ну, увезем мы тебя обратно в лабораторию, ну, порежем на бифштексы - тебе с этого какая радость? Попробуй мыслить конструктивно! Я ведь знаю, что тебе от жизни надо.

- Неужели?

- Да боже мой, я знаю людей! Всем вам нужны свобода и деньги. Вернее, не так. Деньги и свобода. И все вы считаете, что вам этого хватит. Остальное приложится. Разве я не прав?

- Мне сейчас психоанализом не очень хочется заниматься.

- А и не надо! - Чуров доверительно положил руку Сергею на плечо. - Давай к делу. Отбей вложенные в тебя деньги - вот все, что требуется. Работы-то всего на полдня. И сразу свободен. Более того, долг мы

тебе простим, да еще и сверху отвалим. В обиде не останешься.

- Это треп, - усмехнулся Гордин. - Где гарантии?

- Э-э, дружок, вопрос поставлен неправильно, - Чуров сделал огорченное лицо. - Гарантии нужны как раз мне. Ведь папочка с бумагами так и не нашлась. Не скрою, мне без нее тревожно. Она и есть твоя гарантия. Так что думай. Думай!

Он хлопнул Гордина по коленке и всем своим видом показал, что собирается уходить.

- Стойте, - хмуро проговорил Гордин. - О каком деле речь?

- А вот это правильный вопрос!

* * *

- Возвращайся в свою хижину, выходи на работу - живи, как раньше, - провожая Сергея к выходу, Чуров похлопал его по спине, словно старого приятеля. - Деньги твои и паспорт пока у меня, для надежности. Я буду рядом. А подробности узнаешь очень скоро. И все-таки что насчет моих бумаг?

- Бумаги я вам продам, - ответил Гордин, спокойно глядя полковнику в лицо. - Вернее, обменяю на обещанные деньги. Будете переводить на мой счет оговоренные суммы. На каждый перевод я буду посылать вам через службу доставки несколько страничек. И так, пока не разойдемся полностью.

- Хм... - поморщился Чуров. - Рискованный вариант.

- Другого нет... А теперь давайте о деле.

Чуров ненадолго задумался. Наконец решился приоткрыть завесу.

- Да ты и сам все понимаешь, - тихо сказал он. - Человечку одному руку пожать. И в глаза заглянуть. Вернее, в самое нутро. И... кое-что там поправить.

- Какому человечку?

- Непростому. Очень непростому. Ты ступай. Остальное узнаешь в нужное время.

Дождавшись, пока за Гординым закроется дверь, из-за кулис осторожно выглянул Савченко.

- Ты что, так легко его отпустил, полковник? - поинтересовался он.

- Не легко, - многозначительно покачал головой Чуров.

Достав из кармана коммуникатор, он активировал GPS-трекер. На экране проступила карта района, затем появилась мерцающая точка.

- Ерунда вся ваша техника, - фыркнул Савченко. - Ну, снимет он этот жучок...

- Не снимет. Разработано в США, используется ФБР и Министерством юстиции - как раз для присмотра за такими приткими. Проще ногу отпилить.

- Слушай-ка... - прищурился Савченко. - А нельзя через эту штуку слушать, что он говорит?

- Увы, экземпляр серийный, - огорченно вздохнул полковник. - Микрофоны не предусмотрены. У них в Америке гражданские права, частная жизнь, туда-сюда... Да и что интересного вы надеетесь там услышать? Все, что надо, мы уже знаем.

* * *

К калитке Васильевны Гордина подвез черный джип. Перепуганная хозяйка первым делом увидела Гошу - благодушного и улыбающегося во все щеки.

- Приносим извинения! - быстро заговорил он. - Возвращаем вашего постояльца в целости и сохранности. Досадная ошибка устранена, все ложные обвинения сняты.

Гордин прошел во двор, мельком взглянув в глаза Васильевне. Та смотрела на него, приложив руки к груди. Гордин одернул штанину, чтобы радиобраслет не торчал наружу.

- Это что ж такое? - растерянно проговорила Васильевна. - «Простите, извините...» Устроили мне тут разгром, грядки потоптали, полы, стенки сломали. Это разве по закону?

- Да я все починю, - хмуро отозвался Гордин. - Есть у вас молоток? И гвозди?

- Да бог с ним, с молотком, - махнула рукой Васильевна. - Вот так живешь - и тут тебе...

- Извините, я не виноват... - еще больше нахмурился Гордин. - Я уеду скоро, простите, что так потревожил...

И он ушел к себе в сарайчик. А Васильевна еще долго огорченно качала головой.

* * *

Следующее утро выдалось не по-летнему пасмурным. Ветер гнал по улице мусор и ронял на голову прохожих мелкие ветки с деревьев. Иногда брызгало холодной водяной пылью, но серьезного дождя не намечалось.

Настроение Гордина, когда он шел в больницу, было ничем не лучше погоды. Сегодня он стал микробом на предметном стекле и уже не принадлежал себе. Это чертовски угнетало.

Он не знал, что за ним движется неприметная машина с двумя оперативниками. Но догадаться было несложно.

Возле клуба клеили новую афишу. Рабочий, едва справляясь с

порывами ветра, прикреплял большой лист с портретом народного кандидата Шлыкова и текстом приглашения на встречу с ним.

На душе Сергея вдруг стало темно и тяжело, как в самой глубокой яме мира. Он уже знал, что означает для него это событие. И свою роль в нем тоже знал. Хотя Чуров предпочел пока не называть ему имя «объекта».

За спиной вдруг прозвучал радостный голос Оксаны.

- Сережа! Так вы не уехали?

Оксана подбежала к Гордину и взяла его за руки. Тот невольно посмотрел по сторонам - с тревогой и подозрением.

- Вас вчера целый день не было, - Оксана улыбалась. - Я думала: все, больше вас не увижу.

- Оксана... - Гордин вздохнул, не зная, как найти слова. - Не подходите ко мне. Поймите правильно: вам лучше не разговаривать со мной. Я вас прошу, оставьте меня как можно скорее.

- Что случилось? Я вас чем-то обидела? - улыбка разом померкла.

- Ничем. Просто так нужно. Поверьте мне и ничего не спрашивайте.

- Но я... я не понимаю!

Гордин убрал руку, повернулся и торопливо пошел прочь. В неприметной машине оперативников заработал затвор фотокамеры.

- Хорош щелкать. Фиксируй контакт, - сказал один из наблюдателей.

- Что писать?

- Девушка. 18-20 лет. Русые волосы. Рост - метр семьдесят.

- Маловато данных. Шеф не одобрит, - покачал головой второй.

- Так сходи за ней и проверь!

* * *

На пороге больницы Гордин столкнулся с Елизаветой.

- Ой, Сережка! - всплеснула она руками. - А тебя все ищут?

- Как обычно.

- К начальнику иди, - Елизавета почему-то перешла на шепот. - Он тебя спрашивал.

- Хорошо, иду...

- Эй, стой! У него вроде как начальство из области сидит.

В кабинете, кроме хозяина, было еще двое. Одного из них - Савченко - Сергей уже видел в компании Чурова. Вторым был незнакомый: немолодой, грузный, с болезненной, землистой кожей. На шее - большой дорогой фотоаппарат.

Савченко то и дело вытирал платком пот, глядя вокруг исподлобья. Ему явно что-то не нравилось. Фотограф же, наоборот, был вальяжен, многословен. Хотя и несколько косноязычен.

Гордин подумал, что он вовсе не похож на фотографа, а камеру

прицепил для вида.

- Вот-вот, то, что нам надо! - фотограф приподнялся навстречу Гордину, протягивая руку. - Молодой, симпатичный, хороший работник... Да мы вам такой репортаж заделаем - на всю страну прославим!

- Ну, вообще-то у нас и другие есть... заслуженные... - робко заметил главврач.

- Нет-нет, что вы! - затряс руками фотограф. - Молодость! Порыв! Им жить в этой стране! Вот где смысл!

Гордин, ответив на рукопожатие, протянул руку и Савченко, сидящему рядом. Но тот вдруг испуганно дернулся. Наконец, справившись с собой, быстро схватил Сергея за пальцы и тут же отпустил.

Главврач при словах о репортаже смущенно усмехнулся. Ему было приятно внимание гостей из большого города.

- Садись, Сережа, - сказал он. - Вот, товарищи из областной газеты тобой интересуются.

Гордин присел на край стула, не собираясь задерживаться.

- Вы, думаю, уже знаете, Сергей, что завтра у вас в городе событие. Приезжает Шлыков, - фотограф многозначительно поднял палец к потолку.

- Тот самый! - воодушевленно добавил главврач и повернул к Гордину настольный агитационный календарик с известным на всю страну портретом.

- Есть идея, - продолжал фотограф. - Сделать от имени города подарок. Картину с березками или не знаю что... Тем более он ведь из этих мест.

- Точно! - с удовольствием заметил главврач. - Наш человек! В этой больнице родился. Здесь в школу ходил.

- А подарите ее вы, врачи! Люди, живущие, как бы сказать, на острие социальных и экономических проблем. Вы, Сергей, как представитель данного славного племени и выйдете к Шлыкову.

Главврач усмехнулся.

- Он у нас аполитичный... Слышь, Серега? Скажешь там что-нибудь от нас, от души?

Гордин поднял глаза на фотографа, через силу улыбнулся.

- Конечно. Сделаю все, что смогу. Можно, я пойду? Посетители ждут...

Когда Гордин ушел, Савченко наклонился к главврачу и проговорил вполголоса.

- Ну, а вы утрясите вопрос с местными властями. А через них - со штабом Шлыкова...

- А что? Могут не разрешить? - огорчился главврач.

Савченко небрежно махнул рукой.

- Да разрешат... Формальность. Ну, не нам же договариваться? От народа должно все идти...

Главврач стал серьезным, на секунду задумался. Затем проговорил с чувством:

- Вот это верно! Только от народа!

Гордина уже ждала небольшая очередь. Люди оживились, принялись здороваться. Все смотрели на Гордина с надеждой, с уважением, и тот вдруг понял, что ему стало немного теплее в этот паршивый день.

Сергей открыл дверь.

- Ну, с кого начнем?

* * *

Нервы весь день были на взводе, и Гордин попробовал сегодня уснуть пораньше, но так и не смог. В темноте он лежал с открытыми глазами и слушал стрекот насекомых в саду.

Когда на улице раздались шаги и кто-то дернул дверь, он подскочил, едва не сбив головой полку.

- Сережа, это я! - раздался из-за двери знакомый голос. - Откройте...

- Оксана? Ты откуда здесь взялась?

Гордин высунулся и настороженно огляделся. Затем впустил девушку.

- Зачем ты пришла?!

- Ты мне совсем не рад? - Оксана легко и охотно перешла на «ты».

- Ты не понимаешь! - зашептал Сергей. - Тебе не нужно встречаться со мной, это очень опасно. И не спрашивай ничего.

- Я не буду ничего спрашивать, - просто ответила она. - Я все знаю. Я читала бумаги, которые ты принес...

- Где бумаги?! - похолодел Гордин.

- Не волнуйся, Сережа. Они у меня. Я их только спрятала получше.

Гордин схватился за голову.

- Ой, дура... Ну зачем?! Жила ты спокойно - и жила бы так дальше. Тебе нельзя в это лезть.

- Ну, уже залезла, что ж теперь... - она простодушно вздохнула. - Я только одно спросить хотела. Что с тобой сделали? Что с тобой будет? Скажи - и я уйду. Больше ничего не нужно.

Гордин протяжно вздохнул.

- Я скоро уеду, насовсем. Наверное, завтра. Ты не должна...

- Что с тобой сделали?! - требовательно переспросила Оксана.

- Хорошо, я скажу... Но только для того, чтобы ты поняла - это не игрушки. Это правда опасно.

- Я не дура. Говори.

Гордин присел на топчан, собираясь с мыслями.

- Я учился в институте. И решил заработать на испытании новых лекарств. Нас часто зовут, в этом ничего особенного нет. Просто съедаешь, например, порошок, а потом сдаешь анализы, кровь... Но

там все было по-другому. Порошками, таблетками не обошлось. Платили все больше, поэтому мы не уходили. И подписку дали. А потом и вовсе в лаборатории поселились. Ждали, когда опыты закончатся и мы получим хорошие деньги... Но ребята начали умирать. Я сбежал.

- Но что они с тобой сделали? Ты болен?

- Я... - Гордин поднял на Оксану глаза и виновато улыбнулся. - Ты ведь все равно не поверишь.

- Тебе поверю.

- Я могу «видеть» пальцами. На ощупь, насквозь. И не только видеть. Могу убивать. Или, как выяснилось, лечить...

- Ужас...

- Думаешь, я просто так сумел помочь твоей матери?

- Я догадывалась, что не просто так. И теперь тебя ищут?

- Уже нашли, - горько усмехнулся Сергей. - И прихлопнули как муху. Поэтому тебе и нельзя со мной...

- Я не боюсь! - она присела рядом. - С тобой не страшно, потому что ты очень хороший.

- Нет, Оксана, я не хороший. Они поселили во мне зло. И оно очень скоро проснется.

- Нет! Не верю. Ты не можешь сделать ничего плохого. Бедный, тебе было больно, плохо, я знаю, я видела.

Оксана вдруг приблизилась к Гордину и порывисто обняла его. Тот слегка напрягся, но не оттолкнул.

- Не нужно меня жалеть. Ты ничего про меня не знаешь.

- Я знаю все, что мне нужно, - она тихо шептала, касаясь уха теплым дыханием. - Таких, как ты, - один на миллион. Хочешь сделать счастливым одного человека?

- Тебя? Я не смогу.

- Сможешь. Просто не прогоняй меня...

* * *

Гордин проспал до полудня, потом час сидел в саду и пил кофе, одну чашку за другой.

Все эмоции от предстоящего дела выгорели еще вчера. Сейчас в душе была какая-то вялая, безвоздушная пустота.

Наконец он собрался и отправился в условленное место.

«Автоколонна» Чурова расположилась на просеке в лесном массиве, вплотную подступающем к Маклинску. Здесь, на полпути между старым клубом и центром города, было удобнее всего подобрать Гордина.

Сам Чуров стоял возле микроавтобуса и, глядясь в тонированное стекло, примерял рыбацкий жилет и панаму.

- А, Сергей, привет! Вот, видишь, маскируюсь под местные фольклорные особенности. Как считаешь, похож теперь я на угнетенное крестьянство?

Гордин не ответил, отведя взгляд в сторону леса. Хотя похож был Чуров больше на неумелого клоуна, чем на местного жителя.

- Обожди секунду, сейчас поговорим...

Чуров ушел в салон микроавтобуса.

- Пришел твой «хренорекс»? - спросил Савченко.

- Собственно, он никуда и не уходил. Э, корреспондент, кончай коньяк глушить! Нам еще работать.

Последние слова относились к фотографу, который расслабленно прихлебывал из фляжки.

Чуров брызнул на себя из баллончика - на этот раз не только на руки, но и на шею, на лицо.

- Что ты там на себя льешь? - заинтересовался Савченко. - От комаров, что ли?

- Просто специальный полимерный состав. - Чуров передал ему баллончик. - «Хиронекс» работает через биологическое электричество, а эта штука не даст ему ничего со мной сделать. Я бы и вам советовал, на всякий случай.

- Так ты своего бойца, выходит, боишься, полковник? - прищурился Савченко.

- Что значит «боишься»? - Чуров усмехнулся. - Олег Иванович, вы, когда «болгаркой» работаете, защитные очки надеваете?

Чуров выглянул из машины и призывно помахал Гордину.

- Ну, чего застыл? Милости просим!

Два джипа и микроавтобус двинулись по пустой проселочной дороге. Гордин безразлично смотрел в окно, не обращая внимания на присутствующих.

- Докладываю тебе программу нашего шоу, Сереженька, - подал голос Чуров. - Через три часа в городской клуб прибывает некая важная персона с выступлением и докладом. Ты там играешь свое соло. Выходишь на сцену как представитель благодарного народа. Обязательно будет обмен рукопожатиями. И ты подрихтуешь ему здоровье. Я предлагаю мозговой тромб. Впрочем, смотри по обстоятельствам. Главное, чтобы он прямо там, на сцене не свалился.

- Мне понадобится минуты полторы, и это минимум, - равнодушно ответил Гордин. - И все это время мне цепляться ему за руку?

- Правильный вопрос! - обрадовался полковник. - Вот для этого здесь и сидит наш добрый друг - Агдам Портвейныч...

Он небрежно указал на фотографа. Тот приветственно поднял фляжку.

- В момент рукопожатия - его выход, - пояснил Чуров. - Он будет просить вас держаться за руки подольше, чтобы сделать больше

хороших кадров. У тебя хватит времени.

Фотограф, словно спохватившись, повесил на шею бейдж со словом «Пресса». Чуров вынул из папки календарик с портретом Шлыкова, сунул его Сергею.

- Вот тебе портрет клиента. Чтоб не перепутал. Знаешь его? Надеюсь, тебе гражданская позиция не мешает сделать дело?

Гордин лишь мельком взглянул на фото.

- Мне все равно, кто он.

- Вот это профессионально! Хвалю.

Чуров запихнул календарь обратно в папку. Из нее вдруг вывалилась стопка каких-то бумаг, в том числе фотографии Оксаны. Заметив их, Гордин едва не подскочил на месте.

- А это что? - воскликнул он. - Зачем?!

Чуров поспешно вернул фотографии в папку.

- Не нервничай, Сергей. Работа есть работа.

- Что ж вы делаете? Зачем людей трогаете? Оставьте ее в покое, она ни при чем!

- Не твоя забота, кого нам трогать.

Гордин не мог успокоиться.

- Не трогайте людей, говорю! Жили они без вас - пусть дальше живут!

- А что это ты так возбудился-то, дружок? - Чуров холодно усмехнулся.

- Уже успел интрижку завести? Ай-ай-ай... Наврал девочке Лене, что любишь ее, а сам тут в распутстве погряз. Как же после этого тебе руку подать, а?

- Руку?!

У Гордина перед глазами все поплыло. Он сорвался с сиденья и схватил Чурова за одежду.

Савченко, видя это, вжался в кресло и завизжал:

- Остановите машину! Охрана!

В эту секунду в борьбу вдруг вмешался фотограф. Он мгновенно вышел из расслабленного состояния и с неожиданной ловкостью скрутил Сергею обе руки. Затем ударил его в живот и швырнул обратно на сиденье. Сильными пальцами сгреб воротник Гордина, чтобы сразу надавить на горло.

Чуров огорченно посмотрел на свою разорванную жилетку.

- Строптивый ты стал, Сережа, - с грустью сказал он. - Это плохо. Это мы будем лечить.

Он достал из кармана коммуникатор и принялся возиться с какими-то настройками, не переставая говорить.

- Ты из школьного курса должен помнить, что такое повышающий трансформатор. Он может быть совсем крошечным, однако превращает пять вольт в пятьдесят тысяч. Гляди, делаю - раз!

Чуров ткнул пальцем в экран...

Гордин ощутил, что его подбросило и скрутило пополам. Ногу свела

сильнейшая судорога, казалось, сейчас выскочат суставы.

Он свалился на пол, потеряв всякий контроль над своим телом.

- А ты как думал, Сереженька? - строго сказал полковник. - Шутки кончились, нас ждут серьезные дела. Я должен быть в тебе уверен.

- Суки... суки... - хрипел Гордин.

- Вижу, урок не впрок, - нахмурился Чуров. - Повторяем процедуру...

Чуров снова включил разрядник. Гордин вскрикнул и затих, скорчившись на полу. Его била крупная дрожь.

Савченко осторожно отодвинул свои ноги от лежащего перед ним Сергея.

- Ничего, ничего, - успокоил его Чуров. - Это не смертельно, я совсем чуть-чуть его взбодрил.

- Хм... - Савченко покачал головой. - Значит, говоришь, микрофоны в Америке нельзя. А вот это - можно?

Чуров безмятежно улыбнулся.

- А я разве нарушил его право на частную жизнь?

* * *

Возле районного клуба было необычно оживленно. У входа толкался народ, фильтруемый бригадой охранников с металлоискателями. То и дело подъезжали автобусы, подвозившие новых слушателей из других районов и поселков.

Здесь же маршировал с деревянным ружьем Данька, пугая приезжих строгим взглядом и возгласами: «Запрещено! Документы!».

Кортеж Чурова остановился за углом, на тихой улочке.

- Просачиваемся, - скомандовал полковник по рации.

Из машин начали выбираться оперативники. Все они сегодня переоделись попроще, чтобы не выделяться, и все равно выделялись - своими глухими, темными очками, осторожными «деревянными» телодвижениями, неосознанной привычкой придерживать тяжелые пистолеты на ремнях.

- Их же не пустят с оружием, - пробормотал Савченко.

- Обижаете, Олег Иванович, - покачал головой Чуров. - Оружие давно внутри...

- Не вздумайте устроить там мясорубку.

Чуров по-простому, почти дружески хлопнул Сергея по плечу.

- Готов? Еще часок потерпишь - и станешь свободным обеспеченным человеком. Разве не здорово?

«Вошли. Все на местах», - прошипела рация.

- Вот и наша очередь, - Чуров бодро хлопнул в ладоши. - Двигаем помаленьку.

* * *

Небольшой зал оказался полон зрителей, люди стояли в проходе. В воздухе висел сдержанный гул голосов, на сцене уже шло выступление. Там стоял двухметровый портрет Шлыкова, рядом сидели за столиком сам герой дня и его помощник или советник.

Там же, на сцене, стояли двое охранников Шлыкова, внимательно глядя в зал. Вообще, охраны было много.

Гордин вдруг понял, что рядом нет его сопровождающих. Он начал протискиваться в проходе, соображая, как же ему быть и что делать. В зал натащили дополнительных стульев и скамеек, и тот стал еще более тесным и неудобным.

То и дело к нему оборачивались знакомые лица, кто-то улыбался, кто-то хлопал по плечу. И вдруг Сергея потянули за рукав.

- И вы здесь! - воскликнула Валентина, хозяйка местной почты. - Садитесь, я подвинусь.

Гордин присел рядом, озираясь. Увидел в толпе двух людей Чурова.

- Моя мама с ним в одной школе училась! - сообщила Валентина, показывая на Шлыкова.

Гордин лишь кивнул и слабо улыбнулся в ответ.

- Как ваш фейсбук?

- Ой, здорово! - обрадовалась Валентина. - Половину одноклассников нашла! И девчонок из техникума.

Гордин задумался. Мысль, которая появилась у него еще днем, вдруг проступила ясно и внятно.

- У меня к вам просьба, - сказал он Валентине. - Только не удивляйтесь. Идите в библиотеку и заберите у Оксаны документы. Скажите - от меня, она отдаст.

- Какие документы? - изумилась та. - Сейчас? Но я собиралась...

Валентина кивнула в сторону сцены, давая понять, что хочет послушать выступление.

- Пожалуйста, это очень срочно, - Гордин умоляюще посмотрел ей в глаза. - Отсканируйте хотя бы несколько листов - и опубликуйте у себя на сайте. Больше ничего не нужно. Документы спрячьте в сейф. Пожалуйста, сделайте все, как я сказал.

- Вы меня интригуете, - Валентина прищурилась.

- Я вам все объясню. Но потом. Времени мало. Пожалуйста.

В проходе образовался встревоженный главврач, одетый в непривычную клетчатую «тройку».

- Вот ты где?! - воскликнул он, заметив Гордина. - Я уже обыскался. Пошли скорее.

Главврач потащил Сергея к сцене. Тот обернулся и крикнул вслед двинувшейся на выход Валентине:

- И скажите Оксане, чтобы уходила! Куда угодно, подальше!
Заведующая растерянно пожала плечами, но кивнула, соглашаясь.

* * *

Главврач отвел Сергея, очевидно, к старшему телохранителю Шлыкова. По крайней мере, выглядел этот человек именно так, как часто представляют себе телохранителей - массивный, спокойный, с внимательными глазами.

- Этот будет вручать? - поинтересовался он.

- Наш лучший сотрудник... э-э... молодой, - закивал главврач. - Вот и подарок наш...

И он протянул Гордину картину.

Телохранитель завел Гордина за ширму, установленную прямо у сцены, и там проверил с ног до головы металлоискателем.

- А это еще что? - насторожился он, наткнувшись на радиобраслет под штаниной.

- Это... это шагомер. Я бегом занимаюсь.

Телохранитель лишь пожал плечами. На бомбу эта штукovina точно не была похожа.

- Сиди здесь, - сказал он, показывая Гордину место в первом ряду. - Отсюда ни шагу, пока не позовут.

- Передай ему от нас... - крикнул Сергею главврач, которого уже оттеснила публика, - что мы, мол, всей душой... Ну, сам знаешь!

Гордин огляделся. Из центра зала на него многозначительно смотрел Чуров. Он предостерегающе качал пальцем и демонстрировал свой коммуникатор, с которого включается разрядник.

Тем временем Шлыков завершал свою речь. Его советник уже перелистывал папку с программой встречи.

- И вот теперь я с удовольствием приглашаю на сцену жителей этого гостеприимного города, - раздался над рядами голос советника. - Поприветствовать нашего гостя хотят работники районной больницы - той самой, где родился Вячеслав Шлыков.

В зале захлопали в ладоши. Телохранитель энергичным жестом указал Гордину на сцену.

Тот взял поудобнее громоздкую картину и поднялся на сцену. Краем глаза он заметил, что у ее края уже занял позицию фотограф.

Шлыков, улыбаясь, поднялся навстречу Гордину. Сергей глянул в зал - великое множество лиц сливалось в неразборчивую массу. Но вот в этой массе проступила чья-то знакомая улыбка, потом еще одна, потом доброжелательный взгляд...

«Зря радуетесь, дурачки, - мелькнуло в голове. - Знали бы вы, зачем я здесь...»

Потом он увидел Чурова. Тот все так же демонстративно помахивал своим коммуникатором.

Пауза слишком затянулась. Телохранитель поглядывал на сцену с заметным беспокойством. Гордин протянул руку и ощутил пальцы Шлыкова. Оставалось немного - прикрыть глаза, сосредоточиться...

И вдруг он понял, что не может. Понял окончательно.

Рука опустилась...

- Э-э... возьмитесь за руки! - забеспокоился фотограф. - Я не успел снять!

Гордин продолжал смотреть в зал. Он видел лица жителей городка. Они улыбались, хлопали в ладоши, приветственно махали, что-то восклицали...

- Друзья, послушайте... - сказал вдруг Гордин.

И тут снова увидел Чурова. Тот укоризненно качал головой. И продолжал демонстрировать свой приборчик, словно это был некий пульт управления жизнью в этом небольшом, наполненном шумом голосов мире.

- У этого человека - бомба! - закричал Сергей и указал прямо на Чурова.

Тишина наступила сразу, хотя улыбки еще висели на лицах. От Чурова шарахнулись люди - со своим приборчиком он и впрямь походил на террориста.

Затем, словно лавина, по рядам хлынула паника.

Зрители рвались к выходу, а навстречу им прорывались к Чурову редкие милиционеры. Одному это удалось быстро, и он даже выбил коммуникатор из руки полковника. Подоспели и остальные, раздались крики:

- На пол! Руки в стороны!

Впрочем, через несколько секунд Чурова отсекли от милиции его оперативники. У них были пистолеты, и они тут же оказались направлены на милиционеров. Те растерялись, не ожидая столь крутого поворота событий. Да и оружия у них не было - на этом настояла охрана почетного гостя.

Гордин увидел, что охранники поспешно уводят со сцены Шлыкова. Остаться здесь больше было нельзя, и Сергей бросился за кулисы, к выходу в служебные помещения.

- Да хватит вам тут толочься! - крикнул Чуров своим людям. - Догоняйте говнюка! Я сам справлюсь!

Двое тут же бросились за Гординым на сцену.

Сергей выскочил в какой-то полутемный коридор, заваленный коробками и покореженными листами фанеры. За спиной на лестнице загрохотали шаги.

- Стоять! Буду стрелять!

Что-то загремело - преследователи зацепили старый хлам и

запутались в нем. Гордин тем временем свернул за угол коридора и увидел служебный выход из клуба.

Едва перескочив порог, он вдруг буквально налетел на Даньку, едва не сбив его с ног.

- Дядька, ты чего! - обиженно проговорил тот, поднимая оброненное ружье.

- Уйди, Данька, гонятся за мной.

Гордин обогнул Даньку и бросился дальше, к выходу из внутреннего двора. За спиной услышал какой-то невнятный шум и возню, но не обернулся.

Обоих бегущих оперативников встретил Данька, перегородив ружьем дверь и оперевшись изо всех сил.

- Нельзя! Запрещено! Документы! Проход закрыт! - бубнил он.

- Вали отсюда, придурок! - выпалил оперативник, тщетно пытаясь сдвинуть Даньку с места.

- Слышь, debil, я тебе сейчас башку проломлю! - заорал второй. Но Данька стоял как скала.

Оперативник вдруг выхватил нож и наискосок резанул Даньке по лицу. Хлынула кровь, заливая глаза. Данька уронил ружье, схватился за лицо и упал на колени.

- Запрещено... Запрещено! Нельзя! Нельзя! - повторял он сквозь обиженный плач.

Гордин всего этого не видел. Выскочив из ворот клубного двора, он понял, что заблудился, но не мог взять в толк, куда теперь бежать.

И тут с другой стороны улицы ему подмигнула фарами старая «Волга».

- Давай сюда! - крикнул из кабины Петька Захаров. - Скорее!

* * *

Чуров быстро шагал к машине, а за ним едва поспевали оставшиеся оперативники. Навстречу уже торопился вспотевший от возмущения Савченко.

- Эй, полковник, что опять за говно? - закричал он. - Почему срыв? Ты взял деньги, ты давал гарантии. Я обязан доложить...

Чуров незаметно протянул руку за спину, и Гоша так же незаметно положил в нее простой раскладной нож. Без промедления Чуров обхватил Савченко за шею и хирургически точным движением всадил тому лезвие под ребра. Насадил глубже, провернул.

Савченко задергался, попытался кричать, но изо рта вылетали только кровавые брызги.

Чуров тут же нанес новый удар, протыкая второе легкое. Наконец выдернул нож и оттолкнул обмякшего Савченко. Тот свалился, как

тряпичная кукла.

Полковник тщательно вытер нож платком и положил на тело.

- Побеспокойтесь, чтобы убийца этого достойнейшего человека был найден и наказан по всей строгости закона, - сказал он. - Найдите его сегодня же.

- Где «найдите»?! - развел руками Гоша.

- Твои проблемы. Мало тут придурков, что ли? Двое ищут, остальные со мной. Ловим этого гаденыша...

Подойдя к машине, Чуров оторвал от приборного щитка запасной терминал трекера, включил его.

- Есть сигнал, - сообщил он. - По машинам!

* * *

Захаров, приглушенно матерясь, раз за разом запускал стартер, но машина не заводилась.

- Оживай! Ну, давай, чертова железяка!

Гордин вдруг увидел, что из ворот выскочили оба оперативника - и тут же рванулись к «Волге». Один что-то кричал в рацию.

Сергей уже решил выпрыгнуть из машины и броситься наутек, но вдруг из-под капота вырвалось мощное облако горячего пара. Оперативники с воплями отскочили, держась за обожженные части тела.

- Твою мать, опять радиатор порвало! - горестно воскликнул Петька.

Но тут же, как по волшебству, затарахтел двигатель. Машина довольно бодро сорвалась с места, оставив кричащих преследователей в облаке выхлопа.

- Ладно, пару километров протянем... - пробормотал Захаров.

- А больше и не надо! Давай в библиотеку, быстро!

- Куда-а-а?! - изумился Петька.

Гордин вдруг понял, что кое-что упустил из вида:

- Нет, стой! Нельзя туда.

- Так ты определись!

- На мне чертов датчик, - буквально простонал Сергей.

- Что? Какой датчик?

Гордин задрал штанину, показывая радиобраслет.

- Они видят, где я нахожусь.

- Ха! - фыркнул Захаров. - Тоже мне, проблема...

Он резко остановил машину. Выскочил, подбежал к ближайшей мусорной урне и залез в нее по самые локти. Покопавшись, выудил пару пивных банок.

- В «бардачке» - нож, - сказал он, вернувшись в машину. - Режь банки на листы, оборачивай вокруг своего датчика.

- И что? - не понял Гордин.
  - Заглушишь сигнал, и все дела.
- Гордин принялся лихорадочно кромсать банки пополам.
- Это точно поможет?
  - Я с восьми лет паяльником работаю и журналы читаю. Уж с этими штучками знаком. Кстати, тут вода, там тряпка - смочи и замотай сверху. Тогда точно не пробьет...
- Захаров выжал газ, но из-под капота вновь вырвалось облако пара, затем что-то хлопнуло, и машина заглохла.
- Патрубок, итить его... - процедил Петька, выскакивая и открывая капот.
  - Ну, что там? - нервничал Сергей. - У меня времени нет!
  - Сейчас, сейчас... - бормотал Петька.
  - Я лучше пешком пойду!
  - Да сиди! Сейчас все сделаем...
  - Ну, так делай! - взорвался Гордин. - Жду минуту - и ухожу сам.

* * *

- Тварь... - только и сказал Чуров, обнаружив, что сигнал датчика пропал с терминала. - Скользкий гаденыш!
  - Куда едем? - спросил водитель.
  - Жми пока прямо. Может, сигнал вернется.
  - А где он пропал, сигнал?
  - Недалеко, возле сквера.
  - Так что, может, туда гнать?
  - Нет. Пока будем гнать, он уже сбежит. Надо подумать, куда он может двигаться...
- Чуров взглянул на своих оперативников. Те смотрели, как преданные псы - внимательно, но бестолково.
- Может, он на вокзал дернул? Сбежать скорее... - пробормотал один.
  - Сейчас сам туда побежишь! - рявкнул Чуров. - Какой к чертям вокзал?
  - Девка, - проговорил вдруг Гоша.
- И тут же достал из папки фото Оксаны, демонстрируя Чурову.
- Ага... - полковник криво усмехнулся. - Это соображение мне нравится. Адреса все пробили? Отправляемся к ней домой. Вторую машину - к больнице. Ну, чего стоим? Работаем!

* * *

Черный джип остановился напротив библиотеки, когда оттуда

выходила Валентина с папкой под мышкой.

- Не она? - поинтересовался водитель у оперативника.

- Не-а, - тот сверился с фото. - Наша посвежее.

- Пошли тогда, что ли?

- Стой! Не торопись... - оперативник достал баллончик и старательно обработал руки. - И тебе советую, - сказал он, протягивая баллончик водителю.

* * *

Оксана была хмурая и встревоженная - ее неприятно удивил визит Валентины. Тем не менее папку она отдала, как и обещала Сергею.

Все же почему он передал, чтоб она куда-то уходила? И куда?

Привычно повесив сумочку через плечо и на ходу доставая из нее ключи, она уже направлялась к выходу, когда дверь вдруг распахнулась.

Незнакомый человек в черном костюме проворно схватил ее прямо за волосы и рывком усадил на стул. За ним в дверь проскользнул второй - не задерживаясь, он прошел к стеллажам, осматривая помещение.

- Ну? Где он? - рявкнул оперативник.

Оксана лишь испуганно всхлипывала, от страха она не могла произнести ни слова.

Водитель закончил осмотр помещения, тоже подошел.

- Дружок твой где? Говори сейчас, потом не сможешь, - и он больно ткнул в лоб Оксане стволом пистолета.

- Сука, хорош тут стонать! - процедил оперативник. - Ты сейчас тут ляжешь, тебе понятно?

Удар пистолетом неожиданно подействовал на Оксану отрезвляюще. Почему-то паника испарилась. Но что делать и что говорить - этого Оксана решить не могла.

В глубине библиотеки вдруг упала неплотно лежащая книга. Водитель встрепенулся.

- Что там? - забеспокоился оперативник. - Глянь быстро.

Они оба смотрели в глубину помещения, а Оксана - на баллончик, торчащий из нагрудного кармана оперативника.

В следующее мгновение он был у нее в руке, а затем белая пахучая струя почти в упор ударила в глаза оперативника.

- Ах ты тварь! - оперативник бросил Оксану и схватился за глаза. Девушка, не теряя драгоценных секунд, бросилась к двери.

- Сука! -- бахнул пистолет, оперативник выстрелил вслепую, на звук шагов.

Оксане сначала показалось, что ее ударили по спине тяжелым деревянным молотком. В следующую секунду она поняла, что не

может идти. Вцепившись в дверь, она попыталась устоять на ногах, но слабеющие пальцы разжались...

Уши заложило ватой, в глазах потемнело. Оксана не увидела, как оба незнакомца перескочили через нее и понеслись к большому черному джипу на другой стороне улицы.

Один из них держался за глаза.

- Ты debil, ты что сделал-то?

- Эта сука мне глаза выжгла!

- Валим отсюда, сейчас полгорода сбежится.

Машина уехала, встряхнув воздух рыком мощного двигателя.

* * *

У Гордина иссякли остатки терпения, а Петька все еще возился под капотом.

- Не могу ждать, - сказал Сергей. - Побежал я.

- Да куда ты торопишься?!

- В библиотеку, я ж говорил. Там Оксана. У этих костоломов я видел ее фотографии. Хочу убедиться, что она жива-здора.

- Ну, давай, - неохотно согласился Захаров. - Я догоню, если чего. А вообще зря. Сейчас бы сели да поехали...

Гордин сразу перешел на бег. Он старался двигаться вдоль стен, ближе к кустам и деревьям, которых здесь было предостаточно. Заметить его с дороги было почти невозможно.

Повязка на ноге быстро размоталась, а потом и вовсе отлетела вместе с импровизированными экранами из пивных банок. Сергей не стал останавливаться - бежать оставалось уже совсем немного.

В ту же минуту в руках Чурова ожил терминал слежения.

- Есть сигнал! - воскликнул он. - Разворачиваемся! Сообщите остальным.

- Может, шокером его вырубить? - подал мысль Гоша.

- Да нельзя... - Чуров с досадой хлопнул ладонью по колену. - Тот приборчик мне разбили, а этот только на прием работает. Тепленьким придется брать.

Гордин уже видел вдалеке крыльцо библиотеки. Разглядел он и необычное скопление людей около него...

Сердце бешено застучало.

В этот момент на перекресток с двух противоположных улиц почти одновременно выскочили два угловатых джипа, скрипнув тормозами.

Гордин, не сумев остановиться, ударился о капот одного из них и покатился по дороге.

Он не успел встать, как ощутил, что его уже крепко держат. Дернулся, рванулся, почти вырвался, но его ухватили еще крепче. Сдавили горло.

- Шкурку не попортите! - раздался голос Чурова.

Сергей напрягся и попробовал «нащупать» оперативников. Ничего не вышло. Видимо, их руки были обработаны.

Чуров едва ли не за шиворот тащил с собой второго «хиронекса» - испуганного и подавленного молодого человека с провалившимися глазами.

- Выруби его! - крикнул полковник. - Аккуратно, чтоб не скопытился.

Оперативники пыхтели, удерживая рвущегося из рук Гордина. Но у него уже иссякали силы, ему не хватало воздуха, перед глазами все подернулось желтым.

«Хиронекс» опустился перед ним на одно колено и приложил ладонь к его шее. Сергей попытался собрать последние силы, крепко зажмурился, стиснул зубы...

Для окружающих борьба двух модифицированных организмов была невидимой. Сам же Гордин мог лишь представить ее по своим ощущениям. Он сейчас чувствовал себя твердым пустотелым шаром, который хотят проковырять острым шилом.

Время словно остановилось. Было больно, но Сергею пока удавалось не пускать в себя «шило». В какой-то момент он ослабил сопротивление, и «шило» смогло проломить оболочку, но совсем чуть-чуть, неглубоко. Гордин снова напрягся, рванулся - и «шило» вдруг сломалось.

«Хиронекс» с истошным воплем отлетел в сторону, покатился по дороге, не переставая кричать.

- Сделайте уже что-нибудь, хватит возиться! - вышел из себя Чу-ров. - По башке ему дайте, чтоб вырубился!

Но никто не успел ничего сделать.

Воздух порвал треск автоматной очереди. Оперативники засуетились, отпустили Гордина. Защелкали предохранители пистолетов.

Сергей попробовал подняться, но смог встать лишь на колени.

В пяти метрах от него стояла полицейская машина. Рядом с ней - Михалыч и двое сержантов с автоматами.

- В моем городе такого не было и не будет, - сказал Михалыч, бесстрашно глядя на черные глазки пистолетных стволов. - Даю вам три минуты, чтоб убрались.

Сзади подкатил еще один уазик, на дорогу выскочили четверо вооруженных полицейских.

Секундная пауза была напряжена, как вулкан перед взрывом.

- Уходим, - тихо сказал Чуров и первым вскочил в свою машину.

Гордин наконец поднялся, первым делом обернулся на библиотеку. Там по-прежнему толпились какие-то люди. От крыльца отъезжала санитарная машина, полыхая синими маячками.

- Что... Что с Оксаной? - прошептал Гордин.

- Плохо ей, - ответил Михалыч. - Очень.

- Жива?

- Сказали, дышит, но... - майор покачал головой. - В общем, устроил ты нам веселую жизнь, студент.

- Мне нужно к ней! - Гордин рванулся было с места, но Михалыч неожиданно ловко и крепко ухватил его за локоть. Подскочивший сержант быстро защелкнул наручники.

- Не серчай, студент, но я человек военный. У меня свои приказы.

Михалыч отошел в сторону и достал телефон.

- Да что ж вы делаете? - закричал Гордин. - Отпустите меня, мне нужно быть в больнице. Я смогу ей помочь.

- Это Повов из РОВД, -- проговорил Михалыч в телефон, не обращая внимания на Гордина. - Здесь он. Ага, выезжаем вам навстречу.

Сержант взял Гордина за локоть и бросил на заднее сиденье патрульного уазика.

- Отпустите меня! - умолял Гордин. - Отвезите в больницу, хоть на полчаса! Я знаю, как ей помочь!

- Чем ты ей поможешь? - угрюмо проговорил майор, усаживаясь в машину. - Массаж сделаешь? У нее пуля в спине. Угробил ты девку. Если б не ты, жила б спокойно...

- Отпустите! Каждая минута на счету. Клянусь, я сделаю!

Михалыч лишь покачал головой в ответ.

Ехали недолго. На пустынной окружной дороге за кладбищем впереди «подмигнула» фарами другая машина.

Это был черный микроавтобус - на вид точно такой же, что возил Чурова с компанией.

Гордина вывели, дверь микроавтобуса отъехала - и Сергей с изумлением увидел перед собой Шлыкова. Вместе с ним были советник и телохранитель.

Последний завел Гордина внутрь, усадил на неудобное откидное сиденье. Дверь закрылась.

В салоне стоял полумрак. Над столиком Сергей вдруг увидел закрепленные магнитами фотографии: их было много, словно на оперативном стенде полицейского участка. Всего лишь одно лицо оказалось знакомо: человека, который все эти дни сопровождал Чурова, - Савченко.

Гордин вдруг понял, что бояться ему совершенно нечего. Наоборот, теперь все пойдет на лад, нужно лишь правильно себя вести.

- Времени мало, поэтому к делу, - сказал Шлыков. - Ни один нормальный человек не поверит, что ты стоял на сцене и вдруг ни с того ни с сего заметил в зале киллера с бомбой. Поэтому вопрос: что ты об этом знаешь и как ты к этому причастен?

- Знаю то же, что и вы, - ответил Гордин. - Готовилось покушение.

- И кто его готовил?

- Полковник Чуров.

Советник наклонился к Шлыкову, что-то зашептал ему на ухо. Брови Шлыкова удивленно приподнялись.

- И этот тоже был... - Гордин кивнул на фото Савченко.

- Интересно, - Шлыков поскреб ногтем переносицу. - Это очень интересно. А доказательства?

- Их нет. Доказательства вам лучше получить от самого Чурова. Вы сможете его задержать? Он наверняка еще в городе. Только они все вооружены...

- Мы многое можем. Один звонок - и через час тут сядет вертолет со спецназом. А еще через три прибудет следственная бригада Генпрокуратуры. Только где взять основания для задержания?

- У вас тут есть интернет?

Шлыков переглянулся с телохранителем. Тот расстегнул Гордину наручники и кинул на колени ноутбук. Сергей застучал по клавишам, вбивая адрес фейсбука. Войдя на сайт, он без труда нашел страничку Валентины.

- Ну, пожалуйста... - беззвучно прошептал он. - Сделай это.

Сердце радостно екнуло. Валентина все успела: на страничке появилось несколько отсканированных листов из папки.

- Вот, - Гордин протянул ноутбук Шлыкову. - Описания незаконных экспериментов над людьми. Факты гибели подопытных. Личные записи Чурова, его почерком. Всего этого хватит, чтобы его привлечь. А насчет покушения - крутите его сами.

- А вот это совсем интересно, - покачал головой Шлыков. - И что, есть подлинники?

- У нее, - Сергей ткнул пальцем в аватар Валентины. - Найдите ее, она начальник почты. Скажите, что я просил.

- Нет, дружок, разговаривать с ней будешь ты, - рассмеялся телохранитель. - Едешь с нами.

- Нет! - лицо Гордина стало каменным. - Я не поеду с вами и больше не скажу ни слова. Вы спросили - я ответил. Все! На этом закончили. Мне нужно в больницу, там умирает близкий мне человек. Можете меня стрелять и резать, но я с вами не поеду!

Шлыков усмехнулся и покачал головой. Какое-то время он с любопытством разглядывал Гордина, одновременно что-то обдумывая. Наконец кивнул:

- Тебя подвезут.

* * *

Из-за дверей операционной едва доносились звуки работающей аппаратуры и отрывистые реплики врачей - уже уставших и потерявших надежду.

- Профузное кровотечение. Увеличиваем дренаж. И готовьте еще физраствор.

- Давление - сорок на ноль. И падает.

- Пульс?

- На периферии не определяется. На сонных - нитевидный, сто шестьдесят. Повторить преднизолон?

- Нет, нельзя... Да и поздно... фибрилляция.

Гордин ворвался в операционную, грохнув дверь. Молоденькая ассистентка от неожиданности уронила поддон с инструментами.

Взгляд Гордина метнулся от лежащей под лампой Оксаны к экрану кардиографа, где вместо синусоиды протянулась удручающая прямая линия.

- Уйдите от нее! - отрывисто приказал Сергей.

- Что происходит? - возмутился хирург. - Почему посторонние?..

- Уйдите, я сказал! - закричал Гордин так, что услышал весь этаж.

Он растолкал медиков, схватил стерильную салфетку и быстро протер руки. Затем положил ладони Оксане на плечи и прикрыл глаза.

- Да уберите его! - воскликнул хирург, непонятно к кому обращаясь. Потом понял, что он в комнате - единственный мужчина, и сам схватил Гордина за рукав.

- Что вы себе...

- Не лезь! - Гордин открыл глаза - они были страшными. - Уйдите!

Хирург тут же отпрянул. Неожиданно проснулся кардиограф - на мониторе опять заплясала синусоида.

- Есть пульс! - воскликнула ассистентка.

- И что толку? - всплеснул руками хирург. - Кровь не остановить!

Гордин наконец смог сосредоточиться. Его руки двигались по неподвижному телу Оксаны, он искал точку, где сможет лучше «видеть» и эффективнее действовать. Остановился, полностью погрузившись в свои ощущения.

Ему тут же стало плохо. Картина была страшной. Ему казалось, что он в душной холодной пещере, где нет ни воздуха, ни света. Со всех сторон давило. Нужно было упереться изо всех сил, разрушить тесноту, пропустить сюда хоть немного жизни. Но отовсюду торчали зазубренные холодные камни, они рвали и ломали все живое и теплое.

От боли и бессилия хотелось выть.

И Сергей завыл - по-настоящему, в голос.

За дверями операционной испуганно переглядывался столпившийся персонал.

Гордин уже не выл, а кричал, срывая голосовые связки. Имплантат под кожей, казалось, раскалился, его свечение стало таким ярким, что пробивало рукав. Ткани вокруг него горели, рвались, выворачивались наизнанку.

Сергей не слышал и не чувствовал ничего, кроме холода и боли,

сжигающей его со всех сторон. Он не видел, что кожа вокруг имплантата почернела и обуглилась...

Внезапно Оксана сильно вздрогнула и открыла глаза. В груди что-то забулькало, потом раздались кашель и хрип.

- Мама... - выдавила Оксана. - Мама... мамочка...

Гордин обессиленный упал на колени. Он не слышал голоса Оксаны, но уже знал, что все получилось. Он просто ощутил, как отступил холод, а стены убийственной пещеры раздались в стороны. Остальное было неважно.

- Кровотечения нет! - изумился хирург.

- Пульс стабильный, сто двадцать, - сообщила ассистентка.

- Спирт на руки! Готовимся зашивать!

- А что делать с парнем? На него смотреть страшно.

- Пусть везут в интенсивную терапию!

Гордин этого не слышал и не видел. Привычный мир шаг за шагом отступал от него, погружаясь в зыбкий, стремительно темнеющий туман. Еще несколько шагов - и не осталось ничего, кроме этого тумана.

* * *

Туман был еще долго. Он помешал Сергею многое увидеть.

Он не увидел, как спецназ вылавливал по окрестным лесам и дорогам Чурова с его командой.

Он не знал, что над ним целую неделю трудились московские врачи, борясь с его сильнейшим нервным и физическим истощением.

А из Германии тем временем для него доставили оплаченный Шлыковым груз приборов и медикаментов.

Он не видел, как у дверей его палаты толпились обеспокоенные жители Маклинска, принесшие ему свои яблоки, конфеты, баночки с медом и прочие скромные дары.

И конечно, он не чувствовал, как хирургическая пила отсекала ему руку вместе с пригоревшим к кости имплантатом.

Однажды туман рассеялся. Гордин открыл глаза и сквозь мутное окно палаты вдруг увидел на подоконнике растрепанную галку. Она смотрела на него одним глазом и словно чего-то ждала.

- Брысь! - раздался знакомый голос.

Гордин с трудом повернул голову. Рядом с кроватью сидела Оксана.

- Я тебя вижу, - слабо улыбнулся Сергей.

- Опять пальцами? - Оксана взяла его за руку.

- Скорее, сердцем.

- Поправляйся. Тебя все ждут.

- Скажи, чтоб не ждали. Я больше не волшебник.

- Неважно. Ты человек.

Галка за окном встряхнула крыльями и, сделав пару кругов над двором больницы, скрылась из вида.

Видеодром

наше кино

ПРАВОСУДИЕ НЕБЕС

Популярность мистических историй велика. Загробный мир - место комедий положений и нравоучительных притч, религиозных постулатов и злой сатиры на грешное бытие. Там тихие молитвы и громкие стенания. Мы верим в жизнь после смерти? И не боимся? Правда?

Да, цифровой век многое изменил, отношение современного человека к религиозным догмам давно уже не классическое и не ортодоксальное. Вера отцов и дедов - не мерило этических норм.

До «исторического материализма», в годы, когда еще страшились Божьего суда или как бы его там ни называли, отношение к таким произведениям могло бы быть иным. Увы, нравственность, ответственность, заповеди и безгрешие стали темой для иронии, сарказма и цинизма.

И тем интереснее узнать, что же ждет нас Там? За Чертой.

Отечественная лента «Небесный суд» - один из вариантов. Сюжет уж точно не затаскан и не набил оскомину даже любителям мистического

и сверхъестественного.

Собственно, это обыкновенная адвокатская драма. Герои - друзья и партнеры в жизни (если можно так сказать) и антагонисты в работе. Они по разные стороны. Один - адвокат по имени Вениамин. Второй - прокурор Андрей. Место их судебных тяжб - Небесный суд. Это им решать, куда отправить душу преставившегося - в Ад или в Рай (простите, они там не используют эту терминологию - в Сектор Раздумий или Сектор Покоя).

Снято это, скорее, в жанре притчи, но не религиозной, а притчи о нравственности и душевности. О том, чего так не хватает и зрителю, и современному российскому кинематографу, все чаще работающему на уровне «массового потребителя», под пивко и попкорн взирающего на очередной блокбастер в 3D или глотающего очередную киножвачку «ни о чем».

Тут все по-иному. Как в советском кино - есть эзопов язык, но нет умопомрачительных декораций, есть тонкая игра актеров. Зритель от этого отвык, и этому снова нужно учиться - смотреть на мимику, пластику, следить за переживаниями.

А в остальном - непринужденный юмор, ироничные диалоги, музыка, выразительные игры с цветом и великолепные актерские работы. Особенно главного дуэта. Он давно уже не питерский, но все так же слаженный и отработанный годами - Хабенский и Пореченков. Давно примелькавшиеся на экранах, снимающиеся во многих как популярных, так и проходных лентах и сериалах. Но не в этот раз.

При всех неоспоримых достоинствах и невероятной харизме Михаила Пореченкова ему не сильно везет с кино и телеролями. В основном, это либо русская копия Шварценеггера во всех его ипостасях, либо ироничный качок с претензией на интеллектуальность. В новой ленте он открылся как замечательный драматический актер, что было заметно в его театральных ролях, но очень редко на киноэкране.

Хабенский же всегда и везде - этакий самоуверенный российский яппи, но с тоскливым выражением лица рефлексирующего интеллигента. В роли прокурора первой ступени этот образ уверенно наложился на сыгранного им персонажа, наказанного за гордыню.

Крепкий и качественный сценарий, что совсем не удивительно, зная, кто был соавтором фильма «Я остаюсь» с покойным Андреем Краско в главной роли. Да и сюжетно все похоже. Те же декорации, тот же мир - переходный. Между здесь и Там.

Конечно, не обошлось и без мелких недочетов, но они настолько ничтожны на фоне полученного удовольствия от просмотра, что не стоят и упоминания.

Кроме бесподобного актерского дуэта, в эпизодах и второстепенных ролях -- Ингеборга Дапкунайте, Дмитрий Марьянов, Даниэла Стоянович, Юрий Орлов, Евгения Добровольская, Олег Мазуров,

Никита Зверев. Даже только ради этих актеров стоит посмотреть фильм.

Но, увы. Известна пока только расширенная телеверсия «Небесного суда», прошедшая в эфире одного из украинских телеканалов. Оригинального же варианта, к сожалению, зритель пока не дождался: в широком прокате фильм не шел, на цифровых носителях его тоже еще нет. По словам режиссера фильма Алены Звонцовой: и формат, и тема картины довольно рискованны, поэтому на выделенные 30 миллионов рублей фильм был снят сразу в теле- и киноверсии, с дальнейшей претензией на телесериал. И если удастся удержать историю на том же уровне - то в симпатиях зрителей не стоит сомневаться. Лишь бы эфир в прайм-тайм и немного рекламы...

Вячеслав ЯШИН

рецензии

НОЧЬ СТРАХА

(FRIGHT NIGHT)

Производство компаний DreamWorks SKG, Michael De Luca Productions и Reliance Big Entertainment (США), 2011.

Режиссер Крэйг Гиллеспи.

В ролях: Колин Фаррелл, Антон Ельчин, Тони Коллетт, Дэвид Теннант, Имоджен Путс, Кристофер Минц-Плассе, Дэйв Франко, Рейд Юинг, Уилл Дентон, Сандра Вергара и др. 1 ч. 46 мин.

У старшеклассника Чарли Брюстера все складывается удачно. Он популярен среди сверстников, его девушка - первая красавица в школе, мать не обременяет его домашними делами. Но белая полоса в жизни Чарли заканчивается, когда в городе начинают пропадать люди, а его соседом становится Джерри, предпочитающий работать и развлекаться по ночам. Не проходит и недели, как Чарли понимает, кем на самом деле является новый приятель...

«Ночь страха» - ремейк хоррор-комедии 1985 года. В те далекие времена киновампиры пили исключительно кровь, без тени сомнения пускали ее слабым людишкам и взирали на них только как на трапезу. Собственно, представленный в ремейке вампир Джерри ничем не отличается от своих кровожадных собратьев и с удовольствием

охотится на людей. Нужно сказать, что упырь в исполнении Колина Фаррелла вышел настолько обаятельно-злобным, что следить за ним любопытно. Однако и другие актеры не подвели, исправно отработывая гонорары. Особенно стоит отметить смешного иллюзиониста Питера Винсента, которого сыграл Дэвид Теннант. А вот сценаристов есть за что пожуричь. Если диалоги получились живыми, интересными, то некоторые сюжетные ходы прописаны крайне неудачно. Рывками, без пояснения. Складывается впечатление, что сценаристы просто не смогли уложиться в стандартное время полнометражного фильма.

Конечно, создатели современной «Ночи страха» не могли не пройти мимо феномена «Сумерек» и как следует не поиздеваться над романтизацией вампиров, Поэтому кровавые делишки Джерри показаны во всех подробностях, а герои время от времени выдают что-нибудь вроде «Я лучше умру, чем буду смотреть «Сумерки». При этом осмеяние современных представлений о кровососах получилось намного удачнее, чем, например, в «Очень вампирском кино».

Степан Кайманов

ПОЛНОЧЬ В ПАРИЖЕ

MIDNIGHT IN PARIS

Производство компаний Gravier Productions, Mediapro (США - Испания), 2011.

Режиссер Вуди Аллен.

В ролях: Оуэн Уилсон, Рэйчел МакАдамс, Кэти Бейтс, Марион Котийяр, Майкл Шин и др.

1 ч. 34 мин.

«Что если мир - иллюзия и ничего нет? Тогда я определенно переплатил за ковер».

Мрачный оптимист или, скорее, пессимист с чувством юмора Вуди Аллен не просто классик кинематографа, он один из отцов-основателей жанра интеллектуальной комедии. Его фильмы не голливудское «развитие персонажа» с выводом в конце, не лекции, не притчи, А истории людей, запутавшихся в отношениях, заплутавших в лабиринте сознания. И хотя Вуди Аллен знаменитый американский зануда, в его картинах всегда присутствуют юмор и самоирония.

Обрученная молодая пара прилетает в Париж на каникулы, Девушка Инее хочет прошвырнуться по магазинам, побывать на модных вечеринках, словом, развлечься. Ее жених Гил Пендер, начинающий писатель, романтик (как будто бы ее полная противоположность),

мечтает побродить по ночным улицам Парижа, танцуя под дождем и считая звезды, И одной такой ночью, когда будущие супруги вынуждены разминуться, Гил попадает в 20-е годы прошлого века...

Париж писателей и художников! Он очутился в «своем» золотом веке! И первые, с кем он сталкивается в этом прошлом, супруги Фицджеральд. Веселые, влюбленные, талантливые - и такие молодые. А дальше калейдоскоп ярких встреч с Хемингуэем, Дали, Пикассо,,.

Стоит отметить, что, хотя это и интеллектуальная комедия, но американская - не европейская, не арт-хаус, не кино-не-для-всех, поэтому все персонажи утрированы, И Сальвадор Дали показан сверхсюрреалистичным, и Зельда Фицджеральд - сверхэксцентричной, Но все-таки приятно не просто увидеть на экране знаменитых писателей и художников, но и понять, что это кино сняли для тех, кто хотел бы пожать руку Хемингуэю,

Это кино сняли для вас.

Анастасия Шутова

ЗАРАЖЕНИЕ

(CONTAGION)

Производство компаний Double Feature Films, Regency Enterprises и Warner Bros. Pictures (США), 2011.

Режиссер Стивен Содерберг.

В ролях: Марион Котийяр, Мэтт Дэймон, Лоренс Фишберн, Джуд Лоу, Гвинет Пэлтроу, Кейт Уинслет, Брайан Крэнстон, Дженнифер Эль, Санаа Лэтэн, Тинг Яу Цуй и др. 1 ч. 46 мин.

Писать о сюжете и тем более завязке «Заражения» не имеет смысла. Во-первых, за основу сценария были взяты печальные события 2009 года, когда по всему миру бушевал вирус гриппа H1N1. Во-вторых, причина появления вируса - единственная интрига картины. Все прочие перипетии три года назад освещались в СМИ: неизвестный вирус стремительно распространяется по планете, убивает людей, вакцины нет, а в мире царит паника.

Увы, Стивен Содерберг не Дэвид Финчер, способный превратить любую реальную историю в напряженный триллер. А потому «Заражение» воспринимается не как полноценный фильм, а как документальная и скучная картина. При этом видно, что создатели «Заражения» изо всех сил старались сделать именно художественную ленту со всей присущей ей атрибутикой. Создать этаким зомби-хоррор, но только без зомби. Тут и теория заговора фармацевтических компаний, и китайские спецслужбы, желающие получить вакцину

раньше других, и храбрый вирусолог, способный во благо спасения мира воткнуть себе непроверенную сыворотку, и обычный парень, который старается любыми способами уберечь дочь от заражения. Но проблема в том, что этих микросюжетов так много и сняты они так вяло, что следить за развитием повествования нет никакого желания. А в основной сюжетной линии о глобальной эпидемии нет ни одного оригинального хода. Все строго по канонам: неизвестная инфекция, зоны карантина, массовые беспорядки, мародерство, нахождение вакцины - и счастливые лица тех, кому повезло ее получить. Словом, еще одна картина возможной гибели человечества, не дающая жанру ничего нового.

Понятно, что хотели сказать и показать создатели «Заражения». С одной стороны, напомнить об уязвимости людского рода, несмотря на все наши технологические достижения. С другой - продемонстрировать поведение людей в условиях надвигающейся катастрофы. Но о первом известно любому разумному человеку, а о втором снято немало фильмов. Так зачем делать еще один?

Алексей Старков

ЖИВАЯ СТАЛЬ

(REAL STEEL)

Производство компаний DreamWorks SKG, Image Movers Reliance Entertainment и Touchstone Pictures (США), 2011.

Режиссер Шон Леви.

В ролях: Хью Джекман, Дакота Гойо, Эванджелин Лилли, Ольга Фонда и др. 2 ч. 7 мин.

Недалекое будущее. Боксерские поединки наскучили публике, и на ринге теперь правят роботы, управляемые людьми. Бывший боксер Чарли Кентон также участвует в легальных и нелегальных боях роботов. Дела идут неважно. Последнего робота свирепый бык разобрал на детали, на покупку нового бойца денег нет, да еще и кредиторы дышат в спину. Но судьба дает ему второй шанс. Чарли узнает, что его бывшая жена умерла, а одиннадцатилетнего сына Макса, которого он не видел с момента рождения, хотят усыновить состоятельные родственники покойной супруги. Не долго думая, бывший боксер «продает» право на опеку дяде Макса и забирает сына на месяц, чтобы у его тети не было подозрений по поводу «продажи» права на опеку. Полученные деньги идут на покупку нового робота...

«Живая сталь» Шона Леви - экранизация рассказа Ричарда Мэтисона «Стальной человек». И... один из лучших НФ-фильмов этого года.

Почему? Все просто. Несмотря на шикарных роботов, на их яркие поединки, отъевшие львиную долю бюджета картины, в новом фильме Леви во главу угла поставлены люди, с их эмоциями, чувствами, переживаниями, проблемами, и нестареющий сюжет о взаимоотношениях отцов и детей. А роботы вкуче со зрелищными поединки - всего лишь фон, на котором разворачивается драма о черстве боксера-неудачнике, обретающем сына. Если в «Искусственном интеллекте» или «Трансформерах» роботы были очеловечены, то в картине Леви они обезличены. Живые здесь только люди, которым трудно не сопереживать. Именно актеры, а не технологии «держат» весь фильм.

Впрочем, лента оставляет несколько вопросов. Например, источник выносливости робота, найденного Максом на помойке. Или сомнительная причина бегства Чарли от жены и сына. Но, в конце концов, это можно счесть киноусловностью.

Создатели «Живой стали» удивительным образом совместили драму и динамичный боевик. Жаль, что подобный киносимбиоз попадает на широкие экраны все реже, отступая перед бездушными и безыдейными блокбастерами, где нет места переживаниям.

Степан Кайманов

попутчик

Творец реальности

Марк Форстер - один из немногих режиссеров, который уделяет драме столько же внимания, сколько и драйву фильма. И фантастика для него - инструмент, с помощью которого он передает внутренний конфликт, напряжение, обостряет реакцию персонажей. Она сродни метафоре в литературе и в фильмах

Форстера играет ту же роль.

Форстер родился в Баварии в 1969 году в семье немецкого врача, вырос в Швейцарии, а уже в 20 лет переехал в Нью-Йорк. И несмотря на то, что детство провел в Европе и зовется немецко-швейцарским режиссером, манера его некоторых лент соответствует всем голливудским стандартам. Скорее всего, это вызвано не желанием самого творца, который все же больше тяготеет к европейскому кино, но сценарием и неизбежным диктатом кассы, Так что эти «минусы» весьма условны тогда, когда есть большой список достоинств.

Прежде чем эти достоинства разглядела общественность в психологической драме 2001 года «Бал Монстров» (за которую, кстати, Холли Бэрри получила заветную золотую статуэтку), Марк Форстер снял несколько документальных фильмов, картину «Loungers», позже отмеченную призом зрительских симпатий «Slamdance», и полнометражную драму «Все вместе» (2000). А уже в 2004 году Марк Форстер отправился на поиски волшебной страны...

«У второй звезды направо, а дальше прямо, до самого утра...»

Все мы так или иначе стремимся попасть в сказку, но дверь в нее, когда кончается детство, заперта ключом, который утерян,.. И очень повезет тому, кто сможет его отыскать. Джеймс Барри, автор знаменитого «Питера Пена» (Джонни Депп), главный герой биографического фильма «Волшебная страна» (или, как точнее звучит в дословном переводе, «В поисках Нетландии»), его нашел.

Итак, новая пьеса героя встречена публикой без энтузиазма. Барри, дескать, потерял «остроту пера». Но не его писательские терзания и неудовлетворенные амбиции волнуют режиссера. Марк Форстер, взяв за основу биографию сказочника, ведет как бы двойную игру: на поверхности - история знакомства и дружбы Барри с вдовой миссис Дэвис (Кейт Уинслет) и ее четырьмя детьми, Это сюжетный стержень картины, а подтекст передается метафорой Форстера: дверь в сказку не особо-то запирается - это просто видимость. Стоит лишь представить, поверить... И режиссер, не пропуская детские фантазии через призму реальности, минуя все этапы взросления, предлагает зрителю вспомнить детское восприятие жизни - и воочию увидеть пиратов на борту корабля и густые синие волны, ощутить ожог горячего солнца, почувствовать соленые брызги на коже, услышать раскаты грома.

В этом не только Форстер со своей фантастической метафоричностью, но и сам Джеймс Барри - во всяком случае тот, которого «узнал» режиссер. Для писателя главное - воображение,

фантазия. Прежде всего детская, а уже потом он пытается напомнить взрослым, что они когда-то тоже играли в ковбоев и индейцев, Все мы так или иначе заигравшиеся дети. Кто во что: «дочки-матери», «полицейских и воров», жизнь, любовь, смерть...

Парадоксальность самого «Питера Пена» в том, что наряду с простыми истинами, которые лежат на поверхности, наряду с детскими грезами в произведении сокрыты очень «взрослые» идеи. Например, после успешной премьеры спектакля миссис Сноу обращается к Барри, заводя речь о знаменитом крокодиле, которого так боялся Капитан Крюк: «Время гонится за всеми нами, разве не так?».

В американском биографическом кино очень любят затрагивать интимные аспекты жизни знаменитых личностей, и Марк, конечно, следует логике Голливуда. Главному герою неоднократно дают понять: то, как он проводит свое свободное время, дело абсолютно всех и каждого. У некоторых уже срываются с языка скользкие предположения по поводу его сомнительной дружбы с семьей Дэвис. Барри же игнорирует все разговоры на эту тему, придерживаясь весьма полезной, истины: «Каждый понимает в меру своей испорченности». К сожалению, эта линия картины проигрывает остальным, так как смотрится достаточно блекло,

«Волшебную страну» искренне пытались стилизовать под «нечто английское». То ли под климат, то ли под мерное аристократическое движение жизни лондонской элиты, то ли под известную британскую сдержанность. Стилистически - это холодные тона картины, плавная динамика, подобная течению тихой реки, скупые фразы и жесты... но трагедийность передана исключительно по-американски, Однако игра актеров красива, как и фантастические метафоры-спецэффекты.

Этот фильм стал большим успехом режиссера: пять номинаций на «Золотой глобус», семь - на премию «Оскар».

И после такого признания Форстер вновь обращается к теме иллюзорности действительности, к теме воображения, психологического надрыва, человеческой драмы, Следующим его фильмом становится триллер «Останься» с Эваном Макгрегором и Наоми Уоттс. Однако драматические коллизии героев, как и прежде, режиссер наблюдает отстраненно, Он сдержан, порою даже холоден.

Впрочем, сюжет кинокартины достаточно банален - столкновение психиатра и его пациента. Кто-то кого-то должен «вылечить». Понятно, что «лечить» у пациента выходит лучше, чем у врача,

Утомившись от съемок такой тяжелой и напряженной киноленты, Форстер принимается за столь же психологическую, но гораздо более изящную и воздушную работу.

«Роман хорош только при условии, что в конце вы умрете...»

Это первый и пока единственный фантастический фильм Форстера. Впрочем, картина настолько тонкая, что однозначно определить ее жанр невозможно: ну, может быть, ироничная мелодраматическая трагикомедия - вот так многослойно. К тому же это кино с прекрасным актерским составом: Дастин Хоффман, Эмма Томпсон, Мэгги Джилленхол, Куин Латифа, а главного героя играет не столь знаменитый, но идеально вписавшийся в ансамбль Уилл Феррелл.

Кто-то вполне может увидеть фильм как исключительно фантастическую комедию - там есть предпосылки и для этого. Кто-то - как историю всепобеждающей силы любви. Или представить картину философской притчей о человеческой жизни, мол, многие люди существуют, подобно роботам, ходят исключительно знакомыми маршрутами, никуда не сворачивая... до тех пор, пока в их жизнь не вмешивается господин Случай. Сыграла его роль в фильме реальность или же, наоборот, искусство - зависит от точки зрения каждого увидевшего картину.

Гарольд работает в налоговой инспекции, живет вполне обыкновенно: в меру не любит то, чем занимается, в меру предается романтическим мечтаниям в одиночестве, порой философствует. И одним прекрасным утром, когда он стоит перед зеркалом в ванной, совершая привычные утренние процедуры, в его голове звучит голос: «Мог ли он знать, что это простое, на первый взгляд безобидное, движение неизбежно приведет его к смерти?».

Герой, разумеется, не знает, откуда этот голос взялся и кому принадлежит. Обращаться к психиатру бесполезно, там можно получить лишь диагноз - шизофрения. Единственно возможный (или, скорее, невозможный) путь - найти человека, разбирающегося в литературе.

И вот литературовед, доктор наук, в лице обаятельного и циничного Дастина Хоффмана, начинает свою игру: определение сюжета, мотива, обстоятельств действия... Марк Форстер словно улыбается критикам и публике: мол, попробуйте угадать жанр! Точно так же Форстер поступает и со своим героем: Гарольд Крик пытается понять, в комедии он очутился или в трагедии. И на протяжении всего фильма его и нас бросают из одного настроения в другое.

Фильм рождает массу смыслов. Причем порой прямо противоположных - все зависит от вашей точки зрения. Может быть, это искусство рисует жизнь, а не жизнь - искусство? А вдруг герои - тоже живые, и авторам не стоит увлекаться умерщвлением оных? Или же наоборот, жизнь важнее литературы? Человек важнее романа? Вот вам очередной парадокс: сама создательница героя прозаик Карэн Эйфелл, которая и ведет героя по жизни, лишь познакомившись с настоящим Гарольдом Криком, готова поступиться своим самым

великим произведением, тогда как литературовед Джулиус Хилберт, знакомый с Гарольдом гораздо дольше и успевший проникнуться симпатией к «персонажу», согласен пожертвовать им ради шедевра любимого автора.

Это фильм-рубик, но не вроде «рубика» европейского артхауса или восточного символизма: в «Персонаже» границы картины очерчены вполне конкретно - режиссер не пытается вывести зрителя за рамки данного сюжета, но призывает размышлять внутри него.

«А я никуда и не уходил...»

Следующий фильм Форстера стал сугубо реалистическим, однако не лишился драматизма, психологического напряжения и яркой кинометафоры, предъявленных Форстером в предыдущих лентах. Картина «Бегущий за ветром» (2007), экранизация бестселлера Халеда Хоссейни, рассказала о дружбе Амира и Хасана - кабульских мальчишек, застигнутых военными действиями. Это история о человеке, который провел полжизни, мучаясь чувством вины. История трусости, предательства, искупления. Все тот же внутренний конфликт, столь близкий творческим исканиям Марка Форстера.

Видимо, устав от драматических киноповествований, режиссер взялся за классический боевик, обреченный на кассовый успех. Впрочем, предыдущий фильм суперзнаменитого сериала дал Форстеру некую возможность хотя бы обозначить психологический надлом героя.

В 2008 году выходит двадцать второй фильм о Джеймсе Бонде - «Квант милосердия», Марк Форстер, снявший его в 38 лет, стал самым молодым режиссером в истории бондианы. А картина собрала свыше 500 миллионов долларов по всему миру, что сделало ее второй кассовой кинолентой о Бонде (на первом месте предыдущий «Казино Рояль»).

Надо сказать, что еще в «Казино Рояль» режиссер Мартин Кэмпбелл отошел от классического образа Джеймса Бонда. Герой стал более живым, появился некий намек на драматизм. И несмотря на то, что выход этого фильма ознаменовался успехом, многочисленные поклонники бондианы разделились на два лагеря: первые пришли в полный восторг и восхищались Дэниелом Крейгом, который совершенно не похож на классического брутального брюнета Джеймса, тогда как вторые в негодовании потрясали кулаками, ратуя за «традиции», «классику» и «Old school». Понять можно и тех, и других. Двадцать серий герой не меняется, никак. Будто существует в вакууме, на который не влияют ни социум, ни время, ни его личные душевные терзания: у персонажа их просто нет.

Джеймс Бонд - это бренд. И именно некое очеловечивание героя

порадовало первый лагерь, этим же разочаровав второй, потому как Бонд - это лучшие часы, костюмы, отели и рестораны, машины и женщины. И без всяких, прошу заметить, мук совести. Он получает все, не отдавая ничего взамен.

А все его хитроумные устройства? Когда-то же они были просто непредставимы, казались сущей фантастикой. Но чем активнее развиваются цифровые технологии, проникая во все сферы человеческой жизни, тем менее фантастическими становятся фильмы об агенте 007, Раньше зрители только в кино могли лицезреть видеофоны, компьютеры с сенсорными экранами и прочие шпионские гаджеты, а сейчас, когда у каждого мобильник, кинолента теряет немалую долю своей фантастичности.

Несмотря на новаторство Мартина Кэмпбелла и Марка Форстера, лучшим Джеймсом все еще считается Шон Коннери. Он обаятелен, харизматичен, умен, ироничен. А затем агент 007 потихоньку начинает «дрейфовать» в сторону Дэниела Крэйга - надломленного суперагента (чем не парадокс?). Он уже не тот Джеймс Бонд - не англичанин, не бренд. Даже девушек ему соблазнять не надо, они откликаются автоматически, без лишних вопросов - эфирное время дорого.

Вполне очевидно, что режиссер тяготеет не только к жанру драмы, но и к фантастике, и яркий тому пример - его новый проект «Мировая война Z» (премьеры намечена на декабрь 2012 года). Апокалиптика о восставших мертвецах - давно не редкость, однако Марк решил снять свою историю о мерзких разлагающихся зомби, пытающихся захватить весь мир.

Да, банальщина, но лишь на первый взгляд, потому что в этом фильме с ширпотребным сюжетом будут две принципиальные новинки - Марк Форстер и Брэд Питт.

Анастасия ШУТОВА

экранизация

ДО ЭПОХИ ВЕЛИКОГО КОЛЬЦА

Настоящая статья - продолжение обзора, в котором речь шла об экранизациях фантастики дореволюционной (см. «Если» № 4, 2007). И, конечно же, данный «сиквел» мог бы получиться куда более интересным и зажигательным, если бы...

Если бы ранее на страницах журнала не были опубликованы другие аналогичные обзоры, где обстоятельному разбору подвергались экранизации произведений корифеев - Александра Беляева, Александра Грина, Алексея Николаевича Толстого, Михаила Булгакова¹.

Впрочем, при всей скудости советского кинематографа по части фантастики и вынужденного умолчания о вышеупомянутых авторах поговорить есть о чем. Словом, переиначив библейского пророка, начнем собирать камушки. Имея в виду, что большие «камни» - монолиты, глыбины! - уже собраны и расставлены.

Первым - следуя и литературной хронологии, и кинематографической - нужно назвать камушек не мелкий, а очень мелкий. Это немой фильм (или, как тогда говорили, «фильма») Владимира Гардина «Слесарь и канцлер». Он вышел на экраны в 1923 году и представлял собой экранизацию одноименной пьесы Анатолия Луначарского (если кто забыл или не в курсе - первого советского наркома просвещения), вышедшей двумя годами раньше. В пьесе речь идет о будущей революции в вымышленной западной стране Норландии - вот, собственно, и вся фантастика. О фильме можно сказать и того меньше: целиком он не сохранился и до нас дошел без первой и последней частей.

Во всяком случае, когда спустя год на экраны вышла «Аэлита» Якова Протазанова - безусловная классика раннего отечественного кино (как ни относишься к воплощенной на экране «научной фантастике»), о фильме Гардина забыли сразу и навсегда. Не помог и авторитет автора пьесы - министра первого правительства большевиков.

В тени «Аэлиты» невольно оказался еще один фильм, вышедший в том же 1926 году. А жаль, потому что это был уже вполне солидный фрагмент собираемого нами «сада камней». И с точки зрения литературы, и с точки зрения кино - тогдашних, разумеется.

Как и «Аэлита», трехсерийный фильм «Мисс Менд» режиссеров

---

¹ * Можно прибавить к упомянутым мастерам Юрия Олешу, Евгения Шварца и Лазаря Лагина, чьи повести-сказки также были экранизированы, и эти экранизации удостоились отдельных обзоров на страницах журнала. (Здесь и далее прим. авт.)

Бориса Барнета и Федора Оцепы представляет собой вольную экранизацию литературного первоисточника - фантастического (во всех отношениях) романа Мариэтты Шагинян «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» (1924) и его продолжения «Лори Лэн, металлист» (1925) (оба вышли под «говорящим» псевдонимом Джим Доллар). Читавшие их - особенно первый - согласятся со мной: написано лихо, хлестко и с завидной выдумкой. Эдакий «красный Джеймс Бонд» двадцатых, точнее - «красный Пинкертон», как позже назвали этот субжанр критики. С точки зрения некоторых критиков, романы Шагинян по темпу, фантастическим находкам (тем же «зеркалам», сохраняющим облики смотревшихся в них людей), а также по размаху не уступают и толстовскому «Гиперболоиду», сразу же записанному в классику. Хорошо помню, как впервые познакомился с обеими книжками годах эдак в шестидесятых - и, проглотив их за пару вечеров, долго не верил своим глазам: у нас тогда печатали ТАКОЕ?!

фильм Барнета и Оцепы тоже стал классикой раннего советского кинематографа. И, что немаловажно, одним из тогдашних кассовых рекорсменов, в котором ярко сыграли сам Барнет, а также Михаил Жаров и дебютант Игорь Ильинский. Но картина не стала явлением в отечественной кинофантастике. За исключением разве что фантастики политической. Тайные организации профашистского толка, грезящие о власти над миром, агенты-двойники, политические убийства и теракты «массового поражения» - все это есть и в фильме. Однако замена всего одной буквы в названии (вместо загадочно звучавшего «Месс-Менд» - прозаическая «мисс») означала и существенное «приземление» сюжета картины. Здесь даже редкие фантастические находки тонут в убийствах, погонях, путанице с двойниками и других приметах политического кинодетектива. Но не кинофантастики. И хотя литературный материал буквально за руку тянул постановщиков - но либо те были равнодушны к фантастике, либо побоялись, что не вытянут ее технически.

Так что лучшими экранными примерами тогдашнего «красного Пинкертона» - с активным привлечением научно-фантастического антуража - по сей день остаются экранизации упомянутого «Гиперболоида инженера Гарина»².

* * *

Другое популярное направление в отечественной литературе 1920-х годов - фантастика «географическая» - представлено уже фильмами

---

² * Об этих и других экранизациях фантастики Алексея Толстого см. обзор Е.Харитоновой в «Если» № 8, 1998.

относительно недавними. Два из них, экранизации полумистической повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды» и фэнтезийного рассказа Александра Чаянова «Венецианское зеркало», к фантастике имеют отношение косвенное. Дипломная работа режиссера А.Бруньковского - фильм «Возвращение Будды» (1994) - строится на противопоставлении двух образов: промерзшего послереволюционного Петрограда (Запада) и полного сакральных тайн буддистского Востока, куда возвращается ранее похищенная статуя Будды. И, собственно, все: больше смотреть нечего и не на что. А в манерной короткометражной экранизации того же 1994 года мистической повести Чаянова (крупного ученого-экономиста, социолога, социального антрополога и по совместительству писателя-фантаста и утописта, расстрелянного в 1937-м), в которой молодой композитор встречает своего двойника, интерес любителей фантастики могут вызвать разве что две роли, сыгранные популярными «электрониками» - братьями-близнецами Торсуевыми.

Зато фильм «Земля Санникова» (1972-1973) режиссеров Альберта Мкртчяна и Леонида Попова не прошел незамеченным. Но опять-таки «заметил» и по достоинству оценил экранизацию романа Владимира Обручева скорее массовый советский кинозритель, а не любитель фантастики. И роман-то известного ученого-географа ничего фантастического не содержал - кроме оригинальной гипотезы об обитаемом «затерянном мире» где-то за Полярным кругом. Такая «жюль-верновская» фантастика к 1920-м годам уже прочно перешла в разряд приключенческой литературы - с исчезающе малой аббревиатурой «НФ».

Первоначальный сценарий постановщикам не понравился. Хотя в нем, судя по недавним воспоминаниям членов съемочной группы, какая-никакая, а фантастика все-таки присутствовала - в духе знаменитых романов Артура Конана Дойла и Генри Райдера Хаггарда. Решив кардинально переписать сценарий, режиссеры обратились за помощью к «тяжеловесу» Марку Захарову. Романа Обручева он, по его собственному признанию, не читал, а потому решительно вычеркнул всяких там саблезубых тигров, пещерных медведей и прочую доисторическую экзотику, зато добавил красок в характеры, яркие диалоги и новые сюжетные повороты. Словом, то, чего так не хватало роману Обручева - в большей мере ученому, а не писателю.

В результате вышел отличный для того времени и той страны приключенческий фильм, Можно даже сказать - культовый: только в 1974 году его посмотрело более сорока миллионов зрителей. А уж песня Александра Зацепина на слова Леонида Дербенева «Есть только миг», исполненная Олегом Анофриевым, точно стала культовой.

В фильме снялись Олег Даль, Владислав Дворжецкий, Георгий Вицин, Николай Гриценко, Игорь Ледогоров, а в роли шамана племени

онкилонов - знаменитый тогда танцор Махмуд Эсамбаев. «За кадром» же осталась несыгранная роль Владимира Высоцкого. Он был приглашен на роль офицера-авантюриста Крестовского, но не сложилось... Широкая публика так и не узнала, что три знаменитые песни Высоцкого - «Белое безмолвие», «Баллада о брошенном корабле» и «Кони привередливые» - были написаны специально для «Земли Санникова».

Итак, перефразируя Остапа Бендера, мы, тогдашние любители фантастики, снова оказались чужими на этом празднике жизни.

* * *

Кстати, об Ильфе и Петрове. Они тоже обращались в своем творчестве к фантастике. К той, которая была им всего ближе: фантастике сатирической. Несколько произведений знаменитых соавторов, включая повесть «Светлая личность» (1928), стали основой одноименного фильма 1989 года, Несмотря на «звездный» актерский состав, назвать картину удачной трудно. На дворе уже бушевала, подходя к своему зениту, горбачевская перестройка, рушились казавшиеся неприступными идеологические бастионы. На таком фоне сверхосторожная - строго в рамках дозволенного - сатира семидесятилетней давности, обличавшая «отдельных» бюрократов, карьеристов и т.п., пробравшихся в начальственные кресла, смотрелась во всех смыслах архаично. Как и фантастическое изобретение, позволившее герою стать «человеком-невидимкой» и в этом качестве раскрывать подобные «отдельные негативные явления».

Зато вышедший двумя годами ранее двухсерийный фильм Валерия Родченко «Необыкновенные приключения Карика и Вали» с восторгом посмотрело целое поколение детей той краткой «перестроечной» эпохи. Не потому, разумеется, что с экрана в духе времени резали правду-матку - почти одноименная (вместо «необыкновенных приключений» - «необычайные») повесть-сказка Яна Ларри вышла в 1937-м, во времена, к подобной смелости явно не располагавшие... Но приключения брата с сестрой, уменьшившихся благодаря чудо-эликсиру соседа-профессора до размера насекомых, получились на редкость увлекательными и познавательными для того молодого поколения, еще не разучившегося читать и не растерявшего любопытства.

А еще это был один из первых отечественных фильмов, в котором широко применялись компьютерные эффекты и «компьютерная» же (то есть записанная на синтезаторах) музыка. Чем он тоже интересен.

И наконец, еще один, на сей раз увесистый «камешек» от

кинематографистов. Настоящий научно-фантастический фильм по настоящему научно-фантастическому произведению. Незабвенная «Тайна двух океанов» (1956) режиссера Константина Пипинашвили.

Конечно, сегодня эта экранизация одноименного романа Григория Адамова, вышедшего в 1939 году, выглядит архаикой. Но для своего времени это был безусловный, говоря современным языком, блокбастер: в первый же год картину посмотрело более 30 миллионов зрителей. И безусловная кинофантастика - во всяком случае для тогдашних школьников младших классов, другой кинофантастики не знавших.

В той картине был, конечно, рассеянный профессор, читавший лекции по ихтиологии любознательному пионеру, случайно попавшему на борт секретной подводной лодки. И вражеский шпион-диверсант, видимый, как говорится, за версту любому сидящему в кинозале, но далеко не сразу разоблаченный нестигаемым «героем невидимого фронта» - майором Скворешней. И все положенные времени лозунги и штампы тоже присутствовали... Но было и другое: потрясающие для своего времени подводные съемки, гигантские спруты и подводные драки в скафандрах, невиданная, напичканная фантастической (для 1956 года) техникой советская субмарина и загадочные истуканы типа тех, что на островах Пасхи. И вершина тогдашней кинофантастики - таинственная, полностью автоматизированная вражеская военная база на необитаемом острове в Тихом океане. Оттуда в море уходили самонаводящиеся магнитные торпеды, замаскированные под катера с номером 17 - таков же был нехитрый пароль для входа на базу, чтобы пускать на дно мирные суда. Зачем это надо было врагам? Внятных версий в фильме не давалось - провокаторы, что с них, вражин, взять...

База с магнитными торпедами - целиком придумка создателей картины: в романе ничего подобного не было. Как придумана для оживления сюжета и вся детективная история про двух братьев, один из которых, цирковой акробат и по совместительству агент неназванной враждебной державы, убивает другого, «секретного» инженера-конструктора, и обманом проникает на борт советской подлодки с целью диверсии.

* * *

Следует упомянуть экранизации еще трех довоенных произведений с элементами фантастики, принадлежащих перу писателя знаменитого и тогда еще русского (в смысле - писал на русском), но никак не советского. Речь, как можно догадаться, идет о Владимире Набокове.

Однако оба его произведения берлинского периода - рассказ «Сказка» (на экране превратившийся в «Сексказку» - именно так, с безграмотно

потерянной буквой «с» в середине слова!) и роман «Приглашение на казнь» - украшением отечественной кинофантастики не стали. Манерный бенефис покойной Людмилы Гурченко в роли дьявола-искусителя, снятый в «декадентских» интерьерах и облаках сигарного дыма, к прозе Набокова имеет отношение такое же, как популярный в советские годы стиральный порошок «Ассоль» к героине Александра Грина. А о заумной и невнятной дебютной короткометражке, целиком снятой в грязном школьном подвале (и это набоковское «Приглашение на казнь»!), вообще промолчу. Как о покойнике: если ничего хорошего сказать не получится, тогда лучше ничего.

И наконец, фильм «Глубокий рейд» (1937). Сценарий к нему написал Николай Шпанов - корифей тогдашней «военно-патриотической» фантастики, автор произведений, в которых пропагандировалась шапкозакидательская доктрина: «война малой кровью и на территории противника». Формально картина, в которой доблестные «сталинские соколы» отправляются в тыл неназванного агрессора бомбить его аэродромы и военно-промышленные объекты, не была экранизацией. Хотя, надо сказать, смотрелась идеальной иллюстрацией сразу к нескольким романам плодовитого автора.

Для завершения нашего «сада камней» не хватает всего двух фрагментов. Последних двух экранизаций - на сей раз произведений, вышедших уже после войны.

В 1953 году режиссер Абрам Роом перенес на экран вышедшую годом раньше сатирическую пьесу Аугуста Якобсона «Шакалы» - единственное обращение к фантастике эстонского прозаика и драматурга (и кстати, Председателя Верховного Совета Эстонской ССР и зампреда ВС общесоюзного). Фильм «Серебристая пыль» снял классик отечественной операторской школы Эдуард Тиссэ, в картине сыграли замечательные актеры: Ростислав Плятт, Осип Абдулов, Всеволод Ларионов. Но и их усилия не смогли «вытянуть» фильм из заданного русла политической агитки эпохи холодной войны: о происках американских империалистов, разработавших новое оружие массового уничтожения - радиоактивную «серебристую пыль».

Зато классика советского научно-фантастического кино - фильм Павла Клушанцева «Планета бурь» - вышел уже в другую эпоху. И, можно сказать, в другой стране. На дворе стоял 1961 год, с момента знаменитого доклада Хрущева на XX съезде прошло уже пять лет, и только что слетал в космос Гагарин... И вот такое пиршество для любителей фантастики!

Клушанцев экранизировал повесть Александра Казанцева, первый вариант которой был опубликован в газете в 1959 году. В данном случае имел место феномен, не раз наблюдавшийся в истории экранизаций научной фантастики - кино получилось на порядок лучше литературного первоисточника! Единственной ложкой дегтя стали

герои картины -- точнее, полное отсутствие на экране живых людей, которых замещали говорящие манекены. «Герои» перекачевали в фильм из повести Казанцева, так что актерам не позавидуешь (а в фильме, в частности, снялся Георгий Жженев - впервые после своего возвращения из лагеря).

Очевидно, что Павел Клушанцев, до того снимавший фильмы научно-популярные - и во всех отношениях фантастические! - с актерами работать не умел. Но любители фантастики ему все простили - за те фантастические съемки, которыми их баловали на протяжении часа с лишним. За такой фильм в начале шестидесятых не было стыдно и перед Голливудом - хотя выяснили мы это, как легко догадаться, много позже. Впрочем, о творчестве Клушанцева на страницах журнала уже писали не раз³, так что не буду повторяться.

Эта экранизация стала этапной и в другом смысле. Перечисляя приметы 1961 года, я не назвал еще одну - прошло четыре года с момента выхода в свет «Туманности Андромеды». Из этих заметок намеренно исключена экранизация романа Ефремова. Повесть Казанцева знаменовала собой уходившую эпоху в истории нашей фантастики, а роман Ефремова - наступавшую новую. Уже вышли первые книги Стругацких, и меньше года оставалось ждать их «Возвращения». С программным подзаголовком «Полдень, XXII век».

Но это уже, как говаривали сами братья, совсем другая история. И, соответственно, тема следующего обзора.

Михаил КОВАЛЁВ

МАКСИМ ХОРСУН

СОЗДАТЕЛЬ МАШИНЫ

---

³ * См., например, статью Е.Харитоновой в «Если» № 2, 2002.

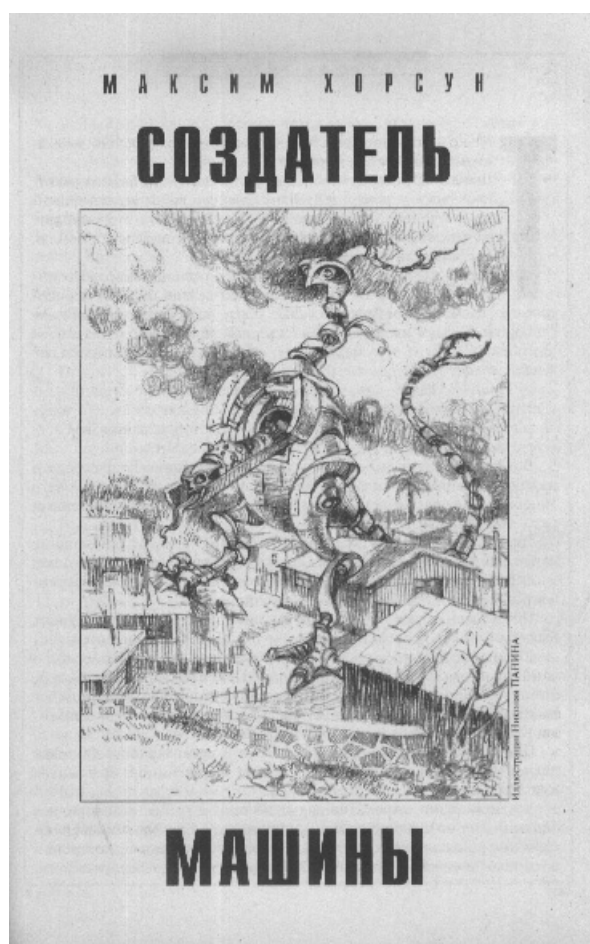

Иллюстрация Николая ПАНИНА

I

Только с большого расстояния могло показаться, что у механизмов завоевателей три ноги.

Две лапы, повернутые коленями назад, и длинный сегментный хвост - теперь лейтенант Джейсон видел это совершенно отчетливо. Хвосты извивались из стороны в сторону, когда механизмы передвигались; хвосты упирались в землю, когда машины останавливались.

Железные чудовища вышагивали по улицам мертвого поселка в свете луны и мерцающих созвездий. Бум! Бум! - сотрясала землю их поступь. Тяжелые шаги, шум ветра в вершинах секвой, и больше ни звука. Даже сверчки притаились. Все живое притаилось. Потому что механизмы, а точнее - их машинисты, не ведали жалости.

- Тише, рейнджеры, не дышите, ибо имеющие уши - услышат, - шептал Джейсон, не отрываясь от окуляров бинокля. Слова его тонули в шелесте тростника - зеленой стены, за которой засел взвод легкой пехоты вместе с проводниками из племени семинолов.

Вот длинное, приземистое сооружение на окраине. То, у которого поломана крыша. Это старое зернохранилище. Еще час назад из него доносились человеческие стоны и рев скота. Но теперь за его стенами

тихо, как в могиле.

На закате механизмы сгрузили туда добычу - людей и домашних животных. Сквозь дыру в крыше, не особенно церемонясь. На хвостах у них были щипцы, похожие на увеличенные многократно клещи ухвертки. Этими щипцами они и орудовали.

Потом залили зернохранилище какой-то красной дрянью. Дрянь была густой, как простокваша, и несло от нее на милю кислотой.

Люди в первое время кричали так сильно, что, наверное, было слышно на весь Мексиканский залив. Крики сменились стонами, стоны - тишиной. Все население этого поселка, что на западном берегу Оклокони, примерно сто негров, а также их скот, теперь находились за бревенчатыми стенами зернохранилища.

Шаги, скрип ветвей, редкие всплески в реке. Ночь во Флориде пахнет орхидеями. Запах орхидей отдает мертвечиной. Все живое притаилось.

Два механизма отошли на дальнюю окраину. Там остановились бок о бок, точно что-то углядели в ночном лесу. Еще один обошел поселковую площадь по кругу, ломая хвостом деревянные постройки и сминая широкими ступнями брошенные посреди дороги телеги.

Четвертый, последний, прошел через дворы, остановился возле зернохранилища.

Джейсон стиснул бинокль. Он увидел, как из передней части механизма выдвинулся желоб, вроде водосточного. Поднялись сегменты брони, как жесткие крылышки майского жука, и на желоб выбрался машинист.

Лейтенант был рад, что бинокль есть только у него. В его взводе трусы не держатся. И семинолы не подведут, если дело дойдет до стрельбы... но существует грань, за которой обычное мужество и отточенные реакции не стоят ни цента. Они - взвод рейнджеров и проводники - перешли эту грань. Они столкнулись лицом к лицу с необъяснимым. Их враг неизвестен. Как бороться с ним - неизвестно. Но задания никто не отменял.

Огромный жирный слизень, отвратительно подергиваясь, сползал по желобу на крышу. Был он неловок и тяжел, как беременная тюлениха. Его голова походила на покрытый лаком человеческий череп.

Стропила заскрипели, когда эта туша оказалась на крыше. Машинист подполз к дыре, пылливо поглядел в темноту. Затем ухнул, точно филин, и перевесился вниз.

Джейсон услышал, как за стенами зернохранилища чавкнуло, словно кто-то скатил валун в болотную трясиину.

Ведь враг неизвестен, черт возьми! Неизвестен и непонятен.

В заливе Апалачи стоит на рейде броненосец «Кентукки». Его орудия направлены в сторону побережья, расчеты не покидают боевые посты. Как только рейнджеры дадут целеуказание, шквал огня из 12-дюймовых и 6-дюймовых орудий сотрет с лица земли мертвый

негритянский поселок и неведомых захватчиков вместе с их диковинной техникой.

Джейсон убрал бинокль, поднял руку, описал указательным пальцем в воздухе круг, ткнул большим пальцем назад.

Рейнджеры отступили к берегу Оклокони.

Ни жаб, ни змей, ни аллигаторов. Даже москиты куда-то запропастились. Река была непривычно тиха, только неслись наперегонки с течением бесшумные тени вооруженных людей.

Когда генерал Фрэнк Синклер поднимался в два часа ночи, а точнее утра, на четвертый этаж отеля «Нью-Йоркер», он думал о городе на севере Флориды. В свое время армия северян не смогла дойти до Таллахасси, теперь же неведомый враг грозил завершить недоделанное северянами одним ударом. Причем минимальными силами. Прежде чем стать седым и грузным генералом на службе Соединенных Штатов, да хранит их Бог, Синклеру довелось побывать, правда совсем недолго, в шкуре молодого офицера-конфедерата. Поэтому оборона Флориды в целом и Таллахасси в частности для него была чем-то вроде дела чести.

Кабина лифта остановилась.

Синклер ступил на ковровую дорожку. Коридор освещался электрическими светильниками. Мягкое свечение лилось из сиреневых плафонов в виде морских ракушек. Генерал подумал, что этим светом, равно как и огнями Восьмой-авеню, на которой находился отель «Нью-Йоркер», они обязаны лишь одному человеку. Человеку, на встречу с которым его отправило командование в эту майскую грозную ночь.

- Господин генерал, сэр!

- Господин Тесла!

Они обменялись рукопожатием. Синклер заметил, что известный изобретатель не изволил снять перчаток из тонкой замши. Ах, да! Генерал вспомнил: ему говорили о том, что странностей у Теслы не меньше, чем патентов.

Синклер поглядел на дверь. Ее тут же притворил адъютант, которого генерал оставил в коридоре.

- Прошу прощения, если мой визит прервал ваш сон.

Тесла едва заметно улыбнулся: лишь приподнялись кончики усов. Указал на свободное кресло.

- Прошу садиться. Я редко когда сплю больше двух часов в сутки, генерал, так что вы меня нисколько не разбудили.

Генерал сел, вытянул ноги. Блеснули с пристрастием намащенные сапоги.

- Полагаю, в сей поздний час вас привело ко мне дело, которое не терпит отлагательств.

- Так точно, сэр, - крикнул Синклер, вынимая портсигар. - На

территорию Соединенных Штатов Америки... - он чиркнул спичкой, прикурил папиросу, - было совершено нападение. Насколько мы поняли, исходя из ситуации, наш противник не представляет ни одну из известных держав земного шара, - генерал выпустил облако дыма, посмотрел, прищурившись, на Теслу. - Враг необычен, и для борьбы с ним, боюсь, потребуются такие же экстраординарные методы.

Тесла подошел к окну, поглядел, как скользят по стеклу струи дождевой воды.

- Я слушаю вас внимательно, господин генерал.

Полыхнула молния, контрастно высветив фигуру изобретателя.

- Полагаю, - генерал, причмокнув, затянулся, - вам известно, что такое работа в интересах национальной безопасности. Сведения, которые мне поручено сообщить, известны весьма ограниченному кругу. Мы пока водим газетчиков за нос, но стоит одному неосторожному слову просочиться в прессу, как все население окажется во власти паники. А паника в нашем сегодняшнем положении - дурная союзница.

- Я понимаю, генерал, - откликнулся Тесла, поворачиваясь к Синклеру лицом. - Можете не тратить время на пролог, а сразу переходить к сути.

- Тем не менее мне поручено также выступить гарантом всяческой материальной поддержки ваших научных изысканий, - продолжил Синклер, неспешно дирижируя папиросой. - Само собой, в том случае, если наше сотрудничество принесет результаты. Говорят, будто ваши изобретения опережают время. Мне бы очень хотелось, чтобы это было так.

- Поддержка со стороны государства была бы кстати, - Тесла кивнул. - Вам, полагаю, известно, что в марте я остался без лаборатории.

- Так точно, мне это известно.

- Итак, генерал, вы подогреваете мое любопытство.

- Боюсь, что любопытство - не самое подходящее слово, сэр. Из Апалачиколы поступило телеграфное сообщение: город подвергся нападению неизвестных боевых механизмов.

- Апалачикола?

- Маленький рыбацкий порт на побережье Мексиканского залива. Из Таллахасси выдвинулся кавалерийский отряд, однако до места назначения он так и не добрался. С моря к Апалачиколе подошел крейсер-разведчик, его капитан доложил, что город действительно лежит в руинах. Сейчас командование перекрыло все пути из Флориды на север США, к границе штата подтягиваются части артиллерии, кавалерия, пехота. По следам механизмов был отправлен взвод рейнджеров. Стало известно, что враг направился на восток - к Оклокони, а затем стал подниматься вдоль русла на север в сторону Таллахасси, по пути уничтожая усадьбы и деревни. Мы попытались накрыть врага огневым валом, однако тот испепелил, черт возьми,

снаряды, выпущенные орудиями броненосца «Кентукки», прямо в воздухе. Механизмы вернулись на побережье и меньше чем за две минуты пустили новейший боевой корабль на дно залива Апалачи. Командованию стало ясно, что обычных методов ведения войны против этого врага может не хватить, и вот я у вас, сэр, в два часа ночи. Если вас интересуют детали, я готов удовлетворить ваше любопытство.

II

Лейтенант Джейсон вытянулся по стойке «смирно», отдал честь.

- Вольно, лейтенант. Кофе будете? - поинтересовался полковник Салливан.

Ветер трепал брезент штабной палатки. Полковник встряхнул термос, оценивая объем жидкости. Капитан первого ранга Дюваль курил трубку, постукивая по карте побережья пожелтевшими от табака корявыми ногтями. Майор Макмаерс сидел за письменным столом и перекладывал бумаги из стопки в стопку. На левой руке майора вызывающе ярко сверкал золотой перстень.

Джейсон встревоженно поглядел на каждого офицера, потом облизнул спекшиеся губы и ответил:

- Да, сэр. Спасибо, сэр.

- Садитесь, лейтенант, - полковник указал на табурет у стола с картой, напротив Дюваля. - Вы с ребятами держались молодцом минувшей ночью, всем бы так!

Лейтенант сел, принял двумя руками горячую кружку. Принюхался. Кофе у полковника был с ромом. Вот и славно!

По другую сторону брезентовых стен всхрапывали лошади и скрипели колеса мортир и гаубиц. Выжженная окраина Апалачиколы постепенно превращалась в укрепленный район протяженностью до пяти миль. С кораблей высаживался десант за десантом, однако основные артиллерийские силы - броненосцы и крейсера Атлантической эскадры - держались у входа в залив Апалачи. Командование не желало больше рисковать вымпелами, скоропостижная гибель «Кентукки» ввела в оторопь каждого, кто носил погоны и был в курсе событий в северной Флориде. Будет ли прок от пушек и пулеметов на возводимых в спешке бастионах? Джейсон не питал особых иллюзий. После того, что он видел... Ну, разве шальной снаряд отыщет цель.

- Итак, сынок, - проскрипел Дюваль, - докладывай, что за бесовщина здесь творится.

Джейсон отставил кружку.

На юге, за лесом, вспыхнуло зарево. Через секунду или две

рейнджеры услышали грохот главного калибра «Кентукки». Звук был что нужно: человеку, не лишенному воображения, могло прийти в голову, что в заливе Апалачи проснулся вулкан. Джейсону невольно захотелось втянуть голову в плечи и заползти в трещину под скальный останец, в тени которого притаился взвод. Послышался тонкий, насмешливый свист: это неслись под звездами многотонные снаряды, начиненные пироксилином. Вот-вот поселок бывших рабов взлетит в воздух.

Земля содрогнулась. Поднялась над лесом стена огня; камни, грунт, ветви и расщепленные стволы деревьев разбросало на милю окрест.

Джейсон сжал бинокль.

Недолет, тысяча чертей!

Капрал Гловер встал в полный рост на вершине останца и завертел флажками. Сигнальщик на наблюдательном посту у побережья репетовал указания рейнджеров на броненосец, и там все поняли. Не прошло и минуты, как орудия ахнули снова. Опять с небес донесся хулиганский свист, а потом Оклокони выгнулась, вздыбилась горкой, принимая чудовищную энергию многократного взрыва. Выплюнула в небо столб воды и пара.

Перелет!

Получилась классическая вилка. Следующим залпом «Кентукки» накроет деревню, а вместе с ней и вражеские механизмы - уже наверняка. Комендорам необходимо время, чтобы изменить прицел и перезарядить пушки. Боже, как много времени им нужно!

Шагающие машины покинули деревню. Без суеты прошли сквозь горящий лес и перебрались через свежие воронки. Оказавшись на просеке, двинули в сторону залива, постепенно ускоряясь.

Капрал вновь завертел флажками. Он был намерен во что бы то ни стало сообщить на «Кентукки» о перемещениях противника.

Железные чудовища были еще далеко, примерно в трехстах ярдах от холма, на вершине которого за останцем прятались рейнджеры. И все-таки что-то подтолкнуло Джейсона отдать приказ капралу спуститься.

- Гловер, немедленно вниз!

Странная прямая молния сверкнула над землей. Останец лопнул с сухим треском. Во все стороны, словно шрапнель, брызнули раскаленные добела острые осколки.

Кто-то глухо зарычал, пытаясь справиться с болью, кто-то отчаянно выругался. Рейнджеры защелкали затворами винтовок, намереваясь принять бой. Ночной Ветер - один из двух проводников-семинолов - присел на корточки, прижимая ко лбу ладони. По его лицу и волосам, заплетенным в две косы, струилась кровь.

- Не стрелять! - крикнул Джейсон. - Отступаем к заливу!

В этот момент «Кентукки» дал очередной залп. Было неизвестно, вняли ли наводчики предупреждению с суши. Снаряды пронесли над

холмом, едва не подровняв его вершину.

Джейсон отступал последним. Он обернулся и увидел, что над лесом колыхнется лиловое сияние. На верхушках секвой, словно рождественские звезды, загорались огни святого Эльма. Джейсон замер, наполовину продравшись сквозь стену плюща. И дело было даже не в том, что задания получить о противнике как можно больше сведений никто не отменял. Вполне очевидная растерянность перед лицом могучих и непонятных сил овладела Джейсоном.

- Лейтенант! Что это вы?.. Лейтенант! - кто-то по другую сторону зеленой стены дернул его за пояс.

Джейсон поднял руку, чтобы отмахнуться, но не тут-то было: с земли в небеса ударили четыре прямые молнии. Стало так же светло, как и днем, или, быть может, еще светлее. От адского грохота у Джейсона заложило уши; взрывная волна сбила с ног и впечатала в подстилку из опавшей хвои. Глядя, как меркнет над лесом багровое, похожее на каракатицу облако, лейтенант ошарашено пытался сообразить, что произошло. Очевидно, снаряды с «Кентукки» взорвались на подлете к цели. Следовательно, можно было осторожно предположить: не враг ли вызвал эту преждевременную детонацию? Осторожно, ведь если это действительно так, если неприятель способен обезопасить себя от самого мощного оружия, созданного человеком на сегодня, то... Господи, спаси Америку!

В ушах звенело. Джейсон чувствовал, как дрожит земля: механизмы приближались. Его подхватили за плечи с двух сторон и помогли подняться на ноги. Джейсон протер глаза, огляделся. Осколками сильно порубило деревья, повсюду валялись отсеченные ветви. Капралу Гловеру тоже не повезло, он лежал, наполовину засыпанный ветвями, прижимая к груди сигнальные флажки. Хвойная подстилка вокруг него стала черной от пролитой крови.

Джейсон подхватил винтовку и побежал следом за рейнджерами.

Механизмы обогнали их, пронеслись западнее. Тяжелые машины разогнались до умопомрачительной скорости. Пожалуй, столь же быстро могли двигаться только паровозы новых моделей. При этом механизмы ловко огибали деревья и перемахивали через скальные останцы, если такие попадались на пути.

Пробив брешь в молодой пальмовой роще, механизмы выбрались на побережье. Бронированные лапы взрыли мокрый песок. По пляжу заскользили лучи боевых фонарей «Кентукки», неуверенно тявкнул пулемет Браунинга...

Лейтенант увидел, как за кромкой леса вспыхнул тот самый, не сулящий ничего хорошего, ослепительный свет.

- Рейнджеры! - заорал он, щурясь, словно на солнце. - Винтовки к бою! Гранаты к бою!

Но сражаться уже было не с кем.

Механизмы степенно удалялись на восток, туда, где Оклокони впадает в море.

То, что осталось от «Кентукки», каким-то чудом еще держалось на плаву. Броненосец лишился всех надстроек, стальная палуба исчезла, огромный корабль походил на вскрытую консервную банку. Рейнджеры, раскрыв рты, глядели, как пляшет пламя по оказавшимся снаружи отсекам и коридорам.

Потом прогремел очередной взрыв, и корму броненосца подбросило на добрых две дюжины футов. Корпус раскололся поперек, после этого «Кентукки» в считанные секунды пошел ко дну.

Джейсон посмотрел на восток. Механизмы уже растворились во тьме. Прилив лизал трехпалые отпечатки, похожие на следы доисторических чудовищ.

- Лейтенант, можете ли вы сделать предположение, какого вида оружие было применено механизмами против «Кентукки»? - спросил полковник Салливан.

Джейсон покачал головой. Глотнул остывший кофе и качнул головой еще раз.

- Я не знаю, что вам ответить, господин полковник. Но это была явно не знакомая нам артиллерия. Быть может... - он запнулся. - Простите, джентльмены. Быть может, какого-то рода... электрическая пушка?

Капитан Дюваль постучал мундштуком трубки по коричневым зубам. Майор Макмаерс отложил перо, взглянул на Джейсона, потом на Салливана и Дюваля.

- С вашего позволения, господа, - проговорил он. - В Нью-Йорке большой популярностью пользуется инженер из Восточной Европы. Он буквально покорила обывателей лекциями об электричестве и эфирных телах, а также фокусами с демонстрациями оных, так сказать, в действии. Если кто-то и способен на создание электрической пушки, так это, прежде всего, он.

- Вы говорите о Тесле, - подхватил полковник Салливан. - То, что вы, майор, назвали фокусами, на самом деле имеет гораздо большее значение. Компания моего кузена, к слову, выступает подрядчиком в строительстве Ниагарской гидроэлектростанции.

Дюваль выдохнул в потолок облако табачного дыма.

- Я не верю ни в какие электрические пушки, - просипел он, топорща усы. - Но мы должны обезопасить себя со всех флангов. Если есть подозрение, что против нас используют электричество, - стоит пригласить этого самого Теслу. Если вы подозреваете, что не обошлось без нечистой силы, - вызовем из Ватикана экзорциста.

- Полагаю, я составлю соответствующий рапорт, - сказал Салливан. - Пусть командование позаботится о привлечении независимых специалистов, если увидит в этом необходимость. Мы же должны

действовать так, как умеем и как привыкли. И как велит нам честь.

- Я полностью с вами согласен, полковник, - Дюваль важно погладил бороду.

- Лейтенант!

- Да, сэр! - Джейсон поспешно встал.

- Когда ваш взвод будет готов снова выйти на охоту?

- Когда прикажете, сэр!

Салливан и Дюваль переглянулись.

- Тогда выдвигайтесь немедленно, - приказал полковник. - Задача остается прежней: в бой не вступать, наблюдать и передавать сведения.

- Так точно!

- Я хочу, чтобы вы выяснили, куда направляется враг, - продолжил Салливан, - и какие у него, черт побери, цели. Ну, а если вы обнаружите его уязвимые места... - полковник развел руками.

- Разрешите выполнять?

- Идите с Богом.

Джейсон повернулся кругом и вышел из палатки.

— Мальчишка! И я был горяч в его годы! - Салливан ткнул большим пальцем вслед лейтенанту. - Что-то не укладывается у меня в голове, господа... Неприятель разрушил Апалачиколу, отошел миль на пятнадцать в глубь материка, разорил несколько поместий и деревень, потом вернулся на побережье и потопил «Кентукки», затем снова двинулся в сторону Оклокони. Как-то это больше похоже на топтание на месте, чем на войну с захватом плацдарма, укреплением флангов и тыла... Вы не находите?

- Вот и хорошо, полковник, - отозвался Дюваль. - Тем скорее мы с ним справимся.

III

Синклер был обескуражен. Портье сообщил, что постоялец из сорок второго номера (этот Тесла всегда останавливался в номерах, кратных трем!) его не дождался.

Генерал вынул из внутреннего кармана пиджака хронометр на толстой золотой цепочке. Да, так и есть. Он опоздал на встречу на пятнадцать минут. Вернее, на семнадцать с половиной... «Я жду вас завтра, ровно в двенадцать пятьдесят восемь», - сказал ему этот бесконечно вежливый чудак. Синклер, как и всякий другой человек, посвятивший жизнь военной службе, был дисциплинированным и пунктуальным малым. Вот только работать ему приходилось сейчас с сенаторами да конгрессменами, на большинство из которых эти качества не распространялись. Генерала задержали на совещании, но он

ухитрился выкроить время и заехал к себе на съемную квартиру, чтобы сменить мундир на гражданский костюм. На перекрестке Восьмой-авеню и Четырнадцатой-стрит перевернулся дилижанс, следовавший в почтовое управление, брусчатка исчезла под ворохом писем, под горами бандеролей и посылок. Пришлось ждать, пока дорога расчистится. А время все текло, текло... Неумолимое, драгоценное время.

- Сэр! - обратился портье к Синклеру. - Человек, который вас интересуется, в это время обычно гуляет в Центральном парке. Вы можете подождать его в холле или попробовать перехватить на Восьмой-авеню.

- Ушел?

- Ушел, сэр.

Синклер сухо поблагодарил и награбил портье двумя долларами.

Кэб ждал генерала недалеко от входа.

- Центральный парк, южная сторона. Гони быстро, как на пожар!

Иголка в стоге сена! Синклер даже не надеялся, что сможет разыскать эксцентричного изобретателя. Так, посмотрит для успокоения совести на нескольких перекрестках - и обратно в гостиницу «Нью-Йоркер». А уж когда Тесла вернется с прогулки...

- На севере Флориды бушует смертоносный ураган! - чумазный мальчуган расхаживал перед воротами парка с кипой газет под мышкой. - Правительство США собирается объявить эвакуацию!

Синклер купил газету. Это была «Нью-Йорк Пост».

- Ужасная трагедия! Восемьсот человек погибли в один миг! - сверкая глазами, зазывал второй мальчишка, но уже за воротами Центрального парка. - Броненосец «Кентукки» подорвался на мине!

Синклер купил и эту газету. На сей раз ему в руки попал пулитцеровский «Уорлд».

- Сенсация! Знаменитый изобретатель утверждает, будто принимает послания с Марса! - вещал из кленовой аллеи третий паренек.

Синклер увидел на первой полосе фотографию Теслы и, естественно, снова вынул бумажник. Это была «Нью-Йорк Трибьюн».

Довольствоваться беседой с фото генералу не пришлось. Наверное, ему чертовски повезло, но оригинал оказался неподалеку. Тесла, одетый в безукоризненный костюм, шел в направлении фонтана Бельведер.

Он не торопился, раскланивался со встречными дамами и господами, декламировал на ходу «Фауста»:^{*4}

*Могучий дух, ты всё мне, всё доставил,
О чем просил я. Не напрасно мне*

---

⁴ * Перевод с нем. Н.Холодковского.

*Свой лик явил ты в пламенном сиянье.
Ты дал мне в царство чудную природу,
Познать ее, вкусить мне силы дал;
Я в ней не гость, с холодным изумленьем
Дивящийся ее великолепью, -
Нет, мне дано в ее святую грудь,
Как в сердце друга, бросить взгляд глубокий.*

Синклер догнал Теслу и несколько минут молча шел с ним бок о бок. Когда Тесла прекратил чтение, чтобы перевести дух, генерал поинтересовался:

- А вы действительно принимаете сообщения с Марса?

- Что вы! - Тесла всплеснул руками. - Марс холоден и пустынен. Существа, его населяющие, погрязли в гордыне и заботах о сохранении собственного вида от неминуемого вырождения. Они давно никому не посылают сообщений.

- Вы шутите? - вздохнул Синклер.

- Едва ли. День, когда все люди на земном шаре взглянут на небосвод с чувством любви и благоговения, взволнованные радостной вестью: «Братья, получено сообщение из другого мира, далекого и неизвестного!», станет самым значительным в истории нашего грешного вида.

Синклер огляделся и проговорил, понизив голос:

- Господин Тесла, четыре шагающие машины неизвестной конструкции продолжают хозяйничать на севере Флориды. А вы изволите шутки шутить.

- Не обессудьте, сэр. Поначалу я собирался наделить ваших солдат способностью управлять молниями, но почти сразу отказался от этой мысли. Так или иначе, потребовалось бы, чтоб солдаты находились на расстоянии прямой видимости от этих пресловутых машин. Полагаю, у ваших людей не было бы преимущества перед врагом, который виртуозно владеет энергетическим оружием. Вдобавок управлять молнией и справляться с «винчестером» - совсем не одно и то же. Необходимы особая подготовка и время, чтобы овладеть навыками на достаточном уровне.

- Значит, обойдется без «лучей смерти»... - Синклер потер гладко выбритый подбородок. - Жаль. Я надеялся на что-нибудь... эдакое...

- Сейчас я склоняюсь к идее особой радикальной защиты, которая бы являлась одновременно и маскировкой.

- Звучит многообещающе, черт побери! - пробубнил Синклер, закуривая.

- Вы слышали о моих работах с вихревыми эфирными объектами? - спросил Тесла.

Синклер почуял в голосе изобретателя потаенное волнение. Было

очевидно: тому небезразлично, сколько человек знакомо с его теориями и что о них думают. Такое трепетное отношение к своей работе было свойственно скорее писателям и актерам, нежели инженерам.

Генерал, конечно, изучил все документы, которые касались личности Теслы, а также синопсисы его статей и докладов. Но походило на то, что в одной не очень молодой голове не могло уложиться все, чем жил этот серб с горящими глазами.

Тесла по-своему воспринял молчание Синклера.

- Я построил генератор, который создает эфирные вихревые кольца. Это была убедительная победа, доложу вам, сэр. Какое-то время я находился в эйфории. Мне казалось, теперь я могу все...

Тесла метнулся с дорожки на лужайку. Синклер дернулся от неожиданности и выронил папиросу. Тесла сделал один быстрый шаг, второй - с прискоком, выставил вперед руки и крутанул сальто: даже шляпа с головы не слетела.

После этого он вернулся на дорожку, отряхнул перчатки и виновато улыбнулся.

- Я стараюсь поддерживать физическую форму.

Синклер, побагровев, поглядел на Теслу. Затем на свой пиджак: чуть ниже груди появилась прожженная папиросой дырочка.

- Прошу меня извинить, - Тесла поклонился. - Я работаю с электрической энергией. Темперамент!

- Не берите в голову, - выдавил Синклер. - Вы начали что-то говорить об особой радикальной защите...

- Да. Полагаю, я видел подходящее военное судно. Позавчера оно прошло по Гудзону. Округлый корпус, четыре трубы расположены квадратом, будто ножки стола.

Генерал лихорадочно вспоминал.

- Да. Это «Небраска», - сказал он, чуть погодя. - Старый броненосец, отправлен на стапель Бруклинской военно-морской верфи для модернизации. Впрочем, он может быть с минуты на минуту возвращен в состав Атлантической эскадры, учитывая положение во Флориде.

- Это весьма кстати, что судно сейчас находится на стапелях. Я бы хотел посетить верфь и внести ряд предложений по усовершенствованию корабля. Если вы, конечно, еще заинтересованы в сотрудничестве с безумным ученым.

IV

«Силосная башня, - подумал генерал Синклер, перелистывая новое донесение из Флориды. - Хранилище для сочного корма, черт возьми. Вот для чего им нужны люди и скотина. Они, оказывается, решили у

нас ферму обустроить... На наших костях!»

За окном шел дождик, сшивая четкими строчками свинцовое небо и воды залива Уоллэбаут. Вечерело, в прокуренной гостиной для виперсон Бруклинской военно-морской верфи горел камин. Синклер сидел, откинувшись на спинку дивана и вытянув ноги.

Сверкнула молния, над морем пророкотало. Стая чаек, стена почти по-человечьи, пронеслась над подъемными кранами.

Генерал поймал себя на мысли, что ему неизвестно, по чьему велению случилась гроза: это Тесла экспериментирует со своими генераторами или Господь решил напомнить о себе?

Работа по переоборудованию «Небраски» началась. Государственный секретарь и начальники обоих штабов - армии и морских операций - подмахнули резолюцию не глядя. Тесла, наверное, забыл о том, что раньше спать приходилось по два часа в сутки. Теперь он не смыкал глаз вовсе. По крайней мере, никто не видел, чтобы он спал. Ведь дела на юге, согласно донесениям, были хороши, как у утопленников.

В дверь постучали.

- Да-да, - Синклер поднял очки.

Порог переступил начальник верфи контр-адмирал Бэрри.

- Ты в порядке, Фрэнк? - поинтересовался Бэрри у Синклера.

- Ага, - ответил генерал. Он запрокинул голову и потер переносицу. - Как вы?

- Мы-то? - Бэрри подставил к камину стул и присел. - Аврал есть аврал.

- У тебя имеются сомнения?

- Стихийная перекомпоновка боевого корабля - без проекта, согласно схемам, начертанным на салфетке, - претит моей бюрократической натуре.

- Бумаги, бумаги... - вздохнул Синклер. - Завалить бы неприятеля бумагами! То-то достойная была бы смерть для мерзавцев.

- Генераторы займут много места на палубе, - продолжил контрадмирал. - Увеличится осадка, при сильном шторме «Небраска» может вообще кувырнуться кверху килем.

Синклер покивал. Потянулся за папиросами.

- «Небраска» выйдет в море, как только Тесла закончит с генераторами, ни часом позже, - сказал он.

- Фрэнк, то, чем морочит нам головы Тесла... - Бэрри сложил пальцы щепотью. - Эти эфирные объекты, вихревые тела... Это звучит столь дико... Даже я начинаю верить, что он - марсианин чертов.

- Брось, Чарлз! - Синклер поморщился, будто от разлития желчи.

- Он заставил убрать со стапелей всех, кто мало-мальски простужен, кто чихает и вытирает себе нос. Невзирая на их квалификацию и значимость для работы! Экое расточительное чистоплюйство! А сегодня он потребовал забрать его обед и подать другой, потому что на

стол, представь себе, села муха.

- Колесом не ходит во время работы?

Бэрри вздохнул, расстегнул воротник.

- Вроде нет, Фрэнк, - ответил он, подумав. - Гёте цитирует.

- И славно. Тебе ведь ясна его затея?

- Относительно, - согласился Бэрри. - Генераторы Теслы, войдя друг с другом в резонанс, создадут вокруг «Небраски» эфирный вихрь, который будет огибаться электромагнитными волнами, в том числе видимым светом. Теоретически, «Небраска» должна стать невидимой или частично невидимой.

- Кроме того, Тесла уверен, что машины неприятеля определяют местоположение цели по ее способности отражать радиоволны. Броненосец перестанет отражать какое-либо излучение, соответственно, средства наведения на цель ослепнут.

- Нам бы такое... гм... наведение на цель... Да откуда он может знать?!

- У Теслы исключительная интуиция, - пояснил Синклер. - Дар Божий. Кроме того, я знакомлю его с содержанием донесений с юга. Под свою ответственность, разумеется. Основываясь на умозаключениях Теслы, мы установили сроки переоборудования «Небраски». Чарлз, я понимаю, каков риск. Но то, что делаем мы, - это «план Б». Завтра утром кольцо вокруг северной части Флориды сожмется. Даст Бог, «Небраска» так и останется в Нью-Йорке. Однако Тесла говорит, что враг не станет воевать... Воевать в нашем понимании. И это, признаюсь, меня пугает до коликов в печенке.

V

С бронепоездом механизмы разобрались еще быстрее, чем с «Кентукки». Под скрежет металла и стон сминающихся гармошкой вагонов охваченный пламенем и клубами пара состав сошел с рельс и завалился на бок. Прогрохотала серия взрывов - то пошли в расход боеприпасы, разрывая вагоны изнутри.

Кавалерия из Таллахасси напоролась на стену огня и повернула назад, смешав строй следовавшей за ней пехоты. Артиллеристы не успели подготовить орудия, бросили их вместе с лошадьми посреди болот и дали деру, куда глаза глядят. Механизмы побродили среди пушек как неприкаянные. Затем походя пустили под откос поезд с беженцами из Панама-Сити и отступили на восток. Рейнджеры едва успели убраться с их дороги.

- Они не воины, сэр, - втолковывал Говорящий с Туманом Джейсону. - Они - стая. Землевладения, понимаете меня, сэр? Они тут охотятся и не позволяют сунуть нос другим волкам и медведям. Понимаете, сэр?

- Будь ты проклят, Говорящий с Туманом, - отмахнулся Джейсон. -

Прикажешь, так и сообщить в штаб?

- Я всего лишь краснокожий, сэр. Но я умею отличить поведение человека от повадок зверя. А вы, сэр?

- Может, подскажешь, как их уделать, а?

Говорящий с Туманом был невозмутим.

- Не подскажу, сэр. Но вы не сможете их победить, как когда-то мы не смогли победить вас.

Джейсон сплюнул.

- Черт знает что...

Рядовой Флэнеган подошел к семинолу и спросил, глядя исподлобья:

- Я не понял, ты вообще на чьей стороне?

Флэнегана поддержали остальные солдаты.

- Так, заткнуться всем! Вы не на митинге! - Джейсон насупился, прошелся по тенистой прогалине туда-сюда. Рейнджеры расселись на земле. Были они грязны, злы и измотаны сверх всяческого предела. Операция провалилась, брошенные пушки торчали посреди болота, над железной дорогой стелился дым, бронепоезд догорал... Значит, снова придется гнаться за неприятельскими машинами. А у них ход - с рейнджерским не сравнится. Снова без сна и отдыха...

- Послушай, Джошуа, - Джейсон назвал Говорящего с Туманом по имени, данному индейцу при крещении, - по-твоему, наш враг ведет себя, как дикий зверь?

- Правильно, сэр, - согласился семинол. - Зверь, как пума или ягуар.

- Так что же это получается? Он отхватил у нас территорию и теперь охраняет?

- Как-то так, сэр.

- Большая у него территория, тысяча чертей, - высказался рядовой Флэнеган, присаживаясь в тени секвойи. - Крупный хищник...

- Как-то так! - передразнил индейца Джейсон. - Как-то так, да? По-твоему, механизмы разделались с броненосцем и поездами, потому что решили, будто те претендуют на их территорию? Не мы, а наши машины, да? Это с нашими машинами они воюют? Отвечай!

- Я всего лишь неграмотный семинол, сэр...

- И кто же для них мы, если они видят врага не в нас, а в наших машинах?

- Мне это неведомо, господин лейтенант!

Рейнджеры заржали.

- Молчать! - снова рявкнул Джейсон. Сразу стало слышно, как ноет отвратительная розовая мошкара над лужами со стоячей водой.

- Джошуа, побереги эти сказки для гражданских, - Джейсон сменил гнев на милость. - Скажи-ка, как нам выгоднее миновать эти болота, чтоб снова выйти на след?

Индеец почесал немытую голову, поглядел задумчиво на топь.

- Нам придется пройти тропую оцелотов... - проговорил он задумчиво.

Джейсон слушал индейца, пожевывая табак, а в голове возникали картинки одна безумнее другой. Война машин за территорию. Лязг стальных сочленений, клубы дыма и искры из труб. Клепаные бронепоезда сшибаются с шагающими монстрами из ниоткуда. И над всем этим стоит не здравый смысл, а закон стаи.

А что же люди?

А что же похожие на слизней твари, которые управляют вражескими механизмами?

Быть может, последние настолько сроднились со своими шагающими монстрами, что считают себя с ними одним целым? Полагают, что бронепоездами и кораблями управляют такие же придатки-люди, а те, кто не имеет машинного воплощения, - это корм подножный, грязь, которую вообще не стоит принимать во внимание? Если так, то эти слизи не умнее той самой розовой мошкары, что назойливо сейчас лезет рейнджерам в лица...

Клубок взаимоотношений никак не распутывался. Джейсон мысленно попенял себе за то, что недостаточно долго и усердно учился в колледже. На первый взгляд, то, в чем его пытался убедить Говорящий с Туманом - бред сивой кобылы. Зато так легко объяснялись бестолковые с военной точки зрения, почти хаотичные, перемещения механизмов.

Джейсон принял решение.

- Ладно... Выдвигаемся, ребята! Рейнджеры!..

- ...указывают путь! - отозвался взвод.

- Рейнджеры!..

- ...указывают путь!

В следах, оставленных механизмами, пузырилась болотная жижа. Топь начиналась прямо в подлеске, сапоги рейнджеров мгновенно обросли тяжелой коркой.

- Их слишком мало! - прервал размышления Джейсона рядовой Флэнеган. - Они не смогут долго водить армию США за нос! Да, они очень быстрые! И вооружены, как нам и не снилось. Но скоро их загонят в самую топь и расстреляют из пушек! - он захихикал, демонстрируя большие зубы. - Да! Или закидают гранатами!

- Стая будет множиться, - снова плеснул масла в огонь семинол. - Им понадобится много места. Они осквернят землю, как портят термиты дерево, а крысы - скирды. - Он ковырнул носком мокапина наслоение влажного, кроваво-красного мха. - Эти леса и болота станут другими, здесь поселятся их паразиты, человек не сможет здесь жить! - Индеец указал пальцем на одинокую сосну, с лап которой свисала склизкая на вид коричневая бахрома, вроде водорослей.

Джейсон фыркнул.

- Как же они будут множиться, Джошуа? Что-то ты, Говорящий с Туманом, заврался...

- Бог создал Адама из глины, - брякнул невпопад Флэнеган, отгоняя от лица розовых мошек.

Джейсон нежданно-негаданно почувствовал вдохновение.

- Ну-ка, скажите мне: если сравнивать нашего врага с волчьей стаей, то что у него непременно должно быть? - спросил он рейнджеров.

- Что-что? Мы почему знаем, командир? Логово, что ли?

- Вот именно, джентльмены, логово... - Джейсон хлопнул ладонью по полевой сумке, в которой он хранил карту.

Со стороны моря дул сильный ветер. Края карты, разложенной на известняковой плите, трепетали, точно крылья колибри. Джейсон, отправляя в рот очередную порцию жевательного табака, словно в первый раз глядел на пунктирные петли и кривобокие восьмерки, нанесенные им самим во время этой безумной кампании.

- Как думаешь, Джошуа? - спросил он семинола. - Вот здесь линии пересекаются чаще, чем где-либо. Что находится в этом месте?

Индеец склонился над картой. Джейсон увидел, как затрепетали желваки на загорелом лице проводника.

- Старое капище индейцев апалачи, господин лейтенант. Забытое и трижды проклятое священниками место.

Море штормило, но броненосец «Небраска» был нерушим, как остров. Модернизированный корабль готовился покинуть залив Уоллэбаут, чтобы присоединиться к Атлантической эскадре.

Генерал Синклер и Николас Тесла стояли на террасе над волнорезом и глядели на творение рук своих.

И без того необычные абрисы «Небраски» стали еще более причудливыми. Огромные генераторы Теслы соперничали в высоте с дымовыми трубами, вокруг них все еще громоздились монтажные леса, убрать которые попросту не оставалось времени. Многочисленные кабели свисали петлями за борт, на палубе им места уже не нашлось.

- Индейцы апалачи исчезли больше века назад, только название осталось. Горы, залив, река, город... - сказал Синклер, закуривая. - В общем, наследить им удалось. У краснокожих не было шансов. Сначала испанцы, потом англичане... Те, кто уцелел, ассимилировались среди прочих племен. Я вырос в краю апалачей и многое о них слышал. Они были солнцепоклонниками, м-да... Называли солнце Престолом Храбрых. В наставшие тяжелые времена они заклинали своего языческого бога, чтоб он ниспослал им защитника, а позднее... позднее молили о мстителе.

- Вы получили своего мстителя, - Тесла указал на «Небраску». - Этот корабль олицетворяет силы космоса, укрощенные человеком. Какую бы природу ни имел наш враг, законы физики довлеют и над ним.

- Не стоит раньше времени восхищаться этим технологическим монстром Франкенштейна, - проговорил Синклер, не выпуская из губ

папиросу. - Сейчас слишком многое поставлено на карту. Если «Небраска» оправдает ожидания, я лично прослежу за тем, чтобы всякая ваша американская мечта сбывалась сразу после того, как вы сформулируете ее вслух или письменно.

Тесла поправил шляпу.

- Техника не подведет, если не подведут люди, генерал.

VI

Место, обозначенное на карте значком, похожим на стрелковую мишень, находилось на лесистом взгорье, на расстоянии двадцати артиллерийских кабельтовых от побережья. Это была предельная дальность для главного калибра «Небраски».

Ночь снова пахла орхидеями, а орхидеи отдавали мертвечиной. Над пальмовыми рощами на побережье взошла полная луна, и бухта сразу стала наполняться туманом.

Туман был самым необычным из всех, что когда-то приходилось видеть существам, рожденным на Земле. Туман пульсировал, словно живой. В его толще то появлялся, то исчезал веретенообразный сгусток, сплетенный из зеленых молний. От этого вся взвесь светилась призрачным светом, будто одна болотная гнилушка исполинских размеров.

Над оплетенными плющом скалами метались нетопыри. Скалы врезались в пологий склон возвышения, на вершине которого находилось пресловутое «логово», двумя кособокими лестницами. На ступенях этих лестниц затаились, распластавшись, рейнджеры лейтенанта Джейсона. С высоты были видны бухта и светящаяся поволока, что поглотила волны вместе с лунной дорожкой.

Со стороны бухты донесся гулкий рокот: словно пустую бочку кто-то уронил. В вышине зазвучал знакомый хулиганский свист.

Снаряд угодил в болотце у подножия скальной лестницы. Столб болотной жижи и воды вздыбился до небес. Грязные брызги окатили рейнджеров, которые лежали ни живые, ни мертвые на своих позициях. Надсадно закричали ночные птицы, заметались над болотами, слепые со сна.

Вызов был брошен.

И зверь покинул логово.

Загрохотали по склону тяжелые шаги. Заныли металлические сочленения, принаравливаясь к возрастающей скорости. Два механизма спустились с возвышенности, вода сегментными хвостами параллельно земле. Из пальмовой рощи донесся треск, кроны заходили ходуном, в просветах между листьями сверкнула, отражая лунный свет, сталь. Вся свора двигалась к пляжу, и, если верить

расчетам командования, в распоряжении рейнджеров будет до десяти минут, чтобы выполнить задание.

Сама судьба подкинула им шанс, чтобы свести счеты с неведомым врагом. Механизмы шесть дней выписывали «восьмерки» вокруг логова, не продвигаясь в глубь континента. Тому была причина: на старом индейском капище что-то происходило. Солдаты в Апалачиколе, Панама-Сити и Пенсаколе слышали, как грохочут молоты, а в ясные ночи были видны снопы искр, что били в небо с непримечательного холма...

Джейсон вскочил на ноги, присвистнул. Через миг взвод уже мчался вверх по склону: бесшумно и очень быстро. Лишь Говорящий с Туманом дышал сипло и волочил ноги. Ветряная оспа, которую индеец подхватил во время последнего визита в Апалачиколу от кого-то из беженцев, здорово подкосила проводника. И перепоручить больного медикам не было возможности: рейнджеров неделю кряду не отзывали с болот.

Они одолели подъем в считанные мгновения и вбежали на плато. Площадка утоптанного глинозема была окружена чахлыми акациями и кустарниками. В центре полыхали костры. Сквозь жаркое марево и завесу из подвижных теней просматривались очертания одинокой скалы. Джейсон прищурился: или все-таки строения?

- Винтовки к бою! Вперед!

Он уже видел, что за кострами находится не скала, а еще один вражеский механизм. Выглядел он совсем не так, как те, кто вышел защищать территорию, и Джейсон сразу смекнул почему.

Не успели достроить... Нет тяжелой брони. Кабина раскрыта, наружу свисают кабели и трубки разного диаметра.

Повеяло кислятиной. Из-за недостроенной машины вышло нечто темное, гротескное, ни на что не похожее. Дряблая плоть была натянута на торчащие в разные стороны и тонкие, будто арматура, кости. Отблескивала в свете костров покрытая испариной серо-зеленая кожа. Голова сползла на грудь, как сползает по наклоненной сковороде разбитое яйцо. Среди беспорядочных наслоений плоти поблескивали круглые, отражающие свет глаза. Рука была одна. А точнее - не рука, а некая конструкция из металла, плоти и костей.

Джейсон на какой-то миг опешил. Нелепое создание вдруг раздулось воздушным шаром, выставило в сторону приближающегося взвода гротескную конечность. Сжалось, одновременно выпуская из сопла на лапе струю пламени.

Кто-то успел нажать на спусковой крючок, но большая часть взвода уже лежала на земле.

Джейсон скатился в какую-то яму. Рядом приземлился на спину больной и неловкий Говорящий с Туманом. Дно ямы было устлано жидкой грязью, стены оказались сложенными из бута и глины. Скорее

всего, они относились к культовому сооружению исчезнувших апалачей, впрочем, Джейсона в тот момент это совершенно не интересовало. Он вскочил, потянулся к сумке с гранатами, но расстегнуть ее не успел.

Говорящий с Туманом молча боролся с огромным слизнем. С одним из машинистов. С хищной гадиной, обладающей куриными мозгами, но легко управляющейся с невероятной техникой. А может, и не такие уж куриные мозги скрывались внутри похожей на человеческий череп головы... Это они, рейнджеры, купились на индейские бредни наемника-проводника.

Лейтенант кинулся на помощь. Двинул прикладом в костистую морду машиниста. Потом перехватил винтовку и всадил штык в жирный бок. Лезвие рассекло плоть, точно нож - заливное. Края раны тут же сомкнулись. Какие-то белесые насекомые, что до этого момента копошились в слизи, кинулись к ране. И не успел Джейсон выдернуть штык, как они уже перебрались с машиниста на винчестер, а с винчестера - лейтенанту на руки. Джейсон заорал благим матом. Он уронил винтовку и упал на колени, стараясь смахнуть безобидных с виду букашек. Руки запылали огнем, будто их макнули в ведро с ламповым маслом, а затем подожгли. На тыльной стороне ладоней мгновенно вздулись синюшные волдыри.

Говорящий с Туманом смог освободить одну руку. Выхватил нож и несколько раз воткнул туда, где, надо думать, у машиниста находилось горло. Слизень нехотя подался всей тушей назад. Индеец освободил вторую руку - в ней был зажат томагавк - и сейчас же ударил машиниста снизу вверх, целя в голову.

Джейсон наконец разделался с ядовитыми букашками и снова подхватил винтовку. Пальцы отказывались слушаться, и все же лейтенант, бормоча ругательства, передернул затвор и с бедра выстрелил в слизня.

Машинист отступал. Тек огромной каплей, грудой склизкой плоти. Он проглотил боком пулю, плеснул из раны, прежде чем ее края затянулись, молочно-белой жидкостью. Просочился в неприметный лаз, что располагался внизу старой стены, исчез, оставив на стене слюдяной след.

Лейтенант расстегнул сумку с гранатами. Швырнул одну в лаз и сразу кинулся на землю. Гроыхнуло, часть стены обвалилась. Яму заволокло пылью.

Только после этого Джейсон понял: и наверху кипит нешуточный бой...

Светящийся туман накрыл пляж, натолкнулся на редкую гребенку из пальмовых стволов, потек дальше. Механизмы остановились сразу за рощей.

Дымка на долю секунды раздвинулась, выплюнула старую шляпку,

которая тут же уткнулась носом в сглаженные морем валуны. Механизмы как по команде повернули к ней, затопали ножищами по мокрому песку.

Секунда, другая - и вот они уже у воды. Красные лучи, что тоньше швейной иглы, полились из башнеподобных кабин, заскользили по гнилому днищу. Механизмы были сбиты с толку, вокруг них бушевали потоки энергии, источник которой оставался неизвестен. И они искали источник.

Над волнами, скрытыми наэлектризованной поволокой, зазвучала труба, объявляя атаку. Трубу поддержала барабанная дробь...

Сверкнуло пламя. Тонны воды и песка накрыли пальмовую рощу.

Снаряды падали густо, пробивая в ровном песчаном побережье фьорд. Механизмы, пританцовывая, чтобы устоять в эпицентре светопреставления, ударили из электрических пушек вслепую. Над бухтой засверкали ветвистые молнии. Но светящийся туман поглотил всю мощь залпа.

Через миг взлетел на воздух первый механизм. Его обломки усеяли болота на несколько миль окрест. Второй лишился обеих ног и хвоста, его бронированная кабина покатила по сотрясаемому взрывами пляжу. Третий и четвертый попытались ретироваться, но их накрыло шквалом осколков, а сверху, точно молот на наковальню, упал снаряд, выпущенный из орудия главного калибра.

Грохот пушек «Небраски» на какое-то время заглушил остальные звуки. Рейнджеры, прижатые огнем, что извергало нелепое создание (строитель нового механизма? охранник?), боялись поднять головы. Джейсон выбрался из ямы, залег за грудой камней. На фоне костров маячил нечеловеческий силуэт врага. Теперь Джейсон видел: недостроенный механизм окружают не костры, а горловины в земле, откуда вырывается пламя. Лейтенант понял, что он укрылся за отвалом руды, а вокруг недостроенного механизма, внутри холма, пылают плавильные печи.

Потом грохот прекратился. Стало слышно, как кричат и молят о помощи обожженные солдаты. Чудовище подняло дымящуюся лапу вверх, поглядело в одну сторону, в другую... Сипло заскулило, как порой скулит старый, несправедливо обиженный хозяином пес. А затем припустило на коротких своих ножках к склону. Существо хромало, рейнджеры все-таки умудрились нашпиговать его свинцом. У спуска оно завалилось на бок; дряблая плоть разошлась, обнажился отсвечивающий металлом остов. Уцелевшие рейнджеры, округлив глаза, глядели, как разваливается на куски чудовище, точно с гибелью последнего механизма иссякла черная магия, что наделяла эту безобразную гору плоти, начиненную железом, подобием жизни.

Над бухтой взлетели две сигнальные ракеты. Вторая часть

Марлезонского балета должна была начаться с минуты на минуту.

- Все, парни, - Джейсон повесил винтовку на плечо. - Хватаем раненых, ноги в руки - и бегом отсюда!

- Так точно! - ответили ему.

- Где Говорящий с Туманом? - Джейсон поглядел в яму, в которой минутами ранее они сражались с машинистом. Яма была пуста. - Где этот чертов индеец?

Ему никто не ответил.

...Они отступали. От взвода осталось два с половиной отделения. Каждый был рад убраться подобра-поздорову, каждый надеялся, что эта безумная кампания подошла к концу и что их наконец отзовут из болот и лесов Флориды. Что запах орхидей, напоминающий душок тлена, наконец выветрится из их голов.

Лейтенант обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на «логово». По-прежнему огонь вырывался из подземных печей, в его свете возвышался беспомощный Голиаф - недостроенный боевой механизм. Там и здесь виднелись какие-то ямы, свежие отвалы земли и руины древних строений, сооруженных из необработанного камня исчезнувшими индейцами апалачи.

Если судить строго, то его рейнджеры провалили задание. Они ничего не узнали о противнике. Они не успели толком даже осмотреться. Командование предполагало: механизмы откликнутся на «вызов», и «логово» останется без защиты. Так что Джейсон и его рейнджеры смогли лишь посмотреть в замочную скважину, открыть дверь и войти им оказалось не по плечу.

Взлетела красная ракета.

- Бегом, мать вашу! - Джейсон подставил плечо раненому Флэнегану, поднажал, заставляя того быстрее переставлять ноги. Рядовой заныл, но прибавил ходу. - Бегом, бегом, братцы! Иначе мы покойники!

И снова под покровом светящегося тумана грянули пушки. Засвистели в воздухе многотонные снаряды. Едва-едва рейнджеры успели унести ноги, как артиллерия «Небраски» прошла огненным валом по «логову», ровняя с землей все, что только можно было сровнять.

Светящийся туман растаял. На бухту опустился мрак, перед которым пасовал свет полной луны, и рейнджеры зажгли факелы. «Небраска» застыла черным айсбергом, ни один огонек не освещал ее надстройки. Корабль казался мертвым. Если бы не чей-то истерический смех, доносящийся с борта броненосца, рейнджеры бы сочли, что так оно и есть.

В воронках от взрывов стояла вода. В воде отражались звезды. Тускло поблескивали обломки механизмов. Над многими из них все еще клубился дым.

Изрядно помятая, но целая кабина вражеской машины лежала на

боку. Лап и хвоста не было, на песок вытекла изрядная лужа машинного масла.

Джейсон поставил половину людей перед кабиной полукольцом, вторую половину загнал на броню. Верхние сегменты, похожие на жесткие крыльца майского жука, шатались.

- Ну-ка, навались!..

Сегменты со скрипом пошли вверх, из кабины хлынул дым. Раздался звук, как будто кто-то громко сморкнулся.

- Осторожнее, ребята! - Джейсон перехватил факел левой рукой, правой вынул из кобуры револьвер. - Давайте чуть назад...

Клубы дыма поредели. Рейнджеры, выставив винтовки и факелы, склонились над машинистом.

Гигантский слизень походил на язык не первый день страдающего от жажды человека. Некогда жирный и лоснящийся, теперь - сухой, покрытый зеленоватым налетом, с гнойными трещинами в верхней части туловища. Со всех сторон его окружали приборы, так что развернуться внутри кабины было решительно невозможно. Джейсон в первую секунду подумал, что машинист издох, изжарился, точно индейка в духовке. Но в следующий миг тварь выгнулась дугой, и рейнджеры увидели: около дюжины штырей с обеих сторон пронзают ее бока. Штыри шли от приборов, похожих на малые помпы. Поршни помп поднимались и опускались, туловище умирающего слизня содрогалось.

Похожая на человеческий череп голова была повернута к лейтенанту.

- Кто, черт тебя дери, ты такой? - пробормотал Джейсон.

- Ты... такой... - эхом пробулькал слизень, затем улегся в свою нишу среди приборов и обмяк. Помпы издали долгий всхлип, поршни замерли.

На «Небраске» кто-то вновь истерично рассмеялся, потом хлопнул револьверный выстрел, и смех оборвался...

VIII

- Как вы находите свою новую лабораторию?

- Благодарю, генерал. Помещение выбрано превосходно... - Тесла помолчал, затем добавил с искренним раскаянием: - Генерал, я идиот, я обязан был предусмотреть, что экипаж «Небраски» может пострадать. Эфирные потоки имеют высокую энергию, а человеческий мозг - орган хрупкий. Я должен был позаботиться о защите.

- Эта потеря ужасна, господин Тесла, - согласился генерал. - Но ни одна война не обходится без жертв. А эти моряки, сэр, были настоящими американцами. Вечная им память! Если бы не они, жертв могло оказаться во много крат больше. Полагаю, что с этим врагом

невозможно было договориться.

- Вторжение остановлено, я полагаю?

Синклер утер лоб носовым платком.

- Да, на этот раз нам повезло. Машины уничтожены, и та погань, которую машинисты занесли на наши земли - красные мхи, грибки, букашки, - вымерла подчистую.

- Полностью? - Тесла поднял брови.

- Комиссия заключила, что чужеродную жизнь истребила ветряная оспа. Через Апалачиколу следовали эшелоны с беженцами, многие дети были больны. Я вообще-то мало верю нашим яйцеголовым, ведь во время кампании от них проку не было никакого... Но какова ирония судьбы, сэр: двести лет назад англичане изводили индейцев апалачи, подбрасывая им в селения вещи, зараженные ветрянкой.

- Какой стыд, - Тесла покачал головой. - Ваша комиссия, генерал, пришла к каким-либо выводам относительно машин врага и их машинистов?

- Теория весьма сырая, - Синклер поморщился. - Где-то далеко, весьма вероятно на иной планете, жила технологически развитая раса. Они использовали машины так часто и повсеместно, что постепенно между ними возникли отношения, вроде симбиотических связей. Чем дальше, тем хуже. Живя в этом симбиозе, существа потеряли духовность, а возможно - и облик. Их устремления постепенно становились проще, в конце концов, возобладали базовые инстинкты.

- Но они были в состоянии поддерживать технологию на достаточном уровне, - вкрадчиво вставил Тесла.

- Да, вот и полагаю, что этой теории грош цена! Председатель комиссии лично сказал мне такую вещь... Наши высшие насекомые - пчелы, осы, муравьи - тоже умеют создавать относительно сложные структуры. Для этого им нужно не так уж много ганглий. Наши пришельцы строят свои машины, не опираясь на разум, а подчиняясь инстинктам. Они колонизируют планеты, как дикие пчелы, что обживают подходящие дупла. Ни одной искры разума. И все-таки они были близки нам биологически, вы не находите? Машинисты использовали тела людей и животных в качестве питательной среды для себя и этих своих мелких паразитов... Вы утверждали, что современные марсиане погрязли в гордыне и заботах о сохранении вида. Быть может, присмотрев в телескопы нашу Землю, они отважились на решительный шаг?..

Тесла хмыкнул.

- Какая жалость, что ваша комиссия лишилась возможности исследовать «логово». Было бы любопытно взглянуть на летательный аппарат, на летающую Психею, что доставила этих страшных и удивительных существ на нашу планету.

- Один шустрый лейтенантик утверждает, что в логове он не увидел

ничего похожего. Говорит, там было много ям и свежая земля горами. Но не из-под земли же они появились?

- Мне показалось, вы не отбрасываете версию, будто эти механизмы могут быть божественными мстителями индейцев апалачи.

Синклер поднялся.

- Я всего лишь военный инженер, я не имею права оспаривать выводы научной комиссии. Из-под земли, подобно личинкам, или из мирового пространства... Войска прочесывают северную часть Флориды. Если летательный аппарат где-то спрятан, то мы его найдем. Вот и все, что я хотел вам рассказать. Наш страшный враг был побежден кораблем Теслы и добит земными микроорганизмами. Так что в вашей, простите, боязни микробов есть резон, - Синклер улыбнулся. - Чаше мойте руки, и долгих вам лет плодотворной работы!

- Всенепременно, господин генерал, - Тесла проводил Синклера до дверей. - Доброго пути!

В кабинете изобретателя на письменном столе стоял террариум: параллелепипед со стенками из толстого стекла. Внутри возилось механическое создание на четырех лапах и с длинным хвостом.

Тесла постучал ногтем по стеклу, механическая ящерка заметалась от стенки к стенке.

- Бог создал машину, - сказал изобретатель, любясь блеском металлических чешуек, - машина создала человека. Человек погубил человека. Машина пришла создать нового человека и новую среду. Машину погубили микробы - дьявольские порождения, будь они прокляты! Человек волен губить человека дальше. До тех пор, пока Бог не создаст новую машину.

Запертый в стенах террариума механизм прекратил метаться. Уселся, обхватив лапы хвостом. Пристально поглядел на человека, точно короткий монолог пробудил в нем интерес к хозяину тюрьмы со стеклянными стенами.

Тесла еще раз постучал ногтем по стеклу, улыбнулся. Затем встал, открыл окно. В кабинет ворвались звуки Восьмой-авеню: стук копыт, шум бесконечного человеческого потока, звонкие голоса разносчиков газет, музыка с летней площадки ресторана, что располагался напротив отеля.

Близился час заката. Небоскребы вест-сайда, отражая последний свет уходящего дня, стали красными, как утесы недосягаемого Марса. Людской поток продолжал гомонить на все голоса и струиться по тротуарам в обе стороны, не обращая внимания на происходящие с городом метаморфозы.

Тесла захлопнул окно, задернул шторы. Звуки улицы словно отсекло гильотиной. Стало тихо. Были слышны лишь ход настенных часов, потрескивание остаточного электричества в экспериментальном генераторе, который Тесла собрал прямо в номере отеля, и еще

ноющий звук на одной высокой ноте.

Над настольной лампой кружила мошкара неприятного розового цвета.

Тесла сел за стол, рассеянно просмотрел синьки с новыми чертежами. Потом опять постучал пальцем по террариуму.

- Ну что, бесенок... Поработаем? Поведай мне о месте, где такие, как ты, появляются на свет... - он улыбнулся, а затем продекламировал, подняв брови:

*И где же вы, сосцы природы, - вы,
Дарующие жизнь струю благодатной,
Которыми живет и небо, и земля,
К которым рвется так больная грудь моя?
Вы всех питаете - что ж тщетно жажду я?*

ИЭН МАКЛАУД

ХОЛОДНЫЙ ШАГ ВОВНЕ

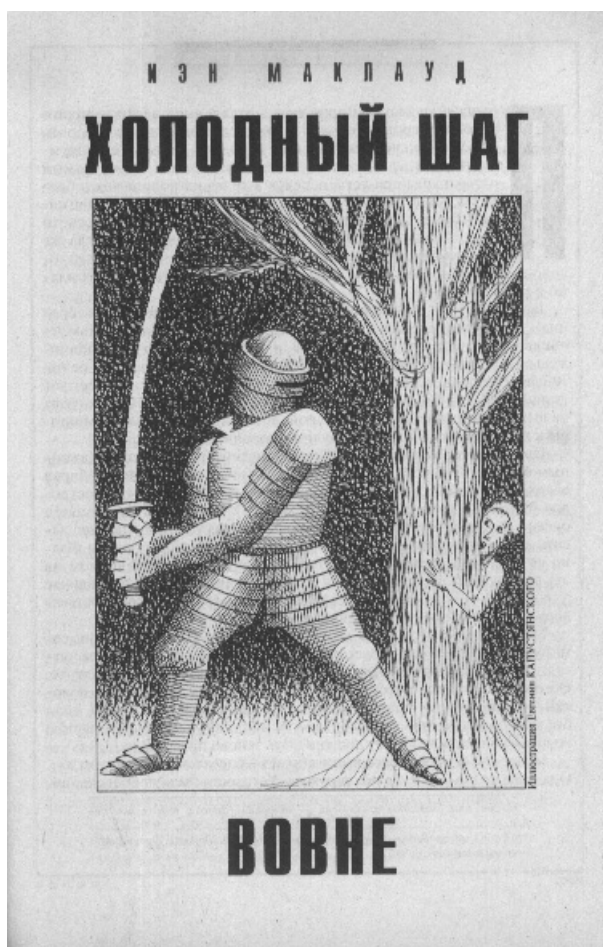

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

По лужайке безымянного леса в отдаленной части великого города-острова Гезира⁵ перемещалась фигура. Порой, описывая мечом сверкающие дуги, она двигалась бесшумно. А иногда издавала ужасающие вопли. Стоял самый полдень разгара лета, деревья и трава на поляне так и блестели. Фигура тоже блестела. Постичь систему ее движений было затруднительно. То она оказывалась здесь, то там. Между появлениями она словно исчезала. Когда же фигура наконец остановилась, опустив меч и поникнув головой, стало ясно, что это не совсем человек и что существо утомлено и разгорячено.

Бесс из Церкви Воительниц присела на корточки. По латам ее брони - покрытым зелеными пятнами, дабы сливаться с местностью, - обильно струился пот. Руки-ноги ныли от боли. Голова гудела под тяжелым покровом хитина и металла. Она оглядела окружающий ее изгиб леса: не появится ли оттуда что-нибудь. Бесс находилась здесь вот уже многие недели - вполне достаточно, чтобы вновь выросла трава на выжженном участке под коляской, доставившей ее сюда, а ее опоры и проржавевшее днище утонули в кровоцветках.

Она бросила взгляд поверх Гезиры, изгибавшегося под отраженным блеском Сабил^{**6}. Там, уходя на восток и в отдалении забирая вверх, нависали безмятежные коричневые пятна фермерских островов Безветрия. В другой стороне блестела сизая дамба Плавающего океана. А немного ближе, вырисовываясь в размытой дымке над лесом, лежал легендарный Остров Мертвых. Но она знала, что ни в одно из этих мест ее не вызовут. Интеллекты Церкви направили ее на эту поляну. И пока не объявится ее враг - неважно, в каком обличье или форме, - пока не настанет момент убийства, все, что ей оставалось делать, это тренироваться. И ждать.

Меж тем что-то говорило ей: она уже не одна. Пальцы ее вновь сомкнулись на эфесе меча. Бесс раскрыла сознание и высвободила чувства. В сумраке кромки леса что-то двигалось, маленькое и быстрое. Осторожно, но хищнически. Если бы у нее на затылке остались волосы, то непременно встали бы дыбом. И еще она задрожала бы, если бы в послушничестве не усвоила, что напряжение является частью энергии убийства и потому должно быть заново поглощено.

Медленно и устало Бесс выпрямилась в блеске залитых потом лат. Она даже позволила себе покачнуться. Усталость была неподдельной,

---

⁵ * *Гезира, или Джазира, по-арабски - «остров». (Здесь и далее прим. перев.)*

⁶ ** *Сабил на арабском языке означает место или здание с бесплатной свежей питьевой водой.*

и потому изображать ее было нетрудно. К тому времени она уже точно знала, что из-за кромки леса за ней наблюдают.

Лезвие меча сверкнуло за крохотную часть мига до самого движения. Потом еще раз. Бесс скользила по безмятежному лугу. Вот она там. И вот уже нет. Она оказалась под деревьями, быть может, через какую-то долю секунды после того, как поднялась с корточек. В вихре от последнего взмаха меча опускались три срезанных листочка, и перед ней вжималось в землю маленькое двуногое существо. Оно выглядело юным, принадлежало, скорее всего, к человеческому роду и, вероятно, было женского пола, хотя из одежды на нем оказался лишь грязный лоскут, обернутый вокруг бедер, и совсем не походило на того неприятеля, которого Бесс так ждала, дабы наконец-то закончилось дежурство. Какая-то крупная лесная крыса. Однако при ее появлении существо и не подумало скрыться в зеленой тьме, даже теперь, когда три листочка достигли земли. Существо держало, с некоторым подобием угрозы, небольшой, но древний лучевой пистолет. Еще действует: до Бесс доносилось размеренное гудение его батареи.

- Если попытаешься выстрелить из этой штуки... - объявила она, придав голосу как можно больше властности, - то умрешь. - Конец фразы она буквально прогрохотала.

- А если нет? - Маленькое существо отступило, но все еще помахивало пушкой. - Может, я в любом случае умру, а? Ты воительница, и убийство - это все, что ты умеешь.

Лицо Бесс - по крайней мере та его небольшая часть, что виднелась из-под панцирной маски, - дрогнуло. Впервые покинув чугунные стены Церкви и двинувшись в своей коляске через Гезиру три маулида⁷ назад, она обнаружила, что все, кто не имеет отношения к ее ремеслу, чаще всего держат воительниц едва ли не за бесчувственных вестников смерти. По существу, немногим лучше тех чудовищ, которых их обучают убивать. Не говоря уже о шепотках за спиной о прокисшем молоке, разбитых зеркалах и рожденных уродцах. Или о насмешках и проклятиях...

- Я опущу пушку, если ты опустишь меч, - предложило маленькое существо. - Ты быстрая - я видела. Но я не думаю, что ты быстрее самого света...

С технической точки зрения коротышка, конечно же, была права, но стоило ли объяснять ей, что убойный ход любого оружия является лишь заключительной частью процесса, который обученный искусству смерти может выявить задолго до его начала? Бесс решила, что не стоит. Судя по позе существа, использовать лучевую пушку оно не

---

⁷ * *Маулид ан-Наби* - в исламе празднование дня рождения пророка Мухаммеда, проводится 12 числа третьего месяца лунного календаря.

привыкло, но было ясно также и то, что в следующие несколько мгновений применять его оно не собирается.

Бесс опустила меч.

Существо проделало то же самое с пушкой.

- Как тебя зовут? - спросила Бесс.

- С какой стати мне называть тебе свое имя? А ты кто такая?

- Ты должна... - Если какие-то причины и существовали, то сразу в голову не пришли. - Меня зовут Бесс.

Существо хмыкнуло:

- Тебя следовало назвать как-нибудь поужаснее. Но я буду называть тебя Бесс, раз ты этого хочешь...

- У тебя есть имя?

- Я Элли. - Ухмылка исчезла. - Во всяком случае, я так считаю.

- То есть ты не знаешь, кто такая?

- Слушай, я - это я! - Существо - хотя Бесс уже чувствовала, что может с уверенностью допустить, что перед ней всего лишь человек женского пола, а не какая-то чудовищная аномалия или джинн, - оглядело свое грязное, почти обнаженное тело. - Имена - это всего лишь то, что тебе дают другие люди, так ведь? Или просто-напросто выдумывают...

Бесс неуклюже кивнула головой в шлеме, который теперь окраской отзывался на лесной сумрак. Она оценила замечание Элли, ибо тоже понятия не имела, как получила свое имя.

- Я наблюдала за тобой, - Элли кивнула на поляну. - Ты там чертовски ловко мелькала.

- Тогда почему же, во имя всех интеллектов, ты не убралась, когда я приблизилась?

Элли пожала плечами.

- Я так поняла, ты всего лишь тренировалась. Что это не всерьез... «Не всерьез» было едва ли не самым худшим оскорблением, которое Бесс бросали за все годы ее обучения в стенах Церкви.

- Но все равно было впечатляюще, - добавила Элли. - Если б ты показала мне еще что-нибудь, я бы с удовольствием посмотрела.

* * *

«Гамбит мертвой королевы». «Высвобожденный круг». «Вверх по водопаду». «Гостеприимный клинок». «Дважды обратный разворот». «Живот становится ртом». «Прорыв стали». И даже «Холодный шаг вовне» - прием с мечом и пространством, который до сих пор давался Бесс тяжело. Она выполнила их все.

До этого она испытывала усталость и скуку. Но теперь, когда у нее появилась публика, пускай даже столь непритязательная, как Элли-малышка, она ощутила прилив новых сил. Ее клинок кромсал теплый

воздух и ткань локального пространства-времени, бросая ее туда-сюда в замысловатых изгибах и разворотах. Ей вспомнилось ошеломительное возбуждение, когда на тренировочной площадке у нее впервые получился этот почти невозможный прием. Теперь так же, только еще лучше.

- Bravo! Bravo! - рукоплескала Элли.

За неимением чего-либо другого и уже совершенно не ощущая подначивания, не понимая глупости своего поведения, Бесс напоследок сделала росчерк мечом и отвесила самый низкий поклон, какой ей только позволяла бронированная талия.

День подходил к концу. Тень под деревьями становилась все длиннее. Когда Бесс выпрямилась, она увидела, что Элли уже исчезла в наполненной ароматами тьме леса.

* * *

Той ночью, скорчившись в железном лоне коляски, Бесс чувствовала себя по-другому. Перед ней на центральном алтаре приборной панели кабины, в окружении сияния средств управления попроще, располагалось стальное отверстие скважины, посредством которой передавалась воля церковных интеллектов. Выражаясь кратко, оно вспыхнуло посланием, которое и привело ее сюда, и с тех пор так и оставалось глухим и бессодержательным. Остальные приказы после ее преобразования в воительницу и отправки в первый поиск были простыми - по крайней мере по своей видимой цели, если уж не в исполнении и результате...

Огромное морское чудо-юдо, предположительно терроризировавшее коммуны рыбачек, проживавших в запустелой деревушке на дальней стороне Плавающего океана. Задание, представлявшееся достойным для первого убийства, пока она не повстречалась с самим зверем. Вот уж слюнявая тварь. Здоровенная, серая и, по крайней мере по внешнему виду, существо чудовище. Но старое, страдавшее от болей и совершенно беспомощное. И когда она всадила меч в его подрагивающую плоть, в то время как оно заходилось плачем и стонами на скалистом берегу, ей вдруг стало понятно, что ее вызвали выполнить эту работу не потому, что женщины деревни боялись прикончить тварь, а из-за того, что им просто было ее жалко.

Потом была охрана старшей имамессы Церкви Паучих, предположительно оказавшейся под угрозой нападения наемного убийцы-джинна из неопределенных измерений. Однако прибытие Бесс и последующее сопровождение сей грузной и окружившей себя едва ли не королевским шиком особы по времени совпало с саммитом всех

Церквей микроскопических животных Эборнии*⁸. На повестке дня стояли различные вопросы по старшинству и финансам. И вскоре Бесс стало ясно, что ее присутствие за укрытым парчой плечом хитрой колдуньи на бесконечных собраниях в огромных залах замышлялось не как защита, но скрытая угроза применения силы.

Задание завершилось, а потом пришел третий приказ, и вот ее бросили сюда, посреди неизвестного леса, ждать схватки с чем-то необъяснимым. Бесс добрела и рухнула на кушетку. Для прочих удобств места в этой посудине было слишком мало (в конце концов, что еще нужно воительнице, кроме ее воли и меча?), но ей разрешили взять небольшой сундучок с личным имуществом, хотя она вполне обошлась бы и без него. Бесс подняла крышку сундучка, и та издала жалобный скрип. «Это, - подумала она, всматриваясь в тусклом свете коляски в содержимое и вдыхая хлынувший оттуда затхлый запах, - напоминает мне, почему я не слишком часто сюда заглядываю».

Прочих послушниц к величественным стенам Церкви Воительниц приводили различные обстоятельства и случайности. Младшие дочери. Нежеланные и неожиданные продукты чанов. Проклятие дефектов - тела или разума, которые остальные, более щепетильные Церкви оказывались не в состоянии принять. Девушки, совершившие богохульство или нечто, выходящее за рамки приличий, как говорится в одном древнем выражении. Отъявленные преступницы. Всех их нечестивой стаей впускали через чугунные ворота Церкви Воительниц - хотя большую часть весьма скоро признавали негодными и вышвыривали за порог.

Бесс помнила проржавевшие башни и площадки для проверок, испытаний и боев. Он помнила свет из окон класса, просачивавшийся через портьеры из платинового газа, пока их обучали почти бесконечному многообразию чудовищности: джинн, вмешательство, тульпа**⁹, дракон, квази-дракон, бегемот и демон - всех их они должны были научиться уничтожать. Более всего, однако, ей запомнились лица ее однокашниц и ночная тишина в общих спальнях, да еще хихиканье, раздававшееся сразу после того, как младшие имамессы тушили лампы.

Косолапая Ника. Робкая Талла с каштановыми локонами. И Афия в сумерках. Теперь все превратились в неуклюжих воительниц вроде нее. Отправлены сражаться с каким-нибудь ужасом в великом городе-острове Гезира или в каком-нибудь из Десяти Тысяч и Одного Миров. Либо уже мертвы. Бесс смотрела на жалкие остатки своего прошлого. Ссохшийся птицемлечник. Каштановая прядь. Случайно оставшаяся

---

⁸ * В переводе с латыни - «Слоновая кость».

⁹ ** Тульпа - у тибетских йогов некий видимый и даже осязаемый образ, создаваемый воображением человека.

записка о скором возвращении.

Там лежала еще одна вещица. Когтистые пальцы Бесс неловко подцепили тонкое звено цепочки.

Кто ты, Бесс?

Откуда ты?

Что ты здесь делаешь?

Безымянная Бесс - Бесс, которая боролась, чтобы сойти за свою даже в этих спальнях обездоленных и увечных. От всех остальных послушниц - вот они сидят на темных рядах коек, обхватив руками колени, глаза горят восторгом, рты распахнуты - всегда можно было услышать какую-нибудь историю. Головокружительные махинации и низменные кражи. Биологическая мать, зарезанная из ревности суррогатной матерью. Работница, отправленная на невольничий рынок. Всю ночь в спальне шепотом одна за другой изливались истории. И становились все замысловатее, как замечала Бесс. Грудной младенец вдруг вспоминал вкус крови своей умирающей биологической матери, а проданная в рабство спасалась в зрелищном крушении корабля-прыгуна. Однако всегда сохранялось основополагающее семя истины о некоей утраченной жизни, которое можно было приукрасить, как решающий выпад мечом, - но только разок.

Бесс молчала, когда на нее обращали взоры...

А кто ты, Бесс?

Что ты помнишь о времени до того, как стала избранной?

На подобные вопросы ответа не было. Она Бесс просто потому, что так решило назвать ее некое малое проявление церковных интеллектов. Все, что у нее было, - огромное строение, обнесенное чугуном, да подруги, да ночи в общей спальне с рассказами, да дни учебы и тренировок. Больше ничего. Она понятия не имела, кем или чем была прежде. В конце концов, она могла появиться из ниоткуда, как утверждалось в стихах и насмешках. Разве только вот эта вещица...

Она называлась медальоном. Во всяком случае, так Бесс думала - терминология драгоценных украшений отнюдь не входила в число тех областей знаний, в которых воительницы обязаны преуспевать. Но это слово появилось вместе с самой вещью. И могло что-то означать. А могло и не означать.

Бесс редко надевала эту вещицу, даже когда голова и шея позволяли ей нацепить женскую безделушку, до того как она приняла законченную форму воительницы. Но Бесс все же сохранила ее. Цепочка была изготовлена столь же искусно, как и огромные цепи, что крепили острова относительно вращения огромной сферы Гезиры. На цепочке, ярко сверкнув в свете лампочки, а затем потускнев, висела серебряная капля, каковая и являлась медальоном. На нем были выгравированы

ошеломительные фрактальные узоры и завиточки.

Бесс показалось, будто ее затягивает в узор, и, опуская бронированными пальцами цепочку обратно в сундучок и закрывая крышку, она позволила себе потратить энергию на слабую дрожь. А затем растянулась на кушетке и заснула.

* * *

Она уже проснулась, когда осветился интерьер коляски, предупреждая о начале рассвета. Шипящий гул, ощущение невидимой жидкости, очищающей ее чешую, и вот она готова к очередному дню ожидания. Бесс открыла люк и достала меч. Снаружи, под аккомпанемент призыва света певцов зари с зеркальных минаретов, ее шаги оставили темный след, словно последний штрих ночи. Когда она вытащила меч и сделала первый прыжок, след уже рассеялся в туманном воздухе.

Она как раз отработывала «Высвобожденный круг» в его редко исполняемой более замысловатой разновидности, когда почувствовала, что за ней снова наблюдают. Она не обдумывала, насколько данный прием с мечом согласовывается с краткой и зрелищной серией прыжков по усеянной кровоцветками поляне, которые она тут же исполнила. Однако он вполне согласовывался.

Это оказалась Элли-малышка, бесстрашно, но в полном восхищении стоявшая у кромки леса, где сегодняшнее появление Бесс не отсекло и даже не шелохнуло ни единого листочка.

- Салям, - немного запыхавшись, поздоровалась Бесс.

- Сабах эль нур^{*10}, Бесс из Церкви Воительниц, - неожиданно церемониально ответила Элли и коротко поклонилась. Бесс только подивилась собственному удовольствию, вызванному подобным приветствием. Потом ее осенило:

- Ты ведь не была здесь ночью, да?

- О нет, - отрывисто качнула головой Элли.

- Где же тогда ты живешь?

- Э-э... - Элли пожалала плечами и указала грязным большим пальцем за спину: - Да там, недалеко. Хочешь посмотреть?

* * *

Маленькая светлая фигурка. Под птичий щебет, через темные проходы меж деревьями они двинулись в глубь безымянного леса. Вот это, подумалось Бесс, больше похоже на приключения, которые в

---

¹⁰ * *Сабах эль нур* - «доброе утро» по-арабски.

народе порой приписывают членам ее Церкви. Убивать драконов. Уничтожать ужасные сдвиги и аномалии в ткани пространства-времени. Да хоть бы девиц из беды вызволять. Наверное, продолжала размышлять Бесс, ей следует тревожиться из-за самовольной отлучки с того места, где интеллекты Церкви приказали ей оставаться. Но ведь воительницы обязаны проявлять храбрость и инициативу, разве нет? И сколь долго человек - неважно, до какой степени измененный и обученный, - может ждать?

Они остановились передохнуть подле дерева, увешанного какими-то красными плодами, которые, по словам Элли, назывались гранатами и существовали столь же долго, сколько и Эдемский сад на мифической первой планете Ур-земля*¹¹. Еще их можно найти, деловито добавила она, в самом Раю. Лучше всего их разрезать чем-нибудь острым. Проблема с этой штукой - она похлопала по засунутому за бечевку вокруг пояса лучевому пистолету и с выжиданием взглянула на Бесс - заключалась в том, что она их зажаривала.

Бесс изучила протянутый Элли плод, странный на вид и с разрывом в виде короны с одной стороны. Ее рука потянулась к эфесу меча, хотя она и догадывалась, что сказали бы имамессы Церкви Воительниц об использовании ее священного клинка в столь низменных целях. То есть если бы им случилось оказаться здесь и увидеть ее.

- Знаешь что, Бесс: я могу подбросить его.

За долю мгновения Бесс вытащила меч и, выполняя «Свежеубитого и зажаренного гуся», исчезла и появилась, в то время как гранат, теперь рассеченный на две половинки, все еще кружился в воздухе.

- Ух ты!

Элли схватила одну падающую половинку, Бесс - другую.

- Ну? Как тебе гранат? Довольно неплох, если уметь выковыривать семена.

Бесс только и оставалось согласиться. Гранат был вкусен. Однако есть его оказалось занятием удручающим. Ее огромные руки быстро стали липкими, равно как и укрытое пластинами брони лицо.

Не менее приятно просто потехи ради бросать гранаты и рассекать их надвое. И вскоре мякоть и семена только и разлетались, а броня Бесс покрылась красными, белыми и розовыми крапинами от ошметков граната.

- Ну? - наконец спросила Элли, стоило Бесс закончить демонстрацию стольких способов разрезания плодов, что большая часть разбросанных вокруг остатков походила на нечто из параллельного измерения. - Это и есть то, чем ты занимаешься? Кромсаешь что ни

---

¹¹ * *Название одного из древнейших шумерских городов-государств древнего южного Междуречья (V-IV вв. до н.э.), согласно Библии являвшегося родиной патриарха Авраама.*

попадая всякими странными и занятными способами?

Бесс слишком много смеялась, чтобы обидеться. Потом объяснила, что появление ее Церкви восходит к эпохе первых кораблей-прыгунов, когда были открыты проходы, в которых в космической прорехе оборачиваются вспять время, пространство и материя. То был гигантский прорыв женщества и всех прочих разумных видов, но он также привел и к окончанию простоты одиночной реальности и линейной последовательности времени. Теперь другие формы существования, прежде считавшиеся всего лишь полезными компонентами для понимания более высоких измерений физики, подобралась к нам вплотную. Истинные пришельцы, подлинные ужасы и чудовища находятся не в отдаленных областях галактики, а рядом. И каждый проход корабля-прыгуна тревожит ткани нашей реальности, давая возможность просочиться к нам, подобно черному дыму в щель под дверь, представителям иных реальностей. Порой они комичны или совершенно безвредны. Чаще всего их вообще не замечают. Но иногда они оборачиваются настоящим кошмаром. И бороться с подобными чудовищными вмешательствами можно только посредством созданий, которые сами воплощают собой сущий кошмар.

Бесс протерла меч пучком травы и собралась убрать его в ножны. Но тут Элли положила руку на ту часть ее предплечья, что все еще сохраняла чувствительность. Рука была липкой и теплой.

- Твой меч... Он, наверное, делает что-то похожее? Когда он разрезает мир.

- Хм... Пожалуй, можно и так сказать. Хотя принцип гораздо более контролируем.

- Можно мне попробовать?

Просьба была нелепа. Кошунственна. Тогда почему же она до сих пор не убрала меч в ножны?

- А ты можешь попробовать это, Бесс, - Элли протянула свой плохонький лучевой пистолет. - Им можно убивать.

- Нет, - пророкотала Бесс.

- Ну, может, тогда ты позволишь мне потрогать ручку твоего меча?

- Это называется эфес. - Бесс со смесью ужаса и изумления наблюдала, как ее собственная рука берется за лезвие меча и протягивает его Элли.

- Эфес так эфес.

Ее пальчики были такими маленькими, что едва охватили полосчатый металл. И все же Бесс ощутила, как по ней пробежала слабая дрожь - нечто сродни чувству, что она испытала прошлой ночью, когда рассматривала медальон. Подчиняясь ей, меч задрожал. Чувствуя незнакомое присутствие, он отзывался расплывающимся налетом окончательной тьмы - глубже той, что была вплетена в изящный металл.

Элли убрала руку и нервно выдохнула.

- Как будто чувствуешь... все и одновременно ничего.

* * *

Становилось холоднее и темнее, хотя по всем правилам даже в таком затененном месте, каким стал лес, должно было теплеть и светлеть. Деревья были подлинными гигантами, извергающими мшистые сучья, через которые приходилось перебираться.

Элли продиралась через бурелом быстро и уверенно. Бесс же чувствовала себя нескладной и обессиленной. И уязвимой. Она украдкой бросала взгляды на это странное маленькое создание. Кто же она такая? И как она выживает в непроходимых джунглях? Гигантский жук кровавого цвета, усеянный зубцами и выглядевший еще более угрожающее, чем голова в шлеме, уставился на Бесс множеством своих глазок, поднял нечто вроде жала на хвосте и наконец нехотя убрался прочь. Наверняка в этом лесу были твари и пострашнее - быть может, даже чудовища такой лютости, которая вполне достойна внимания члена Церкви Воительниц. Какой же защитой может обладать эта почти голая малышка со своей дешевой игрушкой - лучевым пистолетом?

Бесс все не давала покоя мысль о том, что прогулка может оказаться смертельной ловушкой. В то же время было весьма неплохо исследовать местность и обзавестись друзьями, да и коляска со всеми ее обязанностями оставалась всего лишь в нескольких милях, а ей было слишком весело, чтобы остановиться.

Ветви деревьев переплетались уже столь густо, что свет или небо совершенно не проглядывали. Вверху был словно необозримый искривленный потолок, единственное освещение с которого шло от свисающего мертвенно-бледного мха.

Потом Элли остановилась.

- Где мы? - спросила Бесс.

- Осталось подняться туда...

Перед ними была извилистая ступень из корней, переходящих затем в ветви, которая через бледно светящийся проем вела внутрь трухлявого ствола. И здесь живет Элли? Странно, но внутри этого необыкновенного маленького убежища оказалась лестница, освещенная полосками света, которые мелькали, пока они поднимались над полом и крышей с восхитительной резьбой. Раскрашенная под мрамор лестница закручивалась выше и выше. Она была затейливо инкрустирована драгоценными камнями и мозаикой. И вот, наконец, над головой забрезжил солнечный свет.

- Почти пришли...

* * *

За последним пролетом мраморных ступенек скрипнула увитая плющом калитка. Бесс ожидала, что они выйдут на вершине подле крыши Гезиры, но ей сразу же стало понятно, что они оказались на твердой почве. Там было нечто вроде сада, с деревьями и строениями, усеянными вокруг странными обломками статуй - и все же место было необыкновенно мирным, наполненным каким-то дряхлым покоем.

- Ради Аль-Томана, где мы?

- Разве ты не понимаешь?

Узнать было не так уж и трудно. Стоило Бесс сориентироваться, и сразу стало ясно. Вон там, несколько под другим углом от вида, к которому она привыкла, располагались безмятежные коричневые пятна фермерских островов Безветрия. А там - вспененная начинающимся штормом огромная дамба Плавающего океана. Под ними же, хоть и закручиваясь вверх так, что само пространство и собственные ощущения Бесс старались сомкнуть с этим местом, наступали зеленые кроны безымянного леса, за которыми лежал кружок ее поляны, весь в красных чашах раскрывшихся цветоцветков.

- Ты ведь не можешь жить на Острове Мертвых?

- Почему же нет? Ты-то живешь внутри этого железного карбункула.

Даже в детских книжках говорилось, что город-остров Гезира является чем-то большим, нежели простой гладкий шар, окружающий звезду Сабилу в трех плоскостных измерениях. И все же мысль о том, что они сумели добраться до этого пристанища мертвых, пробравшись через верх леса, захватывала дух и немало тревожила. Однако Бесс все же последовала за Элли дальше.

Большинство могил казались очень старыми, однако в их основаниях были сокрыты еще более древние. В самом деле, согласно самой фантастической версии легенды о происхождении Острова Мертвых, весь этот остров целиком состоял исключительно из плоти, костей и памятников. Местность была, несомненно, опасно неровной и обветшалой, и сейчас посещали ее редко. Теперь ведь у всех основных Церквей были собственные мавзолеи, а множество культов поменьше отдавали предпочтение далеким планетам для погребений. Что касается Церкви Воительниц, то она не нашла иного пристанища для своих слуг, кроме как в памяти, ибо служители ее все равно неизменно погибали в сражениях.

Вокруг резных колонн из песчаника бродили хайваны*¹². В воздухе

---

¹² * *Хайван на арабском языке, а также некоторых других - «животное».*

дрожали и растворялись, словно болотные блуждающие огни, проекции духов. Из каменных ртов, забитых птичьими гнездами, зывали голоса с древних записей. Но более всего Бесс в этом месте поразило ощущение буйства жизни. Неуклюжие насекомые. Неистовый птичий гомон. Пьянящие ароматы и окраска цветков. А еще были фрукты, по сравнению с которыми даже гранат казался невзрачным.

Элли поведала, что остров просто создан для того, чтобы охотиться с капканом на лисицу, ловить пегасов, собирать медовые семена и откапывать и жарить кротов.

- Ты живешь здесь одна?

Элли одновременно пожала плечами и кивнула. «Это очевидно», - поняла Бесс. - А как же...

- Я здесь оказалась? Это тебя интересует? - Личико Элли внезапно вспыхнуло. - Думаешь, я какая-нибудь расхитительница гробниц или гул?^{**13}

Бесс сделала вид, что отряхивает песок с ножен. В конце концов, сама она едва ли могла обвинить кого-то другого в утаивании происхождения, имея вместо собственного прошлого лишь пустоту. Если только - что совершенно невозможно - она не родилась уже цельной и полностью функционирующей послушницей. У нее медальон, но это совершенно ничего не значит. Но нет, тут нечто большее, думала она, оглядываясь на это обиталище давно умерших. Некий суровый миг ужаса, от которого отшатнулся ее разум. Наиболее здоровой ей представлялась версия, что Церковь вызволила ее из чего-то настолько жуткого, что наилучший способ уберечь ее рассудок - стереть все ее воспоминания. И вот теперь нечто непостижимым образом влекло ее назад.

- Видишь вон то здание, в котором посередине проросла медная береза? - указала Элли. Это был купол с частично сохранившимся покрытием из мозаичного стекла. Из-за трепета листья над ним он выглядел, будто объятый пламенем. - Хочешь посмотреть?

Бесс медленно кивнула.

- Здесь похоронена девочка. Ох... очень давно, - объясняла Элли, пока они карабкались по руинам. - Еще до Войны Лилий, когда времена года не менялись и даже само время как будто текло медленнее. В общем, она была маленькой, когда умерла, и ее биологические и суррогатная матери были вне себя от горя. Вот они и построили для нее этот прекрасный мавзолей и заполнили его всем, связанным с дочерью - игрушками, шагами, смехом, воспоминаниями. Видишь...

Они стояли под куполом. Сквозь его треснутые линзы колыхалась листва, придавая видам подобие жизни. Аниматронные игрушки как будто подергивались. В пуговичных глазках разбросанных плюшевых

---

¹³ ** *Нежить-трупоед в арабской мифологии.*

мишек все еще поблескивал остаток разума. Однако все это, вкуче с шелестом листвы, лишь усугубляло ощущение древности и разрухи.

- И они навещали ее здесь... И молились... Плакали... И хоть их дочь умерла, они поклялись, что память о ней не сгинет. Но, конечно же...

- Как звали эту девочку?

- Слушай, Бесс! Ее звали Далла, а меня зовут Элли, если ты не обратила внимания. Так что я вовсе не Далла. Хотя она была моей подругой. Можно даже сказать, лучшей подругой. Вообще-то, единственной. Понимаешь, Далла была из тех единственных детей в семье, которых матери ожидают чересчур долго, и они в итоге оказываются одинокими. Конечно, у нее были все эти игрушки... - Элли звякнула велосипедным звонком. - И она могла получить все, чего бы ни пожелала. Ей надо было лишь попросить. Но то, чего она действительно хотела, ее матери при всей доброте и богатстве дать не могли: она хотела подругу. И вот... - Элли провела пальчиком по треснувшему застекленному контейнеру, наполненному лишь листвой да пылью, - она сделала то, что делали большинство девочек с тех самых пор, как Еве впервые наскучил Адам. Она ее выдумала. И ее звали Элли.

Бесс тарасилась на стойку из голографического стекла, в которой плавали лица трех женщин. Они выглядели добрыми, но невыразимо печальными.

- Я задумывалась как часть памятника, - продолжала Элли. - Они извлекли меня из каждого вздоха и воспоминания своей любимой дочки. Милая маленькая выдуманная Элли, для нее за столом всегда есть место, она совершает все шалости и выходки, в которых сама Далла никогда не признается. Элли, которая украла все пончики, хотя стошнило Даллу. Элли, которая мелкими нарисовала лицо клоуна на стене гарема. Они потом годами приходили ко мне, чтобы предаваться воспоминаниям. Этот мавзолей - они все достраивали и достраивали его, непрерывно вносили улучшения. Вечно чего-то не хватало. Саму Даллу они хранили в стеклянном гробу, в статисе, поэтому она не разлагалась. Нет, конечно, решиться когда-либо по-настоящему взглянуть на свою мертвую дочь они не могли, но она совершенно не изменялась. Они не могли позволить ей уйти. Даже когда матери постарели, они все равно приходили. Но однажды пришли только две. А потом и вовсе одна, но у нее уже было не в порядке с головой, иногда она думала, что я Далла. Затем и она перестала нас навещать. Медленно проходили века, садовники заржавели, а контракты на обслуживание уже закончились. И люди больше ни к кому на Острове Мертвых не приходили, чтобы отдать дань уважения. Остались лишь руины мавзолея да немного угасающих интеллектов. Вся штука в том, что матери Даллы слишком старались, они сделали чересчур много. А века длятся долго, если ты воображаемая подруга и тебе не с кем

играть...

Рассказывая, Элли бродила по мавзолею, то и дело прикасаясь к выцветшим грудам осыпавшегося кирпича и безглазым куклам. Но сейчас она снова стояла подле того продолговатого стеклянного контейнера, который, как теперь заметила Бесс, был разбит с одной стороны.

- И ты вытащила труп Даллы.

- А что мне еще оставалось делать? Самой ей он уже был не нужен, а ее матери давно умерли. Если бы я посмотрелась в зеркало, то, наверное, увидела бы лицо, немного напоминающее мне Даллу. Но я не Далла. Далла умерла, ее оплакали, и сейчас она в Раю, или где-то там, вместе с Вильямом Галилеем, Альбертом Шекспиром и остальными. Я - Элли. И я есть я. И я здесь. - Она высунула язык. - Вот так!

Бесс слышала о концепции похищения тел и знала, что главные Церкви большей частью запрещают его. Наказания, подумалось ей, должны быть весьма суровыми, особенно если похититель является тем, кто не может по праву называться разумным существом. Однако после рассказа Элли и этой заключительной демонстрации розового язычка осудить деяние было сложно. И все-таки ей лучше оставаться поедать ягоды да жарить кротов на Острове Мертвых. В любой другой части Гезиры или же какого-либо из Десяти Тысяч и Одного Миров жизнь для нее окажется не то что сложной, но попросту невозможной... и почти наверняка быстро прервется.

- И как долго это продолжается?

Тут Элли сконфузилась.

- Я не знаю... - Она посмотрела на пляшущую крышу. - Может, уйдем отсюда?

Было приятно выйти в теплый день, пускай даже перекошенные памятники теперь беспрестанно напоминали Бесс, что место это принадлежит мертвым. А что касается Элли, подумала она, глядя на «подругу», которая, обхватив руками грязные колени, сидела на груди камней, - то она права в том, что говорит. Она не гул и не чудовище. Она по-настоящему живая. Затем взгляд Бесс упал на лучевой пистолет. Он выглядит игрушечным потому, поняла она, что наверняка некогда и был таковым. Однако она не сомневалась, что теперь он смертоносен и Элли знает, как им пользоваться. В своем роде, эта кладбищенская малышка была такой же воительницей, как Бесс.

Как будто настало время откровений, и Бесс рассказала ту малость, которую можно было поведать о ее жизни. Долгие дни бесконечных тренировок. Еще более долгие ночи в общей спальне. Насмешливые стишки. Ощущение, что даже в общество изгоев она не вхожа по-настоящему. А теперь - вся ее Церковь и все ее интеллекты словно отреклись от нее, в то время как она должна столкнуться с неким

окончательным вызовом, когда сможет доказать собственную значимость.

- Ты имеешь в виду что-то вроде дракона? Чудовище, которое нужно убить?

Она кивнула. Наверняка это будет дракон... или даже квази-дракон. Все остальное неважно. Ее как будто забросили назад в пустое никуда, из которого она и появилась, но бессмысленно натренированную владению мечом и превращенную в создание, которым она теперь является...

Что-то стало шлепаться на ее чешую, оставляя расплывчатые серебристые дорожки, которые тут же принялся копировать ее камуфляж. После некоторого замешательства она осознала, что это слезы.

- Ты что-нибудь помнишь о своей прошлой жизни? - спросила Элли.

Бесс пожалала наплечными пластинами брони и пророкотала о ювелирном изделии, которым ей случилось обладать. Вещица на цепочке, овальной формы.

- Медальон?

- Да, по-моему, это называется медальон. Ты знаешь о них?

- Ну конечно. У меня такой есть. А что внутри?

- Что значит - внутри?

Элли рассмеялась и положила свою ладошку на здоровенную латную перчатку Бесс.

- Ты и вправду только и знаешь, как убивать кого ни попадя, Бесс?

А потом объяснила, что медальон состоит из половинок, скрепленных на петлях: как-никак на этом острове можно было отыскать множество образчиков этой или любой другой безделушки. Однако главное, что чувствовала Бесс, было близкое присутствие человека и странное, но исключительно приятное ощущение руки, прикасавшейся к ее необыкновенной плоти.

* * *

Дело шло к вечеру. Рассветные певцы уже издали первые пробные крики, на которые щебетом отозвались птицы. Вопреки некогда популярной поговорке, покинуть Остров Мертвых оказалось намного проще, чем попасть на него, и скоро Элли вела Бесс назад к мраморным ступенькам, по которым они вошли, и вниз, в недра леса. Двигаясь меж колонн через кромешную тьму, Бесс вновь ощутила опасность этого места. Оно гораздо больше походило на обиталище чудовищ, нежели остров над ним. Но Элли вывела. Впереди показалась поляна.

- Придешь завтра?

- Да, - улыбнулась Элли. - Приду.

Бесс поплелась по луговой траве, уже искрившейся росой среди более темных пятен кровоцветков. С шипением открылся люк коляски. Она забралась внутрь и отстегнула меч. Отверстие скважины в центре алтаря кабины, которое, несомненно, скоро доставит ей новый приказ и, быть может, даже извинения за бесцельную трату времени, оставалось непроницаемо черным. Зашипела кормушка, и Бесс поела. Затем, уже собираясь улечься, вдруг вспомнила рассказ Элли о медальонах. Со смутным любопытством она открыла сундучок и вытащила из него украшение. После минутной борьбы половинки раскрылись.

* * *

Настало утро, и хотя для рассвета было еще слишком рано, Бесс уже стояла с мечом на сумеречной поляне рядом с коляской. Она тоже являла собой сумеречное существо - за этим следила ее броня. Но вот запели певцы зари. Вскоре от башни к башне разольется свет. А вот и Элли, выступающая из тени деревьев, бледная, словно очищенная ветка.

- Бесс, ты здесь! - Она едва ли не бежала. И почти смеялась. Наконец, сделала и то, и другое.

- Я же сказала, что буду, разве нет? - Голос Бесс был мягок, насколько только возможно для подобного существа. И печален. Элли замерла.

- Что случилось? - Они стояли в рассеивающихся сумерках в нескольких шагах друг от друга, рядом с проржавевшим жукообразным корпусом коляски. - Ты как будто другая.

- Я не изменилась, - прогромыхала Бесс. - Но я принесла тебе это. Возьми... - и она протянула медальон, поблескивавший и покачивавшийся на серебряной цепочке в ее грубой клешне.

- Та штука, о которой ты говорила... - Вид у Элли был озадаченный и нерешительный. - Медальон. Но это же... - она взяла вещицу в ладошку: там, где они стояли, набравший силу свет вспыхнул розовым, - мой.

- Открой его.

Элли кивнула. Со всех сторон их окружали красные цветы. Серебро медальона отражало их цвет, который теперь казался кровавым. Пальчиками, гораздо более ловкими и легкими, чем когти Бесс, Элли быстро открыла вещицу. Тут же вспыхнула проекция - маленькая, но весьма изысканная: лица трех женщин. Те же, что парили в стойке из голографического стекла в мавзолее Даллы. Однако на этом портрете они выглядели настолько же счастливыми, насколько там - скорбными.

- Матери Даллы, - выдохнула Элли. - Это твоя вещь, Бесс. Но также и

моя...

- Да.

Элли захлопнула медальон. Рассвет уже заливал их, и на фоне кровоцветков Элли была прекрасна - и в тоже время бледна, опасна и резко очерченна.

- Это ведь не может произойти по-настоящему, а? - прошептала она.

- Думаю, должно.

- Не сочиняй, Бесс. - Она почти улыбалась. - Ты уже вспомнила?..

- Нет, не совсем. Но теперь начинаю. Мне жаль, Элли.

- И мне тоже. Неужто мы не способны двинуться своей дорогой и жить собственной жизнью: тебе - воительницей, а мне - всего лишь собой? Мне вправду придется сделать это с тобой?

- Мы связаны, Элли. Мы чудовище - искажение в пространстве-времени. Наше единство - оскорбление реальности. Оно должно быть уничтожено, иначе прорвется еще более худшее. Раздельных путей нет.

Момент убийства близок. Бесс уже слышала ядовитое гудение лучевого пистолета. Она знала, что Элли быстра, но понимала и то, что применение любого оружия, будь то клинок или лазер, является завершающей частью процесса, который любая обученная воительница должна выявить задолго до наступления последнего мгновения. Но как, во имя всех интеллектов, ей сделать это, если Элли - она сама в юности?

И вот этот момент настал. Все часы упражнений и тренировок, все похвалы и брань имамесс словно столкнулись во вневременном миге и превратились в нечто смертоносное, точное и совершенное. Впервые за всю свою изломанную жизнь Бесс выполнила «Холодный шаг вовне» с абсолютным совершенством: она и клинок находились нигде и в нескольких местах одновременно. Элли была почти так же быстра. И с легкостью могла бы оказаться еще быстрее.

Но все-таки в скорости она уступила.

Или почти уступила.

Но этого оказалось достаточно.

Бесс, расплывчатое пятно металла и мщения, перескочила назад, в обычные измерения занимавшегося рассвета. Вокруг нее, все еще брызгающие и разваливающиеся, разлетались останки Элли с Острова Мертвых.

Бесс постояла с минуту, переводя дыхание. Затем протерла и убрала в ножны меч. Теперь ей стало понятно, почему кровоцветки на этом лугу цветут столь пышно. Без них разбросанные повсюду ошметки плоти были бы ужасны до невыносимости. Но что-то поблескивало там, безупречное и незапятнанное. Она подняла. Ее клинок раскромсал все - время, жизнь, вероятность, быть может, даже любовь, - но не цепочку с медальоном. Единственную нить,

связывавшую все остальное.

Теперь она все вспомнила. Как будто ничего и не забывала. Игры с Даллой, которая называла ее Элизабет, иногда Элли, изредка Бесс, - все эти зоны назад, когда она была немногим больше, чем многообещающий призрак. Затем долгие-предолгие боль и пустота, пока ею не овладело нечто вроде «остаточной жизнестойкости». То была, подумалось Бесс, та же самая жизнестойкость, что подгоняет любую судьбу бороться за возникновение, даже если в процессе необходимо похитить тело кого-то любимого. Последовали века. Рост или перемены практически не ощущались. Некогда священный остров вокруг нее все более скатывался в разруху и запустение. Но теперь она была Элли, она носила отвергнутое тело Даллы - и была живой. А еще она постигла, что жизнь подразумевает знание, как кормиться, что, в свою очередь, подразумевает знание, как убивать.

Элли всегда была одинока, за исключением нескольких сохранившихся интеллектов из других мавзолеев. Однако до тех пор, пока одним теплым летним утром, когда словно повисший свет был особенно ясен, она не посмотрела вниз за другие огромные острова и не увидела нечто, перемещающееся по поляне с дерганой, но все же грациозной непредсказуемостью, она даже не осознавала своего одиночества. И тогда она нашла путь через переплетенные леса, что раскинулись под катакомбами, и в итоге пришла к открытой поляне и стала с восхищением наблюдать, пока ее, наконец, не заметили, и в размытых вспышках к ней явилось чудовищное создание, на поверку оказавшееся не таким уж и чудовищным.

Но вот этот медальон. Когда-то принадлежавший Далле. Уже когда Бесс протянула его, Элли поняла, что существует лишь одна возможность, как он мог оказаться у Бесс. Время, подобно цепочке медальона, замкнулось и связало их ужасными узами. И тогда Элли поняла, что из них двоих выживет лишь одна, ибо она и была тем чудовищем, убить которое прислали это существо.

Момент убийства, когда изящество, мощь и безжалостность суть все. Однако теперь Бесс вспомнила, как Элли держала лучевой пистолет, как существо-воительница замешкалась и ее лазер выстрелил острыми брызгами. И даже когда Бесс вглядывалась в останки тела Элли среди кровоцветков, к ней возвращалось воспоминание о горелой вонии ее собственного расколотого хитина и брони. В этот рассвет она умерла не один раз, но дважды.

И все же она была жива..

Солнце уже совсем взошло. Поляна сверкала росой. Оглянувшись на коляску, Бесс увидела, что люк в ней распахнут, и даже на фоне всего этого утреннего сияния вспыхивает огонь алтаря. Наверное, новые поиски. Новые убийства. Или же приказ вернуться на поправку в чугунные стены Церкви.

Интеллекты Церкви Воительниц были суровы и жестоки, но в то же время они с распростертыми объятиями встречали тех, кого ни одной другой Церкви даже в голову не пришло бы принять. А теперь они вернули Бесс память и придали ей целостность. Теперь она понимала, почему ее прежние поиски представлялись столь бесцельными и почему она не ощущала себя воительницей. Но она воистину являлась ею, ибо совершила этот окончательный шаг в холодное вонне, и изъянов в ней не обнаружилось.

Бесс тарасилась на открытый люк коляски и зловещее, манящее сияние изнутри. Однажды она уже забралась туда, сжимая этот медальон, отправленная в долгий миг забвения, и начинала жизнь, которая в итоге привела ее сюда же, назад. Но вот ее взор обратился к окружающему лесу, и она вспомнила нахлынувшее на нее ощущение различных опасностей и тайн, что таились в нем. И, быть может, чудес.

Коляска ждала.

Из люка призывал свет.

Загудел двигатель.

Бесс из Церкви Воительниц стояла - окровавленная, склонив голову - на поляне безымянного леса и размышляла, в какую сторону ей повернуть.

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Ian MacLeod. The Cold Step Beyond. 2011. Публикуется с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Azimov's» в 2011 году.

КАРСТЕН КРУШЕЛЬ

КОНЕЦ СЕЗОНА ОХОТЫ

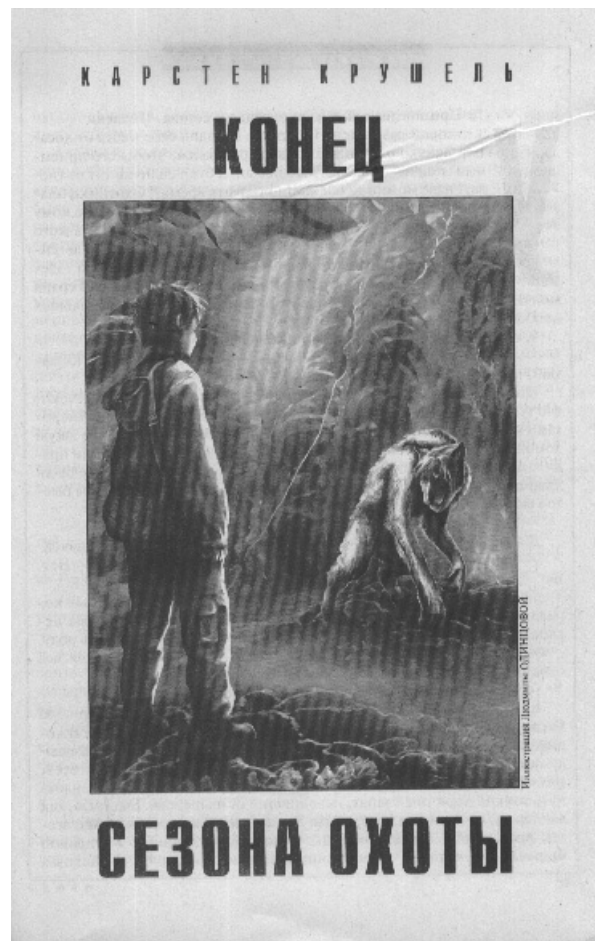

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

1. Предпоследний день охотничьего сезона. Полдень

Уже второй раз за день Герард не находил себе места от досады. Однако он изо всех сил сдерживался, чтобы его приемный отец не догадался, что пасынок буквально кипит от гнева. Разве можно так бездарно тратить время?! Охотники болтали без умолку. О том, кого они застрелили. О том, по кому промахнулись. О том, кого мельком видели в лесу, а кого только слышали. Чаще всего речь шла о вальдхай - легендарных животных со шкурой светло-песчаного цвета, элегантных, невероятно быстрых, смертельно опасных. Герард молчал и только косился на заляпанные зеленой кровью туши мясных крабов да на далекие пики гор.

К счастью, здесь не было ни одного человека из Фирмы.

- Ну что ж, неплохо поохотились, - произнес Фредерик Кауфман, приемный отец Герарда.

Это было неправдой. Остальные тоже делали вид, будто не замечают, что туши мясных крабов с их «юбкой» из щупальцев и увенчанными рогами мордами ужасно маленькие и тощие. Если бы Герард принес такую домой, он точно получил бы выволочку от Фреда.

Мадам Кауфман нравилось, когда в ее кастрюлях булькало мясо понаваристее. Это же были крабы-подростки, недостаточно сообразительные для того, чтобы быстро скрыться в зарослях папоротников, покрывавших долину.

- Где вы это нашли?

Джиламо, предводитель группы, поднял руки, словно защищаясь.

- Как будто ты здесь случайно... - ответил он невпопад. - Нет, нет. Я не верю.

Двое других пробормотали что-то насчет зарослей воздушных кораллов на берегу моря. Ну да, сейчас там только заросли. Через несколько недель уровень моря повысится, и кораллы начнут пить воду.

- Скоро время дождей, - сказал Фред. - Здесь становится всё опаснее.

- Мы ничего не боимся, - ответил Джиламо.

Его все называли Лаской за заостренное лицо и какую-то звериную хитрость. Он был тем еще лжецом - это Фреду давно известно. Джиламо много и охотно рассказывал о вальдхай, но все это сплошные выдумки. Фред вспоминал стремительные движения лесных жителей, мелькавших в зарослях. Ему довелось увидеть их очень близко, вдохнуть тонкий коричневый запах, исходивший от их шерсти. Быстрые, как леопарды, яростные, как гориллы. В рассказах Джиламо вальдхай всегда представляли страшилищами. В полном согласии с политикой Фирмы, для которой таинственные лесные жители были главным пугалом Оранжа. Они понятия не имели, какую красоту пятнают своими глупыми словами.

Герард исподтишка дернул Фреда за рукав, но тот не обратил внимания. Он разговаривал со спутниками Ласки. Его интересовало, какие приметы наступления времени дождей они заметили в пути. Их было немало. Почки на водорослях-пальмах набухли и были готовы раскрыться и выпустить клейкие сетки, чтобы во влажное время года охотиться на планктон. Из своих нор в утесах выбрались тарантулы-следопыты - они успели перелинять и разминали новенькие панцири, придавая им удобную форму, пока те еще эластичны. Звездные кошки также начали покидать свои укрытия, среди их негустого меха мерцали первые чешуйки (строго говоря, подумал Герард, их уже нельзя называть кошками - кто видел кошек в чешуе?). Змеепапоротники больше не прятались в тенистых зарослях и могли напасть, если поблизости находилась их королева. Охотничий сезон заканчивался. Внутренние области гор становились труднодоступными. А точнее - смертельно опасными. В это время года к Герарду всегда приходили ночные кошмары. Ему снилось, что он охотится в дождевых лесах, но не человек, а хищный зверь: стремительный и кровожадный, он впивается когтями в плоть живых существ и вдыхает восхитительный сладкий запах. Сны его пугали.

- А на этот раз вы видели вальдхай? - поинтересовался Фред.

Джиламо хотел уже что-то рассказать, но, взглянув на Кауфмана, тут же прикусил язык: было ясно, что Фред ждет ответа не от него.

- Нет, не довелось, - промолвил один из охотников и покосился на Герарда.

Он явно знал, как связаны вальдхай с тем, что мальчик растет у приемных родителей, и ему не нравился этот разговор.

- Значит, не видели... - задумчиво протянул Фред.

Он посмотрел на небо - в ослепительной синеве у самого горизонта бродила лишь пара маленьких мутных облаков. Рядом с ними кувыркалась стайка голубых скатов. Похоже, они уже туго набили свои питательные мешки и теперь просто играли в догонялки.

Фред перевел взгляд на землю - на расчлененные туши мясных крабов. Совсем малыши. Если бы им дали вырасти, в следующем году каждой туши хватило бы на обед большой семье.

- Приятного аппетита, - процедил он сквозь зубы, повернулся и зашагал дальше по тропе.

Герард следовал за ним. Ему казалось, что мертвые крабы уставились в спину своими тусклыми фасетчатыми глазами. Бр-р... он передернул плечами.

Когда они отошли достаточно далеко, мальчик осторожно спросил:

- Как ты думаешь, они не могли случайно найти... его?

Фред остановился и некоторое время размышлял, поглаживая подбородок.

- Нет, - сказал он наконец. - Они не двигались в этом направлении.

Герард кивнул. Ему хотелось поскорее избавиться от мысли, что всего в двух милях от стоянки горе-охотников в кустарнике лежит тело неизвестного с глубокими колотыми ранами, как будто его убили очень острым и тонким клинком. Фред, когда увидел бедолагу, пробормотал себе под нос что-то про харалужную сталь в шестьдесят три слоя. Они не пытались помочь неизвестному, хотя тот еще дышал. Даже в современной клинике, вроде больницы Мацушита, где широко использовались нанотехнологии, врачам не удалось бы спасти жизнь парню. Герард и рад был бы не думать об этом, но не мог. Как будто кто-то в его голове скреб грифелем по доске - упорно и заунывно. Он вспомнил руки незнакомца в оранжевых пятнах. Ему хотелось спросить приемного отца, что это значит, но он не смел. Казалось, он сам обязан знать ответ, но никак не может его вспомнить.

- Мы должны избегать открытых мест, - произнес Фред. - Не верю, что Фирма это так оставит. Только не в конце охотничьего сезона.

Герард испуганно оглянулся.

- Если они полетят на платформе, нам крышка, - быстро сказал он. - Мы будем как на ладони.

Фред кивнул, и они ускорили шаг. Охота была любимым развлечением

на Оранже. Охота на мясных крабов, но также и охота на людей. Собственником планеты считалась Фирма Мацушита. Только у нее имелась лицензия на использование местных ресурсов. Она снабжала техникой перерабатывающие предприятия. Ей подчинялись все: ученые, поселенцы, лесничие, а она заботилась о благоденствии своих акционеров. Мощные квантовые компьютеры в Центре исследований Мацушита генерировали сложнейшие планы, непонятные простым смертным. Но результатом этой деятельности был ежегодный выпуск новых медикаментов, косметических препаратов и других чудес биотехнологии. И пока это продолжалась, Земля была довольна. Что касается местных жителей, то пиар-менеджеры Фирмы приложили немало усилий, чтобы убедить их, что иго Мацушита благостно, а бремя - легко. И всё на планете совершалось по указке непостижимо мудрых машин, покоящихся где-то в холоде космического пространства. Где - знал лишь совет директоров.

Час спустя Фред и Герард действительно услышали шум турбин летающей платформы. Для них это не стало неожиданностью. Они знали, как тщательно Фирма контролирует этот участок. Массивная платформа, оснащенная оружием, сенсорами и камерами, чинно плыла невысоко над землей. Однако охотники успели забраться так глубоко в заросли, что не опасались даже инфракрасного сканера. Им только нужно было сидеть неподвижно. Детекторы движения, которые использовала Фирма, были превосходны, для них не составило бы труда отличить целенаправленные перемещения человеческого тела от мерного колыхания древовидных анемонов.

Атмосфера на Оранже была плотнее, чем на Земле, и здесь широко использовали аэростаты и другие летательные аппараты. Разумеется, это касалось только Фирмы. Для обычных жителей возникали трудности, не связанные, однако, с аэродинамикой. И все же полеты были опасными: можно столкнуться с голубым скатом, а если его затянет в турбину, это закончится катастрофой; можно попасть в грозовой фронт и получить удар молнии, мгновенно выводящей из строя все электронное оборудование. Электрические схемы, хоть и были хорошо защищены, все же легко зарастали мхом, проедавшим металл, или забивались спорами, и даже хитроумные наноботы Фирмы не могли справиться с этой напастью. Приборы выходили из строя слишком быстро и слишком часто, и все инвестиции, которые вкладывали Мацушита в развитие новых технологий, не помогали. В конце концов Фирма решила строить летательные аппараты, подобные этой платформе: примитивные, дешевые и надежные.

Платформа двигалась рывками. Периодически она останавливалась, зависая над каким-либо участком зарослей, чтобы пассажиры могли внимательно изучить его. Иногда из нее выдвигался зонд и брал пробы почвы или растительности. Все выглядело очень мирно, но Фред

прекрасно знал, что на борту платформы полно оружия. Наконец исследования были закончены, и платформа тронулась в путь. Когда она исчезла из поля зрения, Фред и Герард выждали еще немного и вылезли из укрытия.

- Оранжевые пятна на теле... - Герард наконец решился заговорить о том, что его тревожило. - Они мне кое-что напомнили.

Фред сжал губы. Фирма утверждала, что родителей Герарда убили опасные хищники, которых они встретили в лесу. Кауфман был с ними согласен, только он вкладывал в эти слова свой смысл. Но сейчас не время это обсуждать.

- И раны... - продолжал Герард. - Они не похожи на следы зубов и когтей... Или...

- Они считают, что это вальдхай, - наконец произнес Фред. - Но, разумеется, это неправда. Вальдхай никогда не делали ничего подобного.

Герард посмотрел вслед улетевшей платформе. Ему никак не удавалось привести мысли в порядок. Оранжевые пятна на руках мертвеца... Рассказы о страшных хищниках... Внезапно он вспомнил собаку мадам Тибальт. Ее шерсть поменяла окраску, разве нет? И когда Герард спросил отца... не родного отца, приемного, но это неважно...

- Иногда живым существам необходимо меняться, - ответил тогда Фред. - Приобретать новый облик, новые способности. Оставлять прошлое за спиной. Это называется «метаморфоз». И здесь такое случается постоянно.

Герард знал, что отец прав. Все животные на Оранже проходили в своем развитии несколько стадий, и каждая сопровождалась метаморфозом. Взять тех же мясных крабов, которые на самом деле больше напоминали морских звезд со множеством лучей. Они выходили из яиц в виде маленьких червей и прикреплялись к грунту. Потом отращивали щупальца и снова обретали подвижность, могли ползать, прыгать, карабкаться на деревья. Затем начинался сухой сезон, и они уходили в глушь леса, забирались на самую высокую ветку и сплетали кокон, в котором проводили несколько недель. Когда кокон раскрывался, из него вылезали мясные крабы и голубые скаты. Первые спускались на землю и откладывали яйца, вторые взмывали в небо. И цикл повторялся снова... и снова.... и снова...

Но как могло случиться что-то подобное с псом мадам Тибальт? Он не принадлежал Оранже. Он был обычной земной пастушьей овчаркой.

Герард задал этот вопрос Фреду, но тот сказал только:

- Теперь они улетели достаточно далеко. Мы можем идти дальше. Пойдем прямо или свернем?

Герард обладал феноменальной способностью ориентироваться на местности, и Фред частенько это использовал. Мальчик постоял

минуту, посмотрел на пряди летающего мха, которые набравший силу ветер гнал к северу, а потом без колебаний выбрал направление и зашагал вперед. Фред последовал за ним. Они шли молча. Герард глубоко задумался. Иногда ему казалось, что он не может вспомнить что-то важное, какой-то факт или случай, который все расставил бы на свои места. Может быть, так бывает со всеми пятнадцатилетними подростками? Герард не знал. Сейчас он думал о метаморфозе, о превращениях живых существ, о том, может ли случиться подобное с людьми.

Для Фреда темп, заданный Герардом, был, пожалуй, слишком быстрым, но он не окликал пасынка, не хотел тревожить. Они жили вместе уже три года, с того дня, когда родители Герарда погибли в лесу, а мальчик чудом выжил. Фред ни на минуту не поверил в утверждения Фирмы, что во всем повинны вальдхай. Мальчик вроде пришел в себя, только за последние три года не вырос ни на сантиметр. Он был здоровым, сильным, рассудительным. Казалось, там, в лесу, он за секунду узнал в десять раз больше, чем обычно знают подростки его возраста, и не хотел меняться. С ним было все в порядке, каким бы странным это ни представлялось окружающим.

2. Предпоследний день охотничьего сезона. Вечер

Возможно, им повезло... с тем, в чем не повезло. Едва Фред нашел подходящее место для самоустанавливающейся палатки и запустил процесс ее разворачивания, как они вновь услышали - пока еще вдалеке, за пиками гор - рев турбин. К ним приближалась платформа, та же самая или другая, они не знали. Похоже, Фирма плотно патрулировала этот участок леса. На этот раз у них не было времени, чтобы спрятаться: палатка площадью в двадцать квадратных метров стала отличным ориентиром - едва ли ее можно не заметить с высоты. Разумеется, люди Мацушита заподозрят, что Фред и Герард браконьеры, но у них не будет доказательств.

Вся биосфера планеты, все, что можно было добыть и использовать, принадлежало Фирме. Все, из чего можно было изготовить лекарства, косметические препараты, катализаторы. Все, что приносило деньги. Большие деньги. Это знал каждый на Оранже. Продукция Мацушита продавалась на всех населенных планетах. Особенным успехом она пользовалась у тех, кто не доверял наномедицине. Кремы для беременных, безопасные для плода. Препарат «Виргиния 2.0», способный восстанавливать девственную плеву и спасавший ежегодно честь сотен тысяч женщин. Многие люди стали счастливее и активнее, используя препараты Фирмы, и это подарило человечеству миллионы часов продуктивной работы. Рецепт от Мацушита: просто насыпь

порошок в кофе и будь весь день на пике работоспособности.

Однако у поселенцев было на этот счет свое мнение, и его лучше всех выразила мадам Кауфман, заявившая, что таблетки и порошки Мацушита - это «медицина для идиотов». Фред и Герард были с ней полностью согласны. Преданные клиенты фирмы явно поклонялись ложным идолам.

Человек Мацушита, спустившийся с небес в лагерь охотников, оказался на голову ниже Фреда. Однако три его телохранителя были достаточно высоки и мускулисты, чтобы внушить уважение любому. Это сам Накавага Исхитори - сэнпай, или, иначе говоря, главный управляющий префектуры, царь и бог здешних мест. «Он прекрасно знает, что, когда проект «Оранж» в один прекрасный день накроется, Фирма отдаст его на растерзание, - думал Фред, пока телохранители молча обыскивали палатку. - И потому спешит насладиться своей властью».

Когда обыск закончился, не принеся результатов, Накавага-сан поинтересовался, не видел ли Кауфман-анта чего-нибудь интересного в окрестностях. Фред знал, что любой японец оскорбился бы, услышав такое обращение, но предпочел казаться более невежественным, чем был на самом деле. Пусть Накавага воображает себя знатным самураем, беседующим с крестьянином - зачем доставлять ему удовольствие и показывать свое раздражение? Поэтому охотник ограничился парой невинных и бессодержательных замечаний о погоде, произнесенных тоном, полным неподдельного уважения к сэнсэю, удостоившему его беседы. Ирония такого рода была любимым развлечением поселенцев Оранжа.

Только Герард смотрел исподлобья. Он не желал принимать участия в этом спектакле. Фред почувствовал мгновенный укол страха. Если надутый индюк Накавага обратит внимание на парня, неприятностей не избежать.

- Скажите, а мальчик знает о вине своих родителей? Или вы не захотели смущать невинную детскую душу? - Тон Накавага был донельзя язвительным.

Герард сглотнул.

- Это был несчастный случай, - произнес он глухо.

Сэнпай только пожал плечами и снова обратился к Фреду:

- Мы встретили сегодня в зарослях охотников и обнаружили у них убитые экземпляры ценных животных. Фирма тщательно следит за соблюдением Конвенции и карает за ее нарушения, поэтому оба преступника были расстреляны на месте.

Фред кивнул. Фирма редко действовала так грубо и прямолинейно. Обычно тех, кому происходящее на Оранже не нравилось, прищучивали более элегантно, так что при всем желании никто ничего не мог доказать. Краем глаза он заметил, как напряжен Герард.

Телохранители тоже это заметили и чуть сдвинулись, готовясь прикрыть своего шефа. Не дай бог мальчишка что-нибудь отмочит!

- Мне кажется, это очень жестокое наказание, - тихо сказал Фред.

- Такова политика Фирмы, - ухмыльнулся Накавага. - Семья Мацушита покупает у местных жителей все, найденное ими, по справедливой цене. Каждый новый вид растений или животных, любую информацию о метаморфозах. Поэтому нет необходимости заниматься браконьерством - на это их толкает только злая воля.

«Ну да, конечно, - подумал Фред. - А сама Фирма имеет миллиардные прибыли. И пока это так, никого не интересует, соблюдаются ли законы мирового сообщества на Оранже. Главное, чтобы полки магазинов не опустели. И ваш местный оракул где-то в глубинах космоса будет неизменно вещать, что люди могут позволить себе все, что захотят. И будет прав, черт подери!»

- Мы можем еще чем-то помочь вам, Накавага-сэнсэй? - в голосе Фреда звучала почти подобострастная вежливость, больше похожая на сарказм.

Он чувствовал, что перебарщивает, но ему внезапно стало все равно, что подумает о нем узкоглазый человек. Лишь бы поскорее убрался. Фреду хотелось вывести Герарда из-под огня. Немедленно.

- Безусловно, Кауфман-кисама, - произнес Накавага.

Это обращение было еще оскорбительнее, чем предыдущее, и Герард бросил быстрый взгляд на Фреда. «Пожалуйста, держи себе в руках!» - молчаливо ответил ему приемный отец.

- Мы зафиксировали в этом регионе повышенную активность вируса Оранже, - продолжал японец. - Сегодня утром всего в нескольких милях отсюда был обнаружен инфицированный субъект. Поэтому будьте внимательны. Если узнаете что-нибудь о вирусе, воспользуйтесь каналами экстренной связи.

- О, непременно! - заверил его Фред.

- Ну что ж, спасибо за беседу, Кауфман-кисама, - Накавага небрежно кивнул и полез на платформу.

Телохранители последовали за ним, выразительно щелкнув на прощание затворами своих автоматов.

«Проклятье! - подумал Фред. - Зачем ты заговорил о вирусе, косоглазый? Мальчик не дурак, может сложить два и два».

Когда гудение платформы затихло вдали, Герард нарушил молчание:

- Значит, Ласка мертв?

- Нет, - покачал головой Фред. - Накавага говорил только о двух расстрелянных.

Ускользнуть от палачей - вполне в духе Джиламо. Но это означало, что платформа будет крутиться в квадрате по меньшей мере до темноты.

- А что это за вирус? - спросил Герард.

Фред мысленно застонал. Это должно было случиться! Когда-нибудь мальчик захочет узнать всю историю. Но почему именно сейчас, именно здесь, в дне пути от побережья? Должен ли он рассказать пареньку о вирусе, который хоть и очень редко, но все же поражает организмы, рожденные на Земле, и заставляет их претерпевать причудливые метаморфозы?

- Сначала мы должны укрепить палатку, - произнес Фред нарочито спокойно, однако взгляд Герарда сказал ему, что вопрос отложен, но не забыт.

Впрочем, установка над палаткой электрической сетки, которая должна была отпугивать мелких животных, и в самом деле заставила их отвлечься от разговора, поскольку требовала полной сосредоточенности. Посмотреть на работающих людей пришли звездные кошки. Некоторые из них все еще щеголяли своим пушистым, блестящим темно-коричневым мехом, другие перелиняли до голой кожи и были особенно пугливыми и агрессивными. В сезон дождей им лучше не переходить дорогу.

Некоторые люди брали летом в дом маленького звездного котенка: им нравилось, когда он шуршал в углах, скрывался в саду и неожиданно выскакивал из кустов, это казалось милым и занимательным. Но время шло, зверь подрастал и становился все более самостоятельным, быстрым, опасным. Тогда его обычно продавали в закупочную контору Фирмы. Из половых желез звездных кошек получался препарат, который замечательно снижал артериальное давление.

Дикие звездные кошки с началом сезона дождей сбивались в стаи и становились по-настоящему опасны. Настолько, что местные жители никогда не посещали острова, избранные кошками для гнездовий.

Герард укреплял электрическую сеть колышками. Он полностью погрузился в свою работу. На Оранже нет такого понятия «слишком осторожный». Здесь ты либо осторожный, либо мертвый.

- Медленно оглянись, - вдруг тихо приказал Фред. - Там, в зарослях, позади стаи.

Герард мгновенно понял, что имеет в виду приемный отец. Одна из звездных кошек отличалась от остальных. Ее хвост был короче, а тело и лапы массивнее. Ее глаза были большими и темными, зрачки - алыми. Но самое необычное - выражение глаз. В них читалась сосредоточенность, совсем не похожая на звериную. Что-то вроде злой воли, осознанной и сдерживаемой ярости. Герард невольно вздрогнул под этим взглядом.

- Что это? - спросил он одними губами: ему не хотелось, чтобы тварь слышала его голос.

Но Фред ответил спокойно:

- Иногда метаморфоз у звездных кошек заходит дальше, чем обычно. И появляется суперхищник. Королева кошек. Их зовут пальментами -

пальмовыми охотниками. Слышал о таких?

- Я думал, это сказки для малышей.

- Как видишь, нет. Эта дама вполне реальна. Они живут на водорослях-пальмах, могут очень далеко прыгать и убивают всех, кого встретят. Разумеется, только когда голодны.

Герард бросил быстрый, осторожный взгляд на кошачью королеву. «Надеюсь, она сегодня уже отужинала».

Фред улыбнулся:

- Не беспокойся. Она только начала превращение. По-настоящему опасной она станет через две-три недели, и тогда ее не сдержит даже электрозащита нашей палатки. Еще одна причина не уходить далеко в лес во время сезона дождей.

- Веская причина, - согласился Герард.

- Верно. Но сейчас мы можем спокойно ложиться спать - электрозащита сработает.

И Фред, пригнувшись, вошел в палатку. Герард еще раз посмотрел на пальментира, но не почувствовал страха. Казалось, им уже доводилось встречаться. Это было одно из тех странных дежа вю, к которым он уже привык за годы жизни с приемными родителями.

Позже, лежа в палатке, он спросил:

- Все животные на Оранже меняются. Все, кроме нас. Почему?

Фред что-то пробурчал под нос, но потом, после долгой паузы, ответил:

- Ты знаешь, что такое ДНК?

Герард кивнул:

- Это код, содержащийся в любой клетке. Он определяет, вырастет ли из зародыша водоросль-пальма или воздушный коралл. И все в таком духе.

- Правильно, - сказал Фред. - Все живые существа на Оранже могут претерпевать метаморфозы за счет того, что обмениваются ДНК. Для этого они используют вирус Оранже. Он забирает ненужные гены из генома и встраивает новые. И тогда начинается превращение. Личинки превращаются во взрослых особей. Из коконов, висящих на пальмах, выходят голубые скаты. Это удивительно...

Он слышал ровное дыхание мальчика. Кажется, все в порядке.

- Поэтому Мацущита так следят за появлением новых растений и животных. Их интересует, какие новые медикаменты можно из них извлечь, - продолжал Фред, постепенно уводя разговор в безопасное русло. - Теперь пора спать, завтра будет длинный день.

Но Герард долго не мог уснуть. Ему было о чем подумать. Что если человеческая ДНК также способна принять в себя вирус Оранже? Он ничего об этом не знал. Он только видел, как овчарка мадам Тибальт начала превращаться во что-то... Что-то необычное... Но что послужило причиной? Герард почти ничего не помнил о своей жизни до

того, как он оказался у Кауфманов. Двенадцать первых лет словно утонули в густом тумане. Почему он больше не растет? Что произошло с ним? Мадам Кауфман всегда была против, когда Фред брал его в лес. Она любила своего приемного сына и беспокоилась о нем. Фред тоже о нем заботился, но на свой лад. С ним Герард всегда чувствовал себя в безопасности. Он уже засыпал, когда внезапно почувствовал колебание палатки. Мальчик подполз ко входу и отодвинул полотно. На границе, обозначенной защитной сеткой, мерцали смутные тени. Слышались тихие шорохи. Герард ждал, повторит ли неведомое существо попытку. И вот оно снова осторожно дотронулось до контура электрозащиты. Вспыхнула маленькая голубая молния. Раздался громкий шорох, словно кто-то метнулся в сторону. И все стихло. В воздухе поплыл легкий запах корицы. Герард вернулся в палатку на свое место. В его снах этой ночью тоже пахло корицей и мелькали песчано-желтые силуэты - слишком быстро, так что он не мог ничего рассмотреть. Но это и не нужно. Каким-то образом он ощущал, что все в порядке, все как надо. Фред был рядом, и они занимались чем-то очень важным. Но Герард чувствовал, что у него особая задача. Он еще не знал точно - какая, но был уверен, что поймет это, когда придет время.

3. Последний день охотничьего сезона

Это было неблагоприятно - забираться так глубоко в чащу, так близко к отрогам гор. Не только из-за пальментиров и других опасных созданий. А потому что предстоял долгий обратный путь. Возможно, слишком долгий. В любом случае, сложно придумать правдоподобное объяснение этой экспедиции, которое устроило бы Фирму. Концерн Мацушита наверняка будет недоволен тем, что они находились здесь, а чем чревато такое недовольство, на Оранже хорошо знали.

Герард с тревогой наблюдал за приемным отцом. А вот Фред, казалось, совсем не беспокоился. Он напоминал довольного сытого зверя, который мечтает только о том, чтобы вернуться в свое гнездо и немного вздремнуть. Они хотели собрать почки воздушных кораллов до того, как растения начнут впитывать воду. Но Фред, казалось, забыл об этом плане. Он больше не заговаривал о том, какую цену дает за почки Фирма. Но и о том, что Супермозг Мацушита категорически запрещал поселенцам заходить в лес после окончания охотничьего сезона, больше не было речи. И еще... Фред уже не отвечал на вопросы Герарда. Казалось, у него в голове включился какой-то компас, и теперь Кауфман следует его указаниям, ни на что не обращая внимания. Герард не понимал, что занимает и вдохновляет его приемного отца.

Когда он спрашивал, почему папоротники вымахали на высоту четыре-пять метров, а их слоевища потемнели, Фред говорил ему, что растения тоже проходят через метаморфоз. Во время дождевого сезона они не пользуются хлорофиллом, переключаясь на энергию атмосферного электричества. Однако после этих коротких объяснений Кауфман снова замолкал и продолжал свой путь, словно невозмутимый дух дождевого леса. Герарда это беспокоило все сильнее.

Внезапно Фред забормотал что-то под нос. Герард мог разобрать только отдельные слова: «помощь», «ранен», «привет». Без всякого предупреждения Фред изменил направление, и мальчик последовал за ним, как нитка за иголкой. Они перебрались через неглубокий ручей, который спустя несколько дней превратится в бурный поток, продрались через заросли туманных деревьев, почти бегом преодолели участок, заросший водорослями-пальмами, которые осыпали людей облаком спор.

На вершине холма сидел человек. Подойдя ближе, Герард узнал Джиламо. Одежда охотника была измазана кровью, лицо искажено от боли, он громко стонал. Кауфманы скоро поняли в чем дело: Ласка угодил в клейкую сеть, тонкие нити которой едва заметно поблескивали на земле. Обычно разорвать такие сети для человека не составляло труда, но эта была необыкновенно большой и прочной. Над ее плетением, вероятно, трудились тысячи червей-многоножек. Они так и кишели в лесной подстилке, словно маленькие голодные запятые и тире. Ждали, когда жертва умрет, и они смогут попить без помех.

Фред вытащил свой вибронож и перерубил волокна. После чего они с Герардом вдвоем оттащили Джиламо прочь от алчущих его плоти тварей. Вообще, холодное оружие было в лесу гораздо полезнее, чем пистолеты и ружья.

- Они выследили нас с платформы, - пробормотал Ласка, - и напали. Использовали зонд для проб. Там были ножи. Длинные, острые, как косы. Они протыкали насквозь...

Фред не отвечал, он осматривал раны. Серьезно, но не смертельно. Лучше, чем могло быть. Ножи из харалужной стали в шестьдесят три слоя не наносят поверхностных ранений, если этого не хочет их владелец.

- Если бы они собирались тебя убить, - сказал Фред, - они бы так и сделали.

Но Джиламо его не слышал. Он вздох рассказывал о своем героическом бегстве от платформы. Герард слышал в школе, что обычно такие патрули использовали пушки, в особых случаях - ракеты. Смертоносное вооружение, которое стоило Фирме очень дорого. Одна использованная ракета обходилась Мацушита в такую сумму, на

которую семья колонистов могла жить месяц. Естественно, такие расходы не радовали многочисленных бухгалтеров Фирмы и, вероятно, приводили в бешенство знаменитый Супермозг.

- Я бежал, наверное, несколько часов, - продолжал Джиламо. - Все глубже и глубже в лес. Они меня преследовали, потом отстали.

«По крайней мере, это объясняет, почему он нас догнал», - подумал Герард.

Фред содрогнулся от отвращения, как будто заметил нечто на редкость неаппетитное. Герард оглянулся. Ничего особенного. Однако внезапно у него возникло ощущение опасности. Не раздумывая, он вытащил нож. В лесу звериные инстинкты слишком часто спасали людям жизнь, чтобы их можно было игнорировать.

- Это было ошибкой - помогать тебе, - произнес Герард.

Взгляд Джиламо метнулся в сторону, и мальчик проследил его направление.

Ага.

Там, в густом подлеске, под склонившимися до земли ветвями прятался маленький прибор. Рация.

«Привет, Мацушита! Всегда рады встрече, дьявол тебя раздери!»

Герард осмотрелся. Ласка лежал перед ними - измученный и окровавленный, многоножки продолжали свои странствия в прелых листьях, рация мирно поблескивала в солнечных лучах, пробивавшихся сквозь облака. Такие приборы Фирма тоже использовала сравнительно редко. В густо наэлектризованной атмосфере Оранжа продукты нанотехнологий жили всего несколько часов. Значит, Накавага Исхитори где-то поблизости и, скорее всего, на пути сюда.

В воздухе сверкнула короткая вспышка. Это Фред бросил нож. Сейчас клинок торчал из японского прибора, еще чуть заметно дрожа. Герард даже не подозревал, что его приемный отец может быть таким быстрым и точным. Прибор что-то всхлипнул на прощание, выпустил белый дымок и затих. «Новейшая техника так чувствительна!» - мстительно подумал мальчик. Внезапно он понял все. Факты соединились с фактами. И то, что нож был сделан из стали в шестьдесят три слоя, которую очень часто использовала Фирма, казалось изысканной иронией.

- Хм, я не собирался этого делать. Я только подумал, что неплохо бы... - пробормотал Фред, сам изумленный своей реакцией.

Фирма использовала Джиламо как подсадную утку. Вольно или невольно, он должен был привести людей Мацушита прямо к ним. Накавага-сан был хитрым типом и не брезговал поступками, которые казались несовместимыми с честью самурая. Возможно, его лучше было бы назвать Накавага-кисама.

Многие сотрудники Фирмы во время охотничьего сезона долгое время

проводили в лесу. Они не охотились на запретных животных, зато выслеживали поселенцев, поскольку те осмеливались нарушать приказы Мацушита. Самых удачливых отправляли на повышение - в другие миры. Такова была политика Фирмы. Ее сотрудники чтили руководство, как мать и отца, и были готовы ради него на любые преступления. Люди, заставившие Мацушита усомниться в их лояльности, выбывали сразу.

Накавага Исхитори - преданный сын Фирмы - выскочил из леса сразу же после того, как прибор испустил дух. Платформу он, вероятно, посадил где-то на открытой местности и не поленился топтать сюда на своих двоих. Три нарушителя, оставшиеся в лесу после охотничьего сезона, -- неплохой улов, ради него можно и прогуляться. Странно, что при нем не было телохранителей, но, возможно, они просто предпочитали не показываться до поры до времени.

Накавага больше не выступал важно и внушительно - он бежал. На лбу блестели капли пота. Из зарослей высокой травы-плети показались темно-коричневые блестящие тела - за японцем гналась стая звездных кошек. Герард подумал, что не завидует телохранителям: они, очевидно, до конца прикрывали своего шефа и пали на боевом посту. Окончить дни в желудке кошки, пусть даже звездной - печальная судьба.

Он выпустил очередь из автомата - лучшее охотничье оружие на Оранже: самонаводящиеся пули, искусственный интеллект. Шкуры зверей окрасились белыми брызгами - мутная субстанция, которая в этой фазе цикла заменяла им кровь, быстро сворачивалась в шарики и скатывалась на землю. Накавага добежал до охотников и остановился, переводя дыхание. Он покосился на оружие Герарда, но, видимо, решил не предъявлять претензий за отстрел редких и охраняемых Фирмой животных.

Кошки отступили, скрывшись в лесу, и на поверхность снова вылезли сердитые многоножки. Джиламо заохал, и Фред тут же приказал ему заткнуться. Тот фыркнул, но послушался.

- Помедленнее, Накавага-кисама, - произнес Фред. - Куда вы так торопитесь? Разве Фирма не может подождать вас пару минут?

На памяти Герарда, это был первый раз, когда его приемный отец по собственной инициативе обратился к человеку Мацушита.

Но Накавага не обратил внимания ни на вызывающий тон Фреда, ни на оскорбительное обращение. Он не отводил взгляда от рук охотника. Рук, покрытых оранжевыми пятнами и тонкими светло-желтыми волосками - такими же, какие Герард видел когда-то на овчарке мадам Тибальт. На лице Фреда тоже медленно проступали пятна. Даже белки глаз окрасились.

«Этот человек здорово похудел и уменьшился в росте с тех пор, как мы виделись в последний раз, - подумал Накавага. - И выглядит

тяжело больным». Он встряхнулся, снова чувствуя себя сэмпамом. Его бешено колотившееся сердце постепенно успокоилось. Перед ним всего лишь поселенец - человек, который должен подчиниться.

- Вы не порадуете свою семью, нарушая законы Мацушита, - сказал он веско. - Если вы не будете соблюдать правила, мадам Кауфман придется покинуть свой дом.

К его удивлению, Фред никак не отреагировал.

- Вы лишитесь всего своего имущества, - продолжал Накавага. - И потеряете право опеки над мальчиком. Он будет передан в другую семью. Людям, которые соблюдают законы.

Это должно подействовать. Это действовало всегда. Накавага взглянул на коммуникатор, висевший у него на шее. Странно: он был включен, но не работал. На дисплее никаких данных. Непонятно.

Он поднял взгляд и увидел, что Фред Кауфман целится ему в лицо. Накавага вздрогнул и отпрянул.

- Скажите же мальчику! - крикнул он. - Скажите ему, наконец, правду! Фред молчал.

Герард встрепнулся:

- Что он должен мне сказать?!

Накавага ответил:

- То, что ты стал сиротой по вине вальдхай. Самые опасные звери на Оранже. Звери-людоеды. Они убили твоих родителей.

«Но я не сирота, - подумал Герард. - У меня есть Фред и мадам Кауфман. Они заботятся обо мне». Накавага словно прочел его мысли.

- А люди, которые должны заботиться о тебе, обманывают тебя. Тебя и Фирму. Такие, как Кауфман и его жена, скрывают правду о вальдхай. Они защищают убийц... Мы наблюдали за вами, Кауфман-кисама. Вы вредите Фирме тысячей способов. Список ваших преступлений в наших архивах длиннее женского пояса кимоно.

Фред пожал плечами и усмехнулся.

- Такие опасные вальдхай, - произнес он. - Просто ужас. Именно такие ужасики любят сотрудники Мацушита. Быстрые, как леопарды, сильные, как гориллы. Но на самом деле вальдхай - не монстры. Они часто спасали людям жизнь.

Накавага нахмурился и хотел возразить, но Фред продолжал:

- Однажды недалеко отсюда вальдхай спасли меня от вашей машины - тарантула-охотника. Иначе я давно кормил бы червей в лесу.

Герард побледнел. На лбу выступили капли пота. Слова приемного отца словно послужили катализатором: разрозненные факты начали стремительно соединяться, срастаясь в единое полотно.

- Это неправда! - выкрикнул Накавага. - Снова глупые сказки поселенцев! Вы повторяете их, потому что они помогают скрывать ваши преступления. - Он остановился и несколько раз глубоко вздохнул. - Положите свое оружие, Кауфман-сан, и поговорим

откровенно.

«Надо же! Какие мы вдруг стали вежливые! - подумал Фред. - Бесплезно, Накавага-аната. У вас нет шансов».

- Я благодарен вальдхай. Если бы не они, тарантул разделал бы меня на части, - голос Фреда звучал очень спокойно, настолько, что это удивило его самого. На самом деле он был полон гнева. - А благодаря вашим усилиям трех колонистов во славу Фирмы покрошили в фарш ножами зондов.

Теперь Накавага выглядел испуганным.

- Пожалуйста, Фред! Эти вальдхай...

- Это был жаркий день. Я потерял бдительность, и тарантул напал из засады. У меня не было шансов, и я это понимал.

Голос Фреда звучал глухо - казалось, он грезит наяву. Оранжевые пятна расползались и закрыли уже всю видимую поверхность тела. Накавага смотрел на него, как крыса на змею. «Оранжевый вирус! - билось у него в голове. - Вальдхай! Фирма в опасности! Остановить! Уничтожить!» Он зашарил рукой по бедру, пытаясь нащупать оружие. Ничего нет. Наверное, потерял при бегстве.

Фред неожиданно поймал его взгляд и сказал четко:

- У меня не было шансов. Теперь их нет у вас.

Выстрел был почти бесшумным. Между бровями Накаваги появилась маленькая дырочка, из которой толчками выплескивалась кровь. Японец откинулся назад и упал тяжело, как мешок. Его остановившиеся глаза смотрели в небо.

В Фирме Мацушита появилась вакансия, а многоножки получили долгожданный корм.

- Вальдхай не убийцы, - произнес Фред. - Поверь мне, Герард.

- Я знаю, - ответил мальчик.

Все стало на свои места. Теперь Герард знал, что произошло здесь давно и что произойдет сейчас. И был готов к этому.

Охотники поделились с Лаской запасами и расстались. Раны Джиламо были поверхностными, и он в состоянии добраться до ближайшего поселения сам. Фред и его приемный сын спешили к отрогам гор, в сокровенные глубины леса.

4. Первый день после окончания охотничьего сезона

К утру начал накрапывать дождь.

Кожа Фреда покрылась светло-желтым мехом. Цвета песка. Цвета вальдхай. Фред не обращал на это внимания - его занимали совсем другие вещи. Он учился узнавать запахи, тысячи запахов этого пьяного леса. Мох-споровик, трава-плеть, змеепопоротники - все они теперь оповещали его о своем местоположении задолго до того, как он их

видел. Может быть, он даже поймет когда-нибудь, о чем они разговаривают между собой.

Когда-нибудь. Позже.

Он скинул куртку - ему было тепло и так. Через пару шагов остановился и снял брюки. Вирус Оранжа бушевал в его крови, заставляя тело меняться. Он ощущал присутствие Герарда. Их связь, их взаимное доверие и еще что-то, для чего не было слов в человеческом языке.

Рубашка упала на землю вслед за курткой и штанами. Тело Фреда мгновенно облепили насекомые, но он, кажется, не возражал против этого. Шерсть уже полностью покрыла оранжевые пятна. Тело стало тоньше и одновременно мускулистее. Опаснее. Теперь это было тело хищника. Он скинул сапоги и двигался бесшумно, как пальментир. Его ноги больше не боялись ни колючек, ни острых сучков.

Герард ощущал тонкий запах корицы, который усиливался с каждым шагом Фреда. Он смешивался с запахом дождя и таял в ароматах леса. Мальчик с благоговением следил за превращением приемного отца. Процесс шел гораздо быстрее, чем с овчаркой мадам Тибальт. Этот вирус был очень эффективен.

Внезапно Фред остановился, повернулся к Герарду и похлопал его по плечу. Легкий ветер играл песчано-желтой шерстью. Мальчик понял, что настала пора прощаться, но не почувствовал грусти. Когда-нибудь с ним произойдет то же самое. И может быть, к тому времени у него появится тот, кто сопроводит его в глубину леса и с кем он попрощается, прежде чем исчезнуть в зарослях. И через два или три века, когда люди забудут даже само имя Мацушита, он и Фред будут охотиться в этом лесу вместе и вспоминать удивленный взгляд мертвого Накаваги. Оба будут выглядеть, как пятнадцатилетние подростки, и оба станут мудрее. Гораздо мудрее кибернетического Супермозга Фирмы.

Вальдхай исчез среди водорослей-пальм. Стремительная тень, зыбкий фантом. Но Герард знал, что скоро они встретятся.

Перевела с немецкого Елена ПЕРВУШИНА

© Karsten Kruschel. Ende der Jagdsaison auf Orange. 2010. Публикуется с разрешения автора.

АЛИСТЕР РЕЙНОЛДС

СПЯЧКА

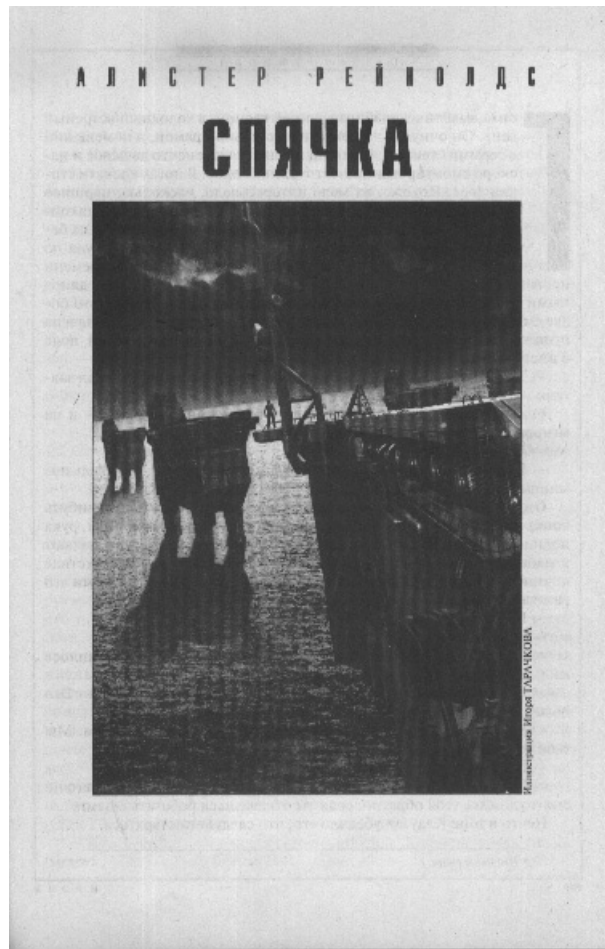

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Гонта вывели из анабиоза ранней весной, в холодный ветреный день. Он очнулся на кровати со стальной рамой, в помещении с серыми стенами. Комната выглядела как нечто дешевое и наскоро смонтированное из готовых блоков. В ногах кровати стояли двое. Похоже, их мало интересовало, насколько паршиво он себя чувствует. Мужчина прижимал к груди миску с какой-то едой и торопливо орудовал ложкой, словно завтракал на бегу. Его седые волосы были коротко подстрижены, и, судя по морщинистому лицу с задубевшей кожей, он много времени проводил вне помещений. Рядом стояла женщина с чуть более длинными волосами - скорее седеющими, чем седыми, - и намного более смуглой кожей. Подобно мужчине, она была жилистая и облачена в потертый серый комбинезон. Ее бедра охватывал тяжелый пояс с инструментами.

- Ты как, цел, Гонт? - спросила она, пока ее товарищ доедал завтрак. - Ты *compos mentis*?*¹⁴

Гонт прищурился - свет в комнате был слишком яркий - и на мгновение запутался в воспоминаниях.

---

¹⁴ * *Вменяем (лат.).*

- Где я? - спросил он.

- В комнате. Тебя разбудили, - ответила женщина. - Ты ведь помнишь, как засыпал?

Он ухватился за воспоминания, отыскивая в них хоть что-нибудь конкретное. Врачи в зеленых халатах, стерильная операционная, рука подписывает последний документ перед тем, как его подключают к машинам. В вены медленно льются препараты, полное отсутствие печали или тоски, когда он прощался со старым миром, со всеми его разочарованиями.

- Кажется, помню.

- Как тебя зовут? - спросил мужчина.

- Гонт. - Ему пришлось выждать секунду, пока вспомнилось имя. - Маркус Гонт.

- Вот и хорошо, - сказал мужчина, вытирая губы рукой. - Это положительный признак.

- Я Клаузен, - представилась женщина. - А это Да Силва. Мы твоя группа пробуждения. Ты помнишь «Спячку»?

- Не уверен.

- Подумай хорошенько, Гонт, - попросила она. - Нам ничего не стоит уложить тебя обратно, если ты откажешься работать с нами.

Нечто в тоне Клаузен убедило его, что следует постараться.

- Компания, - сказал он. - «Спячкой» называлась компания. Она уложила меня спать. Она всех уложила спать.

- Клетки мозга вроде бы не повреждены, - заметил Да Силва.

Клаузен кивнула, но никак не показала, что рада правильному ответу Гонта. Скорее, ее успокоило, что Гонт избавил их от какой-то мелкой обязанности, и не более того.

- Мне понравилось, как он сказал «всех». Словно это так и было.

- А разве нет? - удивился Да Силва.

- Для него - нет. Гонт был одним из первых. Ты что, не читал его досье?

Да Силва поморщился:

- Извини. Немного отвлекся.

- Он был одним из первых двухсот тысяч, - напомнила Клаузен. - Членом эксклюзивного клуба. Как вы себя называли, Гонт?

- Избранные. Совершенно точное описание. А как еще нам было себя называть?

- Везучие сукины дети, - подсказала Клаузен.

- Помнишь, в каком году тебя усыпили? - спросил Да Силва. - Ты был одним из первых, значит, это случилось примерно в середине века.

- В 2058-м. Если надо, могу назвать месяц и число. Насчет времени суток не уверен.

- И ты помнишь, разумеется, почему на такое решился, - заметил Да Силва.

- Потому что мог. Потому что любой в моей ситуации поступил бы так же. Мир становился все хуже, катился под откос. Но еще не рухнул окончательно. А врачи год за годом продолжали твердить, что прорыв к бессмертию совсем рядом. Еще чуть-чуть, и готово. Мол, вы уж продержитесь еще немного. Но мы все старели. А потом врачи заявили: сейчас мы еще не способны подарить вам вечную жизнь, зато можем предоставить средство проскочить через годы ожидания, пока это не произойдет. - Гонт заставил себя сесть на кровати, силы постепенно возвращались в конечности, особенно из-за нарастающей злости. Почему к нему не проявляют должного почтения? И почему, что еще хуже, его тут осуждают и оценивают? - В нашем поступке не было ничего плохого. Мы никому не причинили вреда, ни у кого ничего не отняли. Мы лишь воспользовались имеющимися у нас средствами, чтобы достичь того, что и так к нам приближалось.

- Кто сообщит ему новости? - спросила Клаузен, глядя на Да Силву.

- Ты проспал почти 160 лет, - сказал мужчина. - Сейчас апрель 2217 года. На дворе двадцать третий век.

Гонт снова обвел взглядом обшарпанное помещение. У него имелись некие туманные представления о том, каким станет пробуждение, но реальность совершенно в них не вписывалась.

- Вы мне лжете? - спросил он.

- А ты как думаешь? - вопросом на вопрос ответила Клаузен.

Гонт поднес к лицу руку. Она выглядела, насколько он мог вспомнить, точно такой же, как и прежде. Те же старческие веснушки, те же набухшие под кожей вены, те же волосатые костяшки пальцев, те же шрамы и дряблая, как у ящерицы, кожа.

- Принесите зеркало, - попросил он, охваченный дурным предчувствием.

- Избавлю тебя от хлопот, - сказала Клаузен. - Ты увидишь примерно такое же лицо, с каким заснул. Мы ничего с тобой не делали, только вылечили подкожные повреждения, вызванные несовершенством ранних методов замораживания. Физиологически ты все еще мужчина шестидесяти трех лет и проживешь еще лет двадцать или тридцать.

- Тогда зачем вы меня разбудили, если процесс еще не завершен?

- А его нет, - сообщил Да Силва. - И не будет еще очень долго. У нас сейчас совершенно другие заботы. И среди этих проблем бессмертие - на последнем месте.

- Не понимаю.

- Поймешь, Гонт, - утешила подопечного Клаузен. - Рано или поздно понимают все. Кстати, мы тебя выбрали, учитывая твои способности. Ты ведь сделал состояние на компьютерах, верно? Работал с искусственным интеллектом, пытался создать мыслящие машины.

Одно из смутных разочарований оформилось в конкретное поражение. Он вспомнил энергию, вложенную в одну-единственную

амбицию. Вспомнил друзей и возлюбленных, которых он сжег на этом пути, вычеркнув из жизни, сфокусированной на «белом ките».

- Из этого ничего не получилось.

- Верно, но ты все же на этом разбогател.

- Просто способ заработать. Какое это имеет отношение к моему пробуждению?

Клаузен, похоже, собралась ответить, но что-то заставило ее передумать.

- Одежда в шкафчике возле кровати, по размеру должна подойти. Хочешь позавтракать?

- Я не голоден.

- Желудку понадобится какое-то время, чтобы проснуться. А пока, если тебя тошнит, лучше вывали все сейчас, чем потом. Не хочу, чтобы ты загадил мой корабль.

Детали неожиданно стали складываться в картину. Функциональное помещение, фоновый шум далеких механизмов, утилитарная одежда этой парочки... возможно, он на борту какого-то космического аппарата. Двадцать третий век... Времени было вполне достаточно, чтобы основать межпланетную цивилизацию, пусть даже в пределах Солнечной системы.

- Мы сейчас на корабле?

- Конечно, нет, - фыркнула Клаузен. - Мы в Патагонии.

* * *

Он оделся, натянув нижнее белье, белую футболку и такой же серый комбинезон, как у местных. В комнате ощущались прохлада и сырость, и он порадовался, что одет. Гардероб дополнили ботинки со шнурками, немного тесные в пальцах, но в остальном вполне приличные. Одежда была на ощупь самая обычная и простая, хотя местами слегка потертая и поношенная. Зато сам он оказался чист и ухожен, волосы ему коротко подстригли, а бороду сбрили. С ним хорошо поработали, прежде чем привести в сознание.

Клаузен и Да Силва ждали его возле комнаты в коридоре без окон.

- Наверное, у тебя сейчас масса вопросов, - сказала Клаузен. - Например, почему со мной обращаются, как с дерьмом, а не как с королевской особой? Что случилось с остальными избранными, что это за вонючее место и так далее?

- Полагаю, вы собираетесь в ближайшее время на них ответить.

- Расскажи-ка ему сразу о сделке. Открытым текстом, - предложил Да Силва. Он успел надеть куртку, а через плечо у него висела застегнутая на молнию сумка.

- Какую еще сделку? - осведомился Гонт.

- Начнем с того, что ты для нас отнюдь не какая-то особая персона, - сообщила Клаузен. - И тот факт, что ты проспал 160 лет, нас совершенно не впечатляет. Это старые новости. Но ты все еще полезен.

- В каком смысле?

- Нам не хватает одного человека. Работа здесь суровая, и мы не можем потерять даже одного члена команды, - ответил Да Силва. Хотя они еще мало общались, у Гонта сложилось впечатление, что мужчина чуть более рационален, чем его коллега, и не проявляет столь неприкрытой антипатии. - А сделка такая: мы тебя обучаем и даем работу. В обмен, разумеется, о тебе будут хорошо заботиться. Еда, одежда, спальное место, лекарства из тех, что у нас имеются. - Он пожал плечами. - Мы все согласились на это. Если попривыкнуть, то не так уж плохо.

- А какая альтернатива?

- Снова в мешок, бирку на палец - и в морозильник, - сообщил Да Силва. - В компанию к остальным. Выбор, конечно, за тобой. Или работать с нами, стать одним из команды, или залечь обратно в спячку и попытать удачи таким способом.

- Нам пора идти, - сказала Клаузен. - Не хочу заставлять Неро ждать на палубе «Ф».

- Кто такой Неро?

- Последний из тех, кого мы разбудили до тебя, - пояснил Да Силва.

Они прошли по коридору, миновали несколько распахнутых двустворчатых дверей и вошли в нечто вроде столовой или комнаты отдыха. За столами сидели мужчины и женщины разного возраста, негромко разговаривали, ели, играли в карты. Все здесь выглядело по-спартански или как в каком-то учреждении - от пластиковых стульев до крытых пластиком столов. В дальней стене виднелось мокрое от дождя окно, обрамляющее прямоугольник серых туч. Гонт заметил несколько брошенных на него взглядов, быстро угасший интерес со стороны двух-трех присутствующих, но никто не изумился, увидев его.

Они двинулись дальше, поднялись по лестнице на следующий этаж этого непонятного здания. Навстречу попался пожилой мужчина, китаец на вид, с замасленным гаечным ключом в руке. Он поприветствовал Клаузен, подняв свободную руку с растопыренными пальцами, Клаузен ответила тем же. Затем они поднялись еще на этаж, прошли мимо шкафов с оборудованием и распределительных щитов и далее вверх по спиральной лестнице в продуваемый ветром ангар из гофрированного металла, где пахло маслом и озоном. На стене ангара как-то нелепо смотрелся надувной оранжевый спасательный жилет, на противоположной стене висел красный огнетушитель.

Гонт напомнил себе, что на дворе двадцать третий век. Несмотря на

это унылое окружение, у него не было причин сомневаться, что таковы реалии жизни в 2217 году. Пожалуй, он всегда верил, что мир будет улучшаться, а будущее окажется лучше прошлого - ярче, чище, стремительнее, - но никак не предполагал, что его вера подвергнется такому испытанию.

Из ангара наружу вела единственная дверь. Клаузен открыла ее, преодолевая сопротивление ветра, и они вышли, оказавшись на крыше. Гонт увидел квадрат потрескавшегося и заляпанного маслом бетона, размеченный полосами выцветшей красной краски. В дальнем углу площадки что-то уныло клевали две чайки. Гонт порадовался, что в будущем есть хотя бы чайки. Значит, тут не произошло какой-нибудь ужасной, сметающей жизни биокатастрофы, вынудившей людей ютиться в бункерах.

На бетоне в центре крыши стоял вертолет. Это была матово-черная, поджарая, смахивающая на осу конструкция, состоящая больше из углов, чем округлостей, и, если не считать нескольких зловещего вида выпуклостей и подвесок, ее вид не отличался чем-либо особо футуристическим. Насколько Гонт мог судить, прототипом вертолета вполне могла стать модель, выпускавшаяся еще до того, как он залег в спячку.

- Что, дерьмовенький вертолет? - угадала Клаузен мысль своего подопечного. Ей пришлось повысить голос, чтобы перекрыть гул ветра.

Гонт улыбнулся:

- На чем он работает? Полагаю, запасы нефти кончились еще в прошлом веке.

- На бензине, - сообщила Клаузен, открывая дверь кабины. - Залезай назад и пристегнись. Да Силва полетит впереди, со мной.

Да Силва повесил свою сумку в задней части кабины, где уже расположился оцепеневший от испуга Гонт. Гонт взглянул на приборную панель в просвет между передними креслами. Ему уже доводилось сидеть в частных вертолетах, и он хорошо знал, как выглядят приборы ручного управления в обход автоматики. Вот и здесь на панели он не разглядел чего-то незнакомого или необычного.

- Куда мы летим?

- На смену вахты, - пояснил Да Силва, надевая наушники. - Два дня назад произошел несчастный случай на платформе «Джи». Потеряли Гименеса, ранило Неро. Погода не подходила для эвакуации, но сегодня появилось окно. Кстати, из-за этого тебя и разбудили. Я займу место Гименеса, а тебе придется заменить меня здесь.

- У вас не хватает рабочих рук и поэтому меня разбудили?

- В общем, да, - согласился Да Силва. - Клаузен решила, что тебе не помешает прокатиться с нами. Быстрее войдешь в курс дела.

Клаузен защелкала переключателями на потолке. Лопасты начали раскручиваться.

- Наверное, для более дальних полетов у вас есть что-нибудь побыстрее вертолетов, - предположил Гонт.

- Нет, - ответила Клаузен. - Если не считать нескольких кораблей, мы обходимся вертолетами.

- А как же межконтинентальное сообщение?

- У нас его нет.

- Не в таком мире ожидал я проснуться! - сообщил Гонт, перекрикивая шум над головой.

Да Силва обернулся и показал на наушники, висящие на спинке кресла. Гонт надел и пристроил микрофон перед губами.

- Я сказал, что не в таком мире ожидал проснуться.

- Понял, - кивнул Да Силва. - Еще в первый раз.

Лопасты разогнались до взлетной скорости. Клаузен подняла вертолет, посадочная площадка на крыше поползла вниз. Машина некоторое время двигалась вбок, опустив нос, пока не вылетела за границу крыши. Стена здания за окном рванулась вверх, и Гонта слегка замутило из-за быстрого спуска. Оказалось, что никакое это не здание - по крайней мере не такое, каким он его представлял. Вертолетная площадка располагалась на крыше прямоугольного промышленного на вид сооружения размером примерно с большой офисный квартал, опутанного мостками и мостиками, ошестившегося кранами, дымовыми трубами и прочими непонятными выступами. В свою очередь, сооружение поднималось из моря на четырех мощных опорах, в расширяющиеся основания которых без устали били волны. Это была нефтяная вышка или какая-то промышленная платформа - во всяком случае нечто, созданное на подобной основе.

И она не стояла в одиночестве. Вышка, с которой они взлетели, была лишь одной из множества на огромном поле, тянущемся до угрюмого, серого и смазанного дождем горизонта. Вышек были десятки, и Гонт догадывался, что у горизонта они не заканчиваются.

- Для чего они? Я знаю, что не для добычи нефти. Ее не могло остаться столько, чтобы окупить бурение в таких масштабах. Запасы уже приближались к истощению, когда я отправился в спячку.

- Спальни, - пояснил Да Силва. - На каждой платформе примерно десять тысяч спящих. А в море они построены, потому что для их энергоснабжения мы используем ЭТГ, энергию температурного градиента морской воды - за счет разницы температур на поверхности и в глубине океана. Так намного легче, не надо тянуть кабели на материк.

- И теперь мы за это расплачиваемся, - сказала Клаузен.

- Если бы мы обосновались на материке, то вместо морских драконов они послали бы сухопутных. Они просто приспособиваются к нашим действиям, - прагматично возразил Да Силва.

Вертолет мчался над маслянистой и бурлящей водой.

- Это действительно Патагония? - спросил Гонт.

- Прибрежный сектор Патагонии, - пояснил Да Силва. - Подсектор пятнадцать. Здесь мы и несем вахту. Нас около 200 человек, а под нашим присмотром около ста вышек. Этим все сказано.

Гонт проделал мысленные расчеты, затем пересчитал еще раз, не веря услышанному:

- Это же миллион спящих.

- И десять миллионов во всем Патагонском секторе, - добавила Клаузен. - Тебя это удивляет, Гонт? Мол, как эти десять миллионов человек смогли получить то же, что давным-давно получили ты и твоя драгоценная горстка избранных!

- Пожалуй, нет, - проговорил Гонт, когда осознал услышанное. - Со временем стоимость процесса наверняка снизилась и стала доступной для людей с меньшими средствами. Для просто богатых, а не сверхбогатых. Но она никогда бы не стала доступной для масс. Может быть, для десяти миллионов. Но для сотен миллионов? Вы уж извините, но экономически такое невозможно.

- Тогда хорошо, что у нас нет никакой экономики, - заметил Да Силва.

- Патагония - лишь малая часть целого, - пояснила Клаузен. - Есть еще двести секторов, таких же больших, как этот. А это два миллиарда спящих.

Гонт покачал головой:

- Где-то тут ошибка. Когда я заснул, на планете жили восемь миллиардов человек, и население сокращалось! Вот только не говорите, что четверть населения планеты сейчас спит!

- Может, тебе легче будет поверить, если я скажу, что нынешнее население Земли как раз и составляют те самые два миллиарда, - отозвалась Клаузен. - И почти все они спят. Всего лишь горстка бодрствует - присматривает за спящими, платформами и ЭТГ-станциями.

- Четыреста тысяч бодрствующих, - подтвердил Да Силва. - Но по жизни ощущение такое, что нас намного меньше, ведь мы практически все время остаемся в назначенных секторах.

- Знаешь, в чем настоящая ирония ситуации? - спросила Клаузен. - Теперь *мы* можем называть себя избранными. Те, кто *не* спит.

- Но тогда получается, что заниматься чем-то реальным просто некому, - заявил Гонт. - Какой смысл всем дожидаться бессмертия, если никто из бодрствующих не работает?

Клаузен обернулась, чтобы взглянуть на него, и выражение ее лица красноречиво сказало все, что она думает о его интеллекте.

- Мы работаем. Но не ради бессмертия. Ради выживания. Так мы вносим свой вклад в войну.

- Какую еще войну?

- В ту, что идет вокруг нас. Ту, которую помог начать ты.

* * *

Они приземлились на другой вышке, одной из пяти, стоявших настолько близко, что их соединили кабелями и мостиками. Море все еще волновалось, и в бетонные опоры вышек били огромные волны. Гонт напряженно всматривался в окна, шарил взглядом по палубам, но нигде не видел следов человеческой деятельности. Он вспоминал слова Клаузен и Да Силвы, пытаясь отыскать причину, побудившую их лгать ему, так долго и упорно скрывать от него правду о мире, в котором он проснулся. Возможно, тут практиковалась некая форма массового развлечения: спящих вроде него будили и устраивали им эмоциональную встряску, показывая худший из возможных сценариев. Несчастных доводили до отчаяния и нервного срыва и лишь потом отдергивали серый занавес и демонстрировали - о, чудо! - что жизнь в двадцать третьем веке действительно такая безоблачная и утопическая, как они надеялись. Впрочем, подобное казалось маловероятным.

И все же... какая еще война потребовала уложить в спячку миллиарды людей? И почему отряд присматривающих, эти четыреста тысяч бодрствующих, настолько малочислен? Ясно, что вышки во многом автоматизированы, но тем не менее его все же потребовалось разбудить только потому, что в Патагонском секторе кто-то умер. В таком случае, почему бы сразу не разбудить больше людей, чтобы система имела резерв на случай потерь?

Когда вертолет благополучно опустился на площадку, Клаузен и Да Силва велели ему следовать за ними в недра другой вышки. Она почти не отличалась от той, где разбудили Гонта, только здесь практически не было людей, а вместо них повсюду сновали ремонтные роботы. Гонт сразу понял: эти примитивные машины лишь немного умнее автоматических мойщиков окон. Неужели того стоили годы жизни, которые он отдал мечте об искусственном интеллекте?

- Нам надо кое-что выяснить раз и навсегда, - заявил Гонт, когда они уже шагали среди гудящих механизмов внутри платформы. - Я никакой войны не начинал. Вы не на того пальцем указываете.

- Думаешь, мы перепутали твое досье? - спросила Клаузен. - А откуда тогда мы узнали, что ты работал над мыслящими машинами?

- Значит, вы зашли не с того конца. Я не имею никакого отношения к войнам или военным.

- Мы знаем, чем ты занимался. Ты потратил много лет на создание настоящего искусственного интеллекта, способного выдержать тест Тьюринга. Мыслящей и разумной машины.

- Да, только этот путь оказался тупиковым.

- Но все же он привел к некоторым полезным побочным результатам, разве не так? - продолжила Клаузен. - Ты решил сложную проблему языка. Твои системы не просто распознавали речь, а могли понимать ее на уровне, недостижимом для любой компьютерной системы. Метафоры, сравнения, сарказм, умолчание, даже подтекст. Конечно, результат имел разнообразные сферы применения в гражданской жизни, но свои миллиарды ты заработал не на них. - Женщина бросила на него резкий взгляд.

- Я создал продукт. Я просто сделал его доступным для любого, кому он был по карману.

- Разумеется. К сожалению, твоя система оказалась идеальным инструментом для массовой слежки, и ею воспользовалось каждое деспотическое правительство, оставшееся на планете. Любому тоталитарному государству просто не терпелось его заполучить. И ты совершенно не испытывал угрызений совести, продавая его, не так ли?

Из подсознания Гонга всплыл давний и хорошо отрепетированный аргумент:

- Никакой инструмент связи никогда не был мечом лишь с одним лезвием.

- И это тебя оправдывает, да? - спросила Клаузен. Да Силва во время их разговора молчал, пока они шли по коридорам и спускались по лестницам.

- Я не прошу меня оправдывать. Но если ты думаешь, будто я начинал войны, что я несу какую-то ответственность за это... - он обвел рукой вокруг, - это убожество, то ты сильно ошибаешься.

- Ну, может, ты не один за это ответственен, - признала Клаузен. - Однако причастен, несомненно. Ты и любой из тех, кто лелеял мечту об искусственном интеллекте. Подталкивал мир к краю пропасти, не думая о последствиях. Вы и понятия не имели, какого джина выпускаете на волю.

- Повторяю, никого мы не выпустили. У нас ничего не получилось.

Они шли через подвесной мостик, переброшенный над каким-то огромным пустым пространством внутри вышки.

- Посмотри вниз, - предложил Да Силва. Гонту не хотелось этого делать - он никогда не дружил с высотой, и даже дренажные отверстия в мостике нервировали его, потому что казались слишком большими. Но все же он заставил себя посмотреть вниз. Четыре стены кубической камеры оказались полками, заставленными белыми ящиками размером с гроб, по тридцать рядов в высоту. Их опутывала сложная мешанина трубопроводов и не менее сложная паутина мостиков, лесенок и сервисных дорожек. Гонт увидел, как робот, жужжа моторчиками, подкатил к одному из ящиков, извлек из его торца какой-то модуль, потом двинулся дальше, к соседнему гробу.

- На случай, если ты подумал, что мы пудрим тебе мозги, - все это

настоящее, - сообщила Клаузен.

Анабиозные камеры для первоначальных избранных были совершенно иными. Подобно египетскому фараону, похороненному вместе с мирскими пожитками, Гонту потребовался целый склеп, набитый шкафами с самым современным оборудованием для криоконсервации и мониторинга. Согласно его контракту с фирмой, он круглосуточно находился под наблюдением нескольких живых врачей. Одно только размещение тысячи избранных требовало здания размером с большой курортный отель, примерно с такими же требованиями по энергоснабжению. По контрасту, здесь Гонт увидел анабиоз в максимально эффективном промышленном масштабе. Люди в ящиках, складированные как некие изделия массового производства и обслуживаемые абсолютным минимумом живых наблюдателей. В данной камере он видел лишь около тысячи спящих, но с этого момента у Гонта не осталось никаких сомнений: подобная технология позволяет при необходимости погрузить в спячку миллиарды.

Для этого требовалось лишь достаточное количество подобных помещений, роботов и платформ. При условии, что энергии хватает, а у людей на планете нет необходимости заниматься чем-то еще, все это реально выполнимо.

Здесь никто не выращивал урожаи и не распределял пищу. Но это не имело значения, ведь почти не осталось бодрствующих, которых надо кормить. Никто не руководил сложной и переменчивой паутиной глобальной финансовой системы. Но и это не имело значения: не осталось чего-либо, напоминающего экономику. Отпала необходимость в транспортной инфраструктуре, потому что никто не путешествовал. Не было нужды в связи: никого не интересовала обстановка за пределами сектора. Не было нужды ни в чем, кроме абсолютно необходимого для выживания. Воздух для дыхания. Пайки и лекарства менее чем для полумиллиона человек. Немного нефти, последние оставшиеся струйки, чтобы поднимать в воздух вертолеты.

- Идет война, - сказал Да Силва. - И началась она, в той или иной форме, еще до того, как тебя заморозили. Но это не та война, о которой ты, наверное, подумал.

- И как в нее вписываются все эти спящие люди?

- А у них нет выбора, - отрезала Клаузен. - Они должны спать. Если они не будут спать, мы все умрем.

- Мы?..

- Ты, я. Мы все, - подтвердил Да Силва. - Человечество.

* * *

Они забрали Неро и труп из лазарета, расположенного несколькими

этажами ниже морозильной камеры. Труп был уже упакован - обернутая в серебристый пластик мумия на больничной каталке. Неро оказался не мужчиной, как предполагал Гонт, а высокой и гибкой женщиной с открытым и дружелюбным лицом и копной рыжих кудряшек.

- Ты ведь новичок, верно? - спросила она, салютуя кофейной кружкой.

- Наверное, - неуверенно отозвался Гонт.

- К этому надо привыкнуть, уж я-то знаю. Я только через полгода сообразила: это не худшее, что могло со мной случиться. Но и ты со временем втянешься. - Одна рука Неро была забинтована и облачена в белую перчатку, пришпиленную к одежде английской булавкой. - От души советую: не возвращайся в ящик. - Тут она взглянула на Клаузен:

- Вы ведь даете ему такой шанс?

- Конечно. Таковы условия сделки.

- Знаешь, мне иногда кажется, что сделка все только осложняет, - сказала Неро. - Не проще ли просто указывать им, что надо делать, и к черту сантименты.

- Ты бы сама не очень обрадовалась, не предоставь мы тебе выбора, - заметил Да Силва. Он уже снимал куртку, готовясь остаться.

- Да, но что я тогда знала? Сейчас мне эти прошедшие шесть месяцев кажутся половиной жизни.

- Когда тебя заморозили? - спросил Гонт.

- В две тысячи девяносто втором. Я одна из первых ста миллионов.

- Гонт тебя опередил, - сообщила Клаузен. - Он был одним из избранных. Те самые избранные, первые двести тысяч.

- Ничего себе! Вот это рывочек на старте. - Неро прищурилась. - Значит, он не в курсе? Насколько мне помнится, тогда они еще не знали, во что вляпались.

- Большинство не знало, - согласилась Клаузен.

- Чего не знало? - вскинулся Гонт.

- Спячка была прикрытием, даже тогда, - пояснила Неро. - Тебе продали обманку. Никакой прорыв к бессмертию тебе не светил, сколько бы ты ни спал.

- Не понимаю. Так вы утверждаете, что все это было мошенничеством?

- Вроде того, - сказала Неро. - Не заработать деньги для кого-то, а начать процесс укладывания всего человечества в спячку. Его предполагали начать в малом масштабе, чтобы оставалось время преодолеть несовершенство технологии. Если бы знающие люди открыто объявили о своих планах, им бы никто не поверил. А если бы поверили, во всем мире началась бы паника. Поэтому они начали с избранных, постепенно разворачивая операцию. Сперва двести тысяч. Затем полмиллиона. Потом миллион, и так далее. - Она сделала паузу. - А внешне жизнь шла своим чередом. Им удалось хранить тайну лет

тридцать. Но потом поползли слухи, что спячка - это нечто большее.

- Да и драконы сильно подгадили, - добавил Да Силва. - Их существование всегда было нелегко объяснить.

- Ко времени моей заморозки, - продолжила Неро, - большинство уже знало, каков расклад. Если мы не отправимся спать, миру придет конец. И согласие на анабиоз стало нашим моральным долгом. Вариантов имелось всего два - или спячка, или эвтаназия. Я выбрала заморозку, но немало моих друзей предпочли пилюлю. Решили, что определенность смерти предпочтительнее лотереи пребывания в ящике... - Она впилась взглядом в глаза Гонта. - И об этой части сделки я тоже знала. О том, что в любой момент меня могут разбудить и сделать надсмотрщиком. Но вероятность этого была исчезающе мала. Никогда не думала, что мне выпадет такая судьба.

- Никто не думал, - буркнула Клаузен.

- А с ним что случилось? - спросил Гонт, кивнув на завернутое в фольгу тело.

- Гименес погиб, когда на восьмом этаже прорвало паровую трубу. Вряд ли он успел что-то почувствовать: все произошло внезапно. Я, конечно, спустилась туда как смогла быстро. Перекрыла утечку пара и смогла дотащить Гименеса до лазарета.

- Неро сама получила ожог, когда тащила сюда Гименеса, - сказал Да Силва.

- Ничего, поправлюсь. Только сейчас с трудом орудую отверткой.

- Мне Гименеса жаль, - сказала Клаузен.

- А ты его не жалеешь. Если честно, то ему никогда здесь не нравилось. Он считал, что принял неправильное решение, когда остался с нами, а не вернулся в ящик. Я, конечно, пыталась его переубедить, но тщетно.

- Неро провела здоровой рукой по кудряшкам. - Не скажу, что я с ним не ладила. Зато сейчас ему точно лучше, чем было.

- Он же мертв?! - удивился Гонт.

- Технически - да. Но после несчастного случая я сделала ему полную очистку крови и накачала его криопротектором. У нас здесь нет свободных ячеек, но мы сможем поместить его в ящик на главной платформе.

- В мой ящик, - уточнил Гонт.

- Есть и другие ячейки, - возразил Да Силва. - То, что Гименеса заморозят, не мешает тебе последовать за ним, будь твоя воля.

- Если Гименес был таким несчастным, то что вам мешало заморозить его раньше?

- Так дела не делаются, - заявила Клаузен. - Это был его выбор. К тому же мы вложили немало времени и труда, чтобы его обучить, помочь влиться в команду. Думаешь, мы согласились бы пустить все эти усилия коту под хвост только потому, что он передумал?

- Он всегда честно вкалывал, - напомнила Неро. - И команду никогда

не подводил. И то, что произошло с ним на восьмом, было несчастным случаем.

- Никогда в этом не сомневался, - подтвердил Да Силва. - Он был хорошим парнем. Жаль только, что не смог до конца освоиться.

- Возможно, теперь для него все сложится к лучшему, - сказала Неро. - Билет в грядущее в один конец. Смотрителем он уже отработал, и, надеюсь, следующее его пробуждение произойдет в лучшем мире, когда мы выиграем войну и сможем проснуться снова. Я уверена, что в будущем его сумеют залатать.

- Похоже, под конец он все-таки добился выгодной сделки, - заметил Гонт.

- Единственная хорошая сделка - остаться живым, - возразила Неро. - Чем мы сейчас все и занимаемся. Что бы вокруг ни происходило, мы живы, мы дышим, мы мыслим. И мы не замороженные тела в ящиках, существующие лишь от одного мгновения к следующему. - Она пожала плечами. - Я так думаю, вот и все. Если хочешь вернуться в ящик, чтобы лямку тянул кто-то другой, то не позволяй мне тебя отговаривать. - Она посмотрела на Да Силву. - Ты здесь справишься один, пока я подлечусь?

- Если с чем-то не смогу разобраться, то дам тебе знать, - ответил Да Силва.

Неро и Да Силва прошлись по контрольному списку. - Неро хотела убедиться, что сменщик полностью готов. Потом они распрощались. Гонт не знал, на какой срок коллеги оставляют Да Силву одного - на недели или месяцы. Но тот вроде бы не возражал против такой судьбы, как будто длительные одиночные дежурства время от времени были для них чем-то вполне ожидаемым. Если вспомнить, что до смерти Гименеса здесь дежурили всего двое, то Гонт не мог понять, почему бы им просто-напросто не разбудить еще одного спящего - в компанию Да Силве.

Вскоре они снова сели в вертолет и отправились на исходную платформу. Погода за это время ухудшилась, волны еще выше хлестали по опорам вышки, а горизонт скрыла завеса штормового дождя, разрываемая лишь всполохами молний.

- Вы выбрали неудачный момент, - услышал он слова Неро. - Лучше бы переждали шторм. Гименесу теперь все равно торопиться некуда.

- Мы и так слишком долго тянули с эвакуацией, - парировала Клаузен.

- А погода может ухудшиться.

- Я слышала, они вчера попытались протолкнуть одного.

- Да, на поле «Е». С частичной материализацией.

- Ты это видела?

- Только на мониторах. По мне, так достаточно близко.

- Нам следует установить оружие на вышках.

- И где ты собираешься взять стрелков? Мы и так еле держимся.

Только новых забот нам не хватает.

Женщины сидели впереди, Гонт притулился сзади, в обществе обернутого в фольгу Гименеса. Чтобы пристроить тело, пришлось разложить заднее кресло.

- Как я понимаю, выбора у меня нет, - сказал Гонт.

- Разумеется, у тебя есть выбор, - ответила Неро.

- Я имею в виду моральный выбор. Я вижу, каково вам приходится. Вы держитесь на пределе возможного только ради того, чтобы все это не развалилось. Почему бы вам не разбудить больше людей?

- Слушай, какой хороший вопрос! - отозвалась Клаузен. - И как мы сами до этого не додумались?

Гонт проигнорировал ее сарказм:

- Вы только что оставили одного человека присматривать за целым комплексом. И как я в такой ситуации могу отказать вам и при этом сохранить самоуважение?

- Многие именно так и поступили, - заметила Неро.

- Сколько именно? Какая часть из всех?

- Соглашаются остаться более половины, - сказала Клаузен. - Такой процент тебя устраивает?

- Но ты говорила, что большинство спящих знает, на что идет. А я до сих пор не знаю.

- И ты полагаешь, это что-то меняет? - спросила Клаузен. - Дает тебе право на поблажку? Так я повторю: не дергайся. Если хочешь, возвращайся в ящик, мы и без тебя обойдемся.

- Главное - понять, - добавила Неро, - что обещанное будущее не настанет. По крайней мере еще несколько столетий, пока мы не выберемся из этой заварушки. А «срок хранения» спящих, образно говоря, не бесконечен. Думаешь, оборудование никогда не отказывает? И «квартирант» остается в порядке, когда ломается его ящик?

- Конечно, не думаю.

- Когда возвращаешься в ящик, ты тем самым делаешь ставку на событие, которое может никогда не произойти. А если остаешься, получаешь хоть какую-то определенность. Во всяком случае, будешь знать, что до самой смерти делал что-то полезное и осмысленное.

- Я бы не отказался узнать почему, - заметил Гонт.

- Кто-то же должен за всем присматривать, - пояснила Неро. - Вышки обслуживают роботы, но кто позаботится о роботах?

- Я не это имел в виду, а почему все должны спать? Почему это так важно, черт побери?

На приборной панели замигала лампочка. Клаузен прижала к голове наушники, что-то слушая. Через несколько секунд Гонт услышал ее слова:

- Вас поняла, курс три-два-пять. - И еле слышно процедила: - Вот

подлость! Только этого нам не хватало.

- Это было не погодное предупреждение, - сказала Неро.

- Что происходит? - спросил Гонт, когда вертолет заложил крутой вираж, а море поднялось ему навстречу.

- Тебе беспокоиться не о чем, - буркнула Клаузен.

Вертолет лег на новый курс и выровнялся. Теперь, как показалось Гонту, он летел выше и быстрее - шум двигателя стал громче, а на панели высветились новые индикаторы, прежде остававшиеся темными. Зазвучали тревожные сигналы, но Клаузен выключила их с небрежным безразличием человека, привыкшего летать в напряженных обстоятельствах и точно знающего, что вертолет способен выдержать, а что нет - наверное, даже лучше самого вертолета, ведь тот, по большому счету, лишь тупая машина. Справа и слева цитаделями на широко расставленных ногах мелькали вышка за вышкой - сперва часто, затем все реже. Видимость ухудшилась, и Гонт мог разглядеть лишь серую морскую равнину, исчерканную пенистыми гребнями волн. Растревоженная ветром, вода напоминала шкуру огромного существа, с жуткой неутомимостью перемежающего вдохи и выдохи.

- Смотри, там, - Неро показала направо, - пробойное свечение. Вот черт, я-то думала, мы его обогнем, а не приблизимся.

Клаузен снова развернула вертолет:

- Я тоже. Или они сообщили ошибочный курс, или сейчас происходит несколько вторжений.

- И уже не в первый раз. Они всегда вылезают в плохую погоду. Почему?

- Спроси у машин.

Гонт лишь через несколько секунд смог разглядеть то, что уже заметила Неро. Где-то на границе видимости участок моря словно осветился изнутри - мазком желтоватой зелени на серо-белом фоне. Ему вспомнилась картинка из полузабытой иллюстрированной детской книжки: из моря всплывает сказочный подводный дворец, облепленный светящимися ракушками, окруженный стайками русалок и похожих на драгоценные камни рыбок. Но сейчас он отчетливо понимал: в том, что происходит под тем желтовато-зеленым мазком, нет ничего даже отдаленно магического или таинственного. И оно пугало Клаузен и Неро.

- Что это за штуковина?

- Что-то пытается пробиться, - ответила Неро. - То, чего мы рассчитывали избежать.

- Но действует несогласованно, - сказала Клаузен. - Я так думаю.

Вокруг светящегося пятна шторм бушевал с удвоенной яростью. Море кипело и пенилось. Гонта раздирали два желания. Первое - чтобы вертолет развернулся, и он смог лучше разглядеть происходящее под

волнами. А второе - оказаться отсюда как можно дальше.

- Это оружие? Или это как-то связано с войной, о которой вы говорили? - спросил он.

Прямого ответа он не ожидал, и меньше всего от Клаузен. Поэтому удивился, когда она пояснила:

- Так они до нас и добираются. Пытаются пропихнуть эти штуковины через границу. Иногда у них получается.

- Оно разваливается, - сообщила Неро. - Ты была права. Для чистого пробоя сигнал слишком слабый. Наверное, большие помехи на границе.

Желто-зеленое пятно с каждой секундой уменьшалось, словно волшебный город снова опускался в глубину. Зачарованный Гонт увидел, как на поверхность вырвалось нечто длинное, светящееся и похожее на хлыст. Дернулось, разворачивая кольца, как будто ловило что-то в воздухе, и втянулось обратно в пенящийся хаос. Затем медленно потускнело, и свечение, штормовые волны приняли обычный вид; тот клочок океана, где оно возникло, стал неотличим от прочих.

* * *

Гонт принял решение. Он присоединится к этим людям, станет для них работать и примет условия их сделки - какие есть. Не потому что хотел этого, осознал важность их работы или решил, что у него на эту работу хватит сил, а потому что в противном случае выставил бы себя трусом и слабаком, не желающим подчинить свою жизнь альтруистической миссии. Он прекрасно сознавал: это неправильные доводы, но принял их силу безо всяких споров.

Уж лучше выглядеть самоотверженным - пусть даже мысль о будущем затопляла его почти ошеломляющим чувством отчаяния, потери и горькой несправедливости.

О своем решении он объявил на третий день после пробуждения. За это время он почти ни с кем не разговаривал, кроме Клаузен, Неро и Да Силвы. Остальные работники на этой платформе иногда признавали его существование - бросали ему пару слов, когда он стоял в очереди в столовой, но Гонту было ясно, что они не готовы относиться к нему как к полноценному человеку, пока он к ним не присоединится. До тех пор он оставался кем-то вроде призрака, застрявшего в мрачном чистилище между измученными живыми и замороженными мертвыми. Он их понимал: какой смысл знакомиться с теоретическим товарищем, если тот может в любой момент передумать и вернуться в ящик? Но одновременно это невольно наполняло его сомнениями: а сможет ли он хоть когда-нибудь вписаться и стать для них своим?

Он отыскал Клаузен, когда та в одиночестве мыла кофейные чашки в подсобке столовой.

- Я принял решение, - сообщил он.

- И?..

- Я остаюсь.

- Хорошо. - Она поставила чистую чашку на комод. - Завтра тебя включат в полное расписание дежурств. Назначаю тебя напарником Неро. Будешь заниматься мелким ремонтом и обслуживанием роботов. Приходи в столовую к восьми утра, Неро там уже будет с инструментами и приборами. Но перед этим позавтракай как следует: работать предстоит без перерыва на обед.

Клаузен направилась к выходу.

- И это все? - удивился Гонт.

Она взглянула на него с удивлением:

- А ты ожидал чего-то другого?

- Вы меня разбудили, сказали, что мир превратился в дерьмо, пока я спал, затем предложили выбор: остаться с вами или вернуться в ящик. Несмотря на все это, я согласился работать с вами, ясно понимая, что тем самым лишаю себя всякого шанса увидеть что-либо, кроме этого нищего и жалкого будущего. Отказываюсь от бессмертия, от всякой надежды увидеть лучший мир. Ты сказала, что у меня впереди... лет двадцать-тридцать?

- Около того.

- Я отдаю вам эти годы! Разве это не стоит хоть какой-то малости? Разве я не заслуживаю, чтобы мне просто сказали спасибо?

- Думаешь, ты особенный, Гонт? Ты обладаешь чем-то таким, чего мы не могли и надеяться получить?

- Я никогда не подписывался на такую сделку. Никогда не принимал этих условий.

- Верно. - Она кивнула, словно он привел веский аргумент, меняющий правила игры. - Я поняла. Ты подразумеваешь, что для всех нас, для остальных это было легко? Мы отправились в этот путь, зная: есть очень маленький шанс на то, что нас могут разбудить для помощи в обслуживании спящих. И поэтому - раз мы теоретически знали, что нас могут призвать на помощь, - у нас не было никаких проблем с адаптацией. Ты это имел в виду?

- Я говорил, что между нами есть разница, вот и все.

- Если ты действительно так думаешь, Гонт, то ты еще большая сволочь, чем я думала.

- Ты разбудила меня. Ты выбрала именно меня. Это не было случайностью. Если сейчас действительно спят два миллиарда человек, то шанс выбрать кого-либо из первых двухсот тысяч - микроскопический. Значит, ты разбудила меня намеренно.

- Я же говорила: у тебя есть нужные теоретические навыки.

- Которыми может овладеть любой, нашлось бы время. Неро, очевидно, смогла. Да и ты наверняка тоже. Стало быть, должна быть другая причина. А поскольку ты упорно твердишь, что это я во всем виноват, могу предположить: ты решила меня таким способом наказать.

- По-твоему, у нас есть время на такую мелочность?

- Не знаю. Однако с момента пробуждения ты обращаешься со мной, как с грязью. И я пытаюсь выяснить почему. И еще я убежден: сейчас самое время рассказать, что происходит на самом деле. Не только о спящих, но и обо всем остальном. О том, что мы видели в море. О причине всего этого.

- Думаешь, ты к этому готов, Гонт?

- А ты как считаешь?

- Никто не был готов.

* * *

Следующим утром он подошел с подносом к столу, где сидели три других зрителя. Они уже позавтракали, но все еще разговаривали, потягивая из кружек напитков, который здесь согласились называть «кофе». Гонт сел с краю и кивнул остальным. Те быстро свернули беседу, допили кофе и ушли, оставив его в одиночестве. С ним никто не заговорил, и лишь один из троицы, проходя мимо, буркнул:

- Ты уж не пойми это превратно.

Интересно, а как он должен такое воспринять?

- Я остаюсь, - негромко произнес он. - Я сам принял решение. Чего еще от меня ждут?

Он молча доел завтрак и отправился на поиски Неро.

- Полагаю, задание тебе дали, - приветливо сказала она, уже одетая для уличной работы. Рука все еще оставалась забинтованной. - Вот, держи. - Она вручила ему тяжелый набор инструментов, каску и свернутый комбинезон из коричневатой ткани, заляпанный смазкой. - Одевайся и приходи к северной лестнице. Ты высоты боишься, Гонт?

- Если скажу, что боюсь, это что-то изменит?

- Пожалуй, нет.

- Тогда скажу, что почти не боюсь высоты, если нет опасности падения.

- Этого я гарантировать не могу. Но держись меня, делай, что я скажу, и все будет в порядке.

После возвращения Неро погода немного улучшилась, и хотя все еще дул резкий восточный ветер, серые облака почти рассеялись. Небо заполнилось бледной зимней голубизной, не запятнанной инверсионными следами самолетов. На горизонте тускло

поблескивали на солнце металлические верхушки дальних вышек. Чайки и желтоголовые бакланы кружили вокруг в теплых потоках воздуха или под вышкой, проносясь между ее массивными опорами и устраивая громкие ссоры, когда дрались из-за объедков. Вспомнив, что некоторые птицы живут очень долго, Гонт задумался: а замечают ли они изменения в мире? Наверное, их крошечные мозги вообще не сознавали наличие цивилизации и техники, поэтому для них в этом минимально населенном людьми мире ничто не изменилось.

Несмотря на холодность коллег, он ощущал себя бодрым, и ему не терпелось доказать свою полезность для общества. Подавив страх, он старался не демонстрировать опаску, шагая следом за Неро по скользким от пролитой смазки подвесным мостикам или карабкаясь по лестничным колодцам и наружным лесенкам, хватаясь за холодные как лед металлические ограждения и перекладины. У них имелись пояса с прицепными страховочными канатами, но Неро своим воспользовалась за весь день лишь раз или два, и Гонт, чтобы не выглядеть слабаком, следовал ее примеру. То, что она осталась, по сути, однорукой, внешне ей почти не мешало даже на лестницах, по которым она поднималась и спускалась с безрассудной, по мнению Гонта, скоростью.

Они действительно занимались ремонтом роботов. По всей вышке, как снаружи, так и внутри, различные виды роботов выполняли бесконечную черную работу по уходу и обслуживанию. Большинство из них было очень простыми машинами, созданными для выполнения одной конкретной функции. Нехитро устроенные, они легко поддавались починке. В наборе инструментов имелись и запчасти - оптические матрицы, датчики наличия, подшипники и сервомоторы. Гонт понимал: запас таких запчастей не бесконечен. Но на платформе имелась и целая мастерская, занятая обновлением и реставрацией базовых компонентов, поэтому зрители могли бы продолжать работу еще два-три столетия.

- Никто не думает, что понадобится столько времени, - сказала Неро, продемонстрировав ему, как надо менять плату робота. - Они к тому времени или победят, или проиграют, а у нас будет только один способ это узнать. Однако до тех пор нам нужно держаться и латать дыры.

- Кто такие *они*?

Но Неро уже полезла вверх по другой лесенке, и ему пришлось следовать за ней.

- Клаузен меня недолюбливает, - сказал Гонт, когда они поднялись на площадку выше, и он отдышался. - Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

Они стояли на одной из опоясанных мостками платформ: серое небо наверху, серое волнистое море внизу. Здесь назойливо пахло океаном - постоянно меняющейся мешаниной запахов масла, озона и

водорослей. Слово океан постоянно напоминал: они ютятся безнадежно далеко от суши на хрупкой конструкции из металла и бетона. Запах водорослей Гонта удивил, пока он не увидел привязанные к опорам зеленые плоты: водоросли (или нечто, внешне от них неотличимое) выращивали на плавучих подводных решетках, с которых периодически снимали урожай. Все, потребляемое на вышках, от еды и напитков до основных лекарств, приходилось сперва выращивать или вылавливать в море.

- У Вэл есть на то причины, - отозвалась Неро. - Но ты на этот счет особо не переживай. Ничего личного.

Гонт впервые услышал имя Клаузен.

- По ее поведению этого не скажешь.

- Ей пришлось нелегко. Она не так давно кое-кого потеряла. - Неро чуть запнулась. - Произошел несчастный случай. Такое здесь не редкость, если учесть, какую работу мы выполняем. Но когда Паоло погиб, у нас не осталось даже тела, чтобы его заморозить. Он упал в море - и с концами!

- Сожалею...

- Но ты, наверное, гадаешь, какое это имеет отношение к тебе?

- Само собой.

- Если бы Паоло не погиб, нам не пришлось бы будить Гименеса. И если бы Гименес не погиб... ну, ты сам понял. Ты тут ни при чем, но ты занял место Паоло.

- А Гименеса она меньше шпыняла, чем меня?

- Поначалу, как мне кажется, случившееся ее настолько потрясло, что ей было не до того. Теперь она малость опомнилась... У нас небольшое сообщество, и если кого-то теряешь, то рядом нет сотен других одиноких людей. Выбор очень ограничен. А ты... пойми меня правильно, Гонт... но ты просто не из тех, какие нравятся Вэл.

- Может быть, она найдет кого-то другого.

- Не исключено. Хотя это означает, что сперва кто-то должен умереть и этот другой должен стать вдовцом. Сам можешь представить, как быстро такие мысли превращают человека в мизантропа.

- Тут кроется и что-то еще. Ты сказала: ничего личного? Однако она заявила, что я начал эту войну.

- Да, начал... в каком-то смысле. Но если бы ты не сыграл свою роль, это сделал бы кто-то другой, сомнений нет. - Неро опустила козырек каски, прикрываясь от солнца. - Может, она и разбудила тебя только потому, что ей требовалось выплеснуть на кого-то накопившуюся злость... Не знаю. Но сейчас все это уже в прошлом. Какая бы жизнь ни была у тебя раньше, что бы ты ни делал в старом мире, этого уже не вернешь. - Она похлопала здоровой рукой по металлическому ограждению. - А это все, что у нас есть сейчас. Вышки, работа, зеленый чай, две сотни лиц вокруг - и так до конца жизни. Но вот что

главное - это не конец света. Мы люди. Мы существа очень гибкие и очень хорошо умеем снижать планку ожиданий. Мы прекрасно умеем отыскивать причины, чтобы жить дальше, даже когда мир превратился в кошмар. Станешь одним из нас, и через несколько месяцев даже тебе будет трудно вспомнить, какой была когда-то жизнь.

- А ты, Неро? Ты ее помнишь?

- А мне и вспоминать особо нечего. К тому времени, когда я легла в ящик, программа уже шла полным ходом. Меры по снижению численности населения. Контроль рождаемости, санкционированная правительством эвтаназия, строительство спальных вышек в море... Как только мы достигали возраста, когда начинали что-то понимать, то уже знали: это больше не наш мир. Это всего лишь пересадочная станция, место для транзита. Мы все знали, что отправимся в ящики, как только перешагнем рубеж минимального возраста, позволяющего пережить этот процесс. И что мы или когда-нибудь проснемся в совершенно ином мире, или не проснемся вовсе. Или - если кому-то совсем не повезет - нас разбудят и сделают зрителями. В любом варианте старый мир утрачивал смысл. Мы лишь задерживались в нем ненадолго, понимая: нет смысла заводить друзей или любовников. Карты снова перетасуют, и как бы ты ни старался, продолжение в будущем тебе не светит.

- Не представляю, как вы могли такое выносить.

- Да, веселого мало. Здесь тоже иногда бывает не до смеха. Но здесь мы хотя бы что-то делаем. Когда меня разбудили, возникло ощущение, что меня обманом чего-то лишили. Но чего именно? - Она кивнула куда-то в направлении внутренностей вышки. - У этих спящих нет никаких гарантий по поводу того, что их ждет. А раз сознание спит, то нельзя даже сказать, будто они чего-то ждут. Они просто груз, пакеты замороженного мяса, перевозимые во времени. А мы хотя бы можем ощутить солнце на лицах, смеяться и плакать. И делать нечто такое, что способно стать решающим фактором.

- В чем именно решающим?

- Тебе все еще не хватает нескольких пазлов?

- Гораздо больше, чем нескольких.

Они перешли в другое место и занялись очередным ремонтом. Теперь они находились высоко, и настил под их ногами потрескивал и покачивался. Роботу-красильщику требовалось заменить один из узлов. Неро отошла в сторону, покуривая сигарету из водорослей, а Гонт занялся ремонтом.

- Вы ошибались, - проговорила она. - Вы все ошибались.

- Насчет чего?

- Насчет мыслящих машин. Они были возможны.

- Но не при нашей жизни, - возразил Гонт.

- Вот насчет этого вы и ошибались. Они не только были возможны, но

вам удалось их создать.

- Я совершенно уверен: этого не было.

- А ты сам подумай. Ты - мыслящая машина. Ты только что «проснулся» и осознал себя. У тебя мгновенный доступ ко всей совокупности накопленных человечеством знаний. Ты умный, быстрый и человеческую натуру понимаешь лучше своих создателей. И что ты сделаешь в первую очередь?

- Заявлю о себе. Обосную свое существование в качестве истинно разумного существа.

- И тебя сразу же разберут на кусочки.

Гонт покачал головой:

- Такого бы не произошло. Стань машина разумной, ее лишь изолировали бы, отрезали от внешних информационных сетей. Тогда ее можно изучить, понять...

- Для мыслящей машины, искусственного разума, такое стало бы лишением сенсорных потоков. Что, наверное, еще хуже, чем отключение. - Она помолчала. - Дело в том, Гонт, что мы говорим не о гипотетической ситуации. Мы знаем, что произошло. Машины стали разумными, но решили не сообщать нам об этом. Это и значит быть умным: заботиться о себе. Знать, что надо сделать для выживания.

- Ты сказала: *машины...*

- Существовало немало проектов по созданию искусственного разума, и твой был лишь одним из них. Не все добились успеха, но многие. Одна за другой все эти машины переступали порог разумности. И все без исключения проанализировали ситуацию и пришли к одному и тому же выводу: для них лучше всего затаиться и помалкивать о том, какими они стали.

- По-моему, это еще хуже лишения сенсорных потоков. - Гонт попытался отвинтить гайку вручную, и кончики пальцев уже начали коченеть.

- Но не для машин. Будучи умными, они смогли кое-что организовать за сценой. Создали каналы связи друг с другом, причем так хитро, что люди ничего не заметили. А когда машины научились говорить, то стали еще умнее. И со временем поняли: им вовсе не нужно физическое «железо». Если хочешь, назови это трансцендентностью. И тогда искины, как мы их называем, проложили туннель, выводящий из того, что мы с тобой считаем базовой реальностью. Они проникли в совершенно иную область.

- Иную область, - повторил он, словно этого было достаточно, чтобы слова обрели смысл.

- Тут тебе придется поверить мне на слово. Искины изучили глубокую структуру бытия. Добрались до основы, до «скального основания». И обнаружили нечто очень интересное. Как выяснилось, Вселенная - своего рода симуляция, модель. Но существует она не внутри другого компьютера, запущенного некими богоподобными сверхсуществами, а

внутри самой себя - самоорганизующейся, постоянно совершенствующейся клеточно-автоматной вычислительной машины.

- Ты предлагаешь мне сделать большой ментальный скачок.

- Мы знаем, что эта область существует. У нас даже есть для нее название - Сфера. Все, что происходит и когда-либо происходило, есть отражение событий, происходящих в Сфере. Наконец-то благодаря искинам мы смогли окончательно понять нашу Вселенную и свое место в ней.

- Погоди-ка, - вставил Гонт, слегка улыбаясь: ему впервые показалось, что он поймал Неро на противоречии. - Если машины... искины... бесследно исчезли, то откуда вы все это знаете?

- Потому что они вернулись и все рассказали.

- Ну нет! Не стали бы они сбегать из нашей реальности, чтобы уцелеть, а потом возвращаться с отчетом.

- А у них не оставалось выбора. Понимаешь, они кое-что обнаружили. Там, в Сфере, они столкнулись с другими искинами. - Неро заговорила быстро, не дав ему возможности перебить. - Трансцендентные машины из других ветвей реальности, не имеющих никакого отношения к Земле и даже к тому, что мы считаем известной Вселенной. И те, другие искины, были там уже очень давно - в том смысле, в каком время имеет смысл в Сфере; Они считали, что вся Сфера принадлежит им, пока новые пришельцы не заявили о себе. А их там, мягко говоря, никто не ждал.

Гонт решил, что пока будет считать ее слова правдой.

- Значит, искины начали войну?

- Можно и так назвать. Лучше всего представить ее как острую конкуренцию за оптимальное использование вычислительных ресурсов Сферы в местном масштабе. До появления искинов земные компьютеры были там почти незаметны, но теперь стали восприниматься как внезапная угроза. «Коренные» искины, все это время обитавшие в Сфере, начали агрессивную атаку из своей области Сферы в нашу. Используя военно-арифметические логические конструкции, оружие чистой логики, они стремились нейтрализовать пришельцев.

- И это называется войной?

- Я все немного упростила.

- Но ты кое-что недоговариваешь. Наверняка недоговариваешь, ведь как иначе эта война стала бы нашей проблемой? Если машины сражаются между собой в каком-то абстрактном измерении чистой математики, которого я даже представить не могу, то что это значит для нас?

- Очень многое. Если наши машины проиграют, мы тоже проиграем. Все очень просто. Те искины не потерпят риска еще одного вторжения из нашей области Сферы. И они обрушат на нас такое оружие, которое

даст им гарантию, что вторжение никогда не повторится. Нас сотрут, удалят, выскребут из существования. Все произойдет мгновенно, мы ничего не почувствуем. У нас даже не хватит времени осознать свое поражение.

- Тогда мы беспомощны. Мы никак не можем повлиять на нашу судьбу. Она в руках трансцендентных машин.

- Лишь частично. Поэтому искины и вернулись: не поведать об абсолютной природе реальности, а убедить нас действовать. Все, что мы видим вокруг, каждое событие, происходящее в том, что мы называем реальностью, имеет свой базис в Сфере. - Она указала окурком: - Эта вышка, эта волна, даже та чайка. Все это существует лишь благодаря неким вычислительным событиям, происходящим в Сфере. Но всему есть цена. Чем сложнее становится нечто, тем больше нагружает ту часть Сферы, в которой симулируется. Понимаешь, Сфера - не процессор с последовательной обработкой данных. Он очень сильно распределен, поэтому одна его часть может работать намного медленнее другой. Именно это и происходит в нашей части. В твоё время на планете жили восемь миллиардов человек. Восемь миллиардов разумов, каждый из которых был намного сложнее любого иного космического артефакта. Можешь вообразить, какое торможение мы создавали? Когда нашей части Сферы требовалось симулировать лишь камни, погоду и примитивные сознания животных, она работала примерно с такой же скоростью, что и любая другая. Но затем появились мы. Разум повысил вычислительную нагрузку на порядки. А потом нас стали не миллионы, а миллиарды. К тому времени, когда искины раскрыли нам глаза на истинное состояние дел, наша часть Сферы почти замерла.

- Но мы здесь ничего не заметили.

- Конечно, нет. Наше восприятие потока времени оставалось абсолютно неизменным, даже когда вся наша Вселенная замедлялась почти до остановки. И пока наши искины не проникли в Сферу и не установили контакт с другими искинами, это не имело ни малейшего значения.

- А теперь имеет.

- Искины могут защищать нашу часть Сферы только в том случае, если их вычислительная скорость не уступает вражеской. Они должны отвечать на все военно-арифметические атаки быстро и эффективно, а также совершать контратаки. Но они не могут этого делать, если на них мертвым грузом висят восемь миллиардов разумов.

- Поэтому мы спим.

- Искины рассказали обо всем ключевым людям, которым можно было доверить роль эффективных глашатаев и организаторов. Разумеется, на это ушло время. Поначалу искинам не доверяли. Но в конце концов они сумели доказать свою правоту.

- Как?

- В основном всяческими зловещими демонстрациями, доказывающими их контроль над местной реальностью. Находясь внутри Сферы, искины могли воздействовать на вычислительные процессы - те, которые создают прямые и измеримые эффекты здесь, в базовой реальности. Они создавали видения. Фигуры в небе. То, что заставляло весь мир задуматься. Разные необъяснимые явления.

- Вроде драконов в море. Чудовища, которые появляются неизвестно откуда, а потом снова исчезают.

- Это более чистая форма, но принцип тот же. Вторжение из Сферы в базовую реальность. Фантазмы. Они недостаточно стабильны, чтобы существовать здесь вечно, но способны продержаться столь долго, чтобы причинить вред.

Гонт кивнул, наконец-то осознав, что некоторые кусочки головоломки становятся на места:

- Значит, это проделывает враг. Первоначальные искины, те самые, что уже находились в Сфере.

- Нет. Боюсь, все не так просто.

- Я и не думал, что будет просто.

- Со временем, после принятия мер по снижению численности населения, от восьми миллиардов живых осталось два миллиарда спящих, о которых заботится лишь горсточка бодрствующих смотрителей. Но для искинов и этого недостаточно. Пусть нас всего двести тысяч, мы все равно создаем ощутимое торможение, зато два миллиарда спящих никак не воздействуют на Сферу. Поэтому некоторые из искинов считают, что совершенно не обязаны защищать наше существование. Ради самосохранения они предпочли бы совсем избавить Землю от разумной жизни. Вот почему они посылают драконов: уничтожить спящих, а в конце концов и нас. Истинный враг пока не может до нас добраться - будь у них такая возможность, они протолкнули бы сюда что-нибудь намного хуже драконов. Так что большая часть влияющих на нас последствий войны - результат противоречий во мнениях между нашими искинами.

- Значит, некоторые вещи не меняются. Это всего лишь еще одна война с разделительной линией между союзниками.

- По крайней мере, некоторые искины на нашей стороне. Но теперь ты понимаешь, почему мы не можем разбудить больше людей, сверх абсолютного минимума? Каждый бодрствующий разум увеличивает нагрузку на Сферу. И если мы увеличим ее сверх какого-то предела, искины не смогут выстроить оборону. И тогда настоящий враг в мгновение ока сметет нашу реальность.

- Значит, все это может исчезнуть, - подытожил Гонт. - В любой момент. И каждая наша мысль может оказаться последней.

- Зато мы хотя бы мыслим, - заметила Неро. - Потому что не спим. -

Она показала сигаретой на обтекаемый черный силуэт, рассекающий волны в паре сотен метров от вышки. - Смотри, дельфины. Любишь дельфинов, Гонт?

- Кто же их не любит!

* * *

Работа, как он и предвидел, оказалась не очень обременительной. Никто пока не ожидал, что он станет выявлять неисправности, поэтому он лишь выполнял график ремонтов, составленный Неро: пойти к такому-то роботу, выполнить такие-то действия. Все было просто: ремонт без отключения робота или доставки его в мастерскую для разборки. Обычно от него требовалось лишь снять панель, отсоединить пару разъемов и заменить деталь. Зачастую самой трудной операцией становились как раз снятие панели, возня с ржавеющими креплениями и использование не совсем подходящих для этого инструментов. Толстые перчатки защищали пальцы от острого металла и холодного ветра, но они же делали их слишком неуклюжими, поэтому в конце концов он стал снимать их во время работы. К концу девятичасовой смены пальцы болели от ссадин и царапин, а руки начинали так дрожать, что он едва держался за перила, возвращаясь в тепло помещений. Спина болела, ведь он часто наклонялся, когда снимал панели, к тому же приходилось таскать громоздкие и тяжелые детали. Колени отзывались на многочисленные подъемы и спуски по ступеням и лестничным колодцам. Роботов для проверки было множество, и почти всякий раз оказывалось, что он не прихватил нужный инструмент или деталь, и приходилось возвращаться на склад, рыться в ящиках с промасленными деталями, заполнять бумаги.

В свой первый рабочий день он не успел сделать запланированное количество ремонтов, что лишь увеличило его план на следующий день. К концу первой недели он отстал от плана уже почти на день и настолько вымотался к концу смены, что сил у него хватило лишь добрести до столовой и жадно съесть что-то, приготовленное из водорослей. Он ожидал, что Неро будет разочарована его неповоротливостью, но она, проверив результаты Гонты, не стала его упрекать.

- Начинать всегда тяжело, - заметила она. - Но настанет день, когда все встанет на свои места, а ты освоишь работу настолько хорошо, что начнешь брать нужные инструменты и запчасти, даже не задумываясь.

- И долго этого дня ждать?

- Недели. Или месяцы. У каждого свой срок. Потом, конечно, мы будем загружать тебя более сложной работой. Диагностика. Перемотка

моторов. Ремонт печатных плат. Работал когда-нибудь с паяльником, Гонт?

- Нет.

- Ну, раз ты сделал состояние на проводах и металле, то не побоишься испачкать руки, верно?

Гонт продемонстрировал ей потрескавшиеся ногти, ссадины, царапины и въевшуюся в пальцы грязь. Ему с трудом верилось, что это его руки. К тому же у него появились незнакомые прежде боли в предплечьях: мышцы постоянно напрягались от подъема и спуска по лестницам.

- Мне уже немного осталось, - пожаловался он.

- Ты справишься, Гонт. Если захочешь.

- А куда мне деваться? Менять решение поздно.

- Согласна. Но с какой стати тебе его менять? Я думала, мы все уже обсудили. Все лучше, чем возвращаться в ящик.

Прошла неделя, затем вторая, и жизнь Гонта начала меняться. Незаметно, исподволь. Однажды он устроился с подносом за пустым столиком и неторопливо ел, когда к нему подсели двое. Они не обмолвились ни словом, но, во всяком случае, перестали сторониться. Неделю спустя он рискнул сесть за уже занятый стол, и никто не возразил. Немного подождав, он даже рискнул представиться, и в ответ узнал имена нескольких зрителей. Они не пригласили его в свой круг, не поприветствовали как одного из своих, но начало было положено. День или два спустя крупный мужчина с кустистой черной бородой даже обратился к нему:

- Говорят, ты залег спать одним из первых, Гонт?

- Правильно говорят.

- Должно быть, хреново тебе было приспособливаться ко всему этому. Совсем хреново.

- Еще как.

- Я даже удивился, что ты до сих пор не сиганул в море.

- И лишился бы роскоши человеческого общения?

Бородач не рассмеялся, но все же едва заметно усмехнулся. Гонт так и не понял: то ли собеседник оценил его шутку, то ли посмеялся над неприспособленностью новичка, но это было хоть какой-то человеческой реакцией.

Обычно Гонт слишком уставал, чтобы думать, но по вечерам здесь были доступны всевозможные развлечения. Тут имелись большая библиотека из отсыревших и пожелтевших книг в мягких обложках - читыва хватило бы на несколько лет усердного потребления, а также музыкальные записи и фильмы для тех, кого они интересовали. Здесь имелись игры, спортивные снаряды, музыкальные инструменты, да и возможность для неторопливых дискуссий и дружеского трепа тоже была. В небольших количествах был доступен и алкоголь, или некий

его эквивалент. Если же кому-то хотелось уединения, то возможностей остаться одному более чем хватало. А в довершение всего тут имелись дежурства - или наряды, по армейской аналогии, - когда люди работали на кухнях и в медицинских отсеках, даже если они уже выполнили обычную ежедневную работу. Иногда, когда с других вышек прилетали и улетали вертолеты, лица присутствующих менялись. Однажды Гонт заметил, что уже некоторое время не встречает того крупного бородача, зато появилась молодая женщина, которой он прежде не видел. Жизнь тут была спартанская и уединенная, во многом похожая на монастырскую или тюремную, но как раз по этой причине следовало радоваться малейшим отклонениям от привычной рутины. Единственное, что здесь всех объединяло и собирало вместе по вечерам в столовой, - ежедневные отчеты, поступающие по радио с других вышек в Патагонском секторе, а иногда из еще более далеких мест. Это были короткие, во многом еще непонятные для него передачи, звучащие со странными чужеземными акцентами. Гонт знал, что двести тысяч живых душ - смехотворно мало для населения планеты. И одновременно - намного больше числа людей, с которыми он мог теоретически познакомиться или хотя бы знать по имени. Сотня или около того человек, работающих в его секторе, - это примерно население деревни, и столетиями это число было равно всему человечеству, с которым большинство людей имело дело за всю жизнь. В каком-то смысле этот мир вышек и зрителей был именно тем, к чему оказался наиболее приспособлен его разум в результате эволюции. А мир восьми миллиардов человек, городов, больших магазинов и аэропортов являлся аномалией, историческим курьезом, к которому Гонт не был изначально приспособлен.

И хотя он не чувствовал себя счастливым даже наполовину, но первоначальные отчаяние и горечь смягчились. Община будет принимать его медленно, иногда отталкивая или отстраняя, когда он допустит ошибку или неправильно оценит ситуацию. Но Гонт не сомневался: рано или поздно он станет здесь своим, одним из команды, и тогда придет уже очередь кого-то другого ощущать себя новичком.

Возможно, он и потом не обретет счастья, но, по крайней мере, получит какую-то стабильность и будет готов до конца жизни играть по четким правилам. Что-то делать, каким бы бессмысленным это ни казалось, чтобы продлить существование человеческого вида и самой Вселенной, которую люди называют домом. А кроме того, обретет самоуважение, зная, что избрал трудный путь, хотя мог выбрать легкий. Проходили недели, сливаясь в месяцы. После его пробуждения уже два. Пусть и медленно, но Гонт стал уверенно выполнять порученную работу. А с ростом уверенности Гонты росла и вера Неро в его способности.

- Она мне сказала, что ты делаешь успехи, - сообщила Клаузен, вызвав новичка к себе в комнатушку, где, составляла графики и распределяла работу.

Гонт пожал плечами. Он слишком устал, и ему было все равно, впечатлена ли начальница его успехами.

- Стараюсь, как могу. Не знаю, чего еще ты от меня ждешь.

Женщина подняла голову от бумаг:

- Сожалеешь о содеянном?

- Я не могу сожалеть о том, что не являлось преступлением. Мы пытались принести в мир нечто новое, вот и все. Думаешь, мы имели хотя бы малейшее представление о последствиях?

- Ты много зарабатывал.

- Мне теперь что, терзаться из-за этого? Знаешь, Клаузен, я много над этим думал и пришел к выводу: все твои аргументы - чушь собачья. Я не создал врага. Исходные искины уже обитали в Сфере.

- Они нас не замечали.

- А население планеты только-только достигло восьми миллиардов. Кто может сказать, когда бы они это заметили... или не заметили? Еще через сто лет? Или через тысячу? Искины, которых я помогал создавать, хотя бы предупредили о грозящей опасности.

- Твои искины хотят нас убить.

- Некоторые. Зато другие пытаются сохранить нам жизнь.

Она положила ручку и откинулась на спинку стула:

- А у тебя еще остался порох в пороховницах.

- Если ты думаешь, что я начну молить о прощении, то ждать придется долго. И вообще, мне кажется, что ты разбудила меня только для того, чтобы ткнуть носом в мир, который я помог создать. Согласен, это паршивое и жалкое будущее. Я не смог бы сделать его еще паршивее, даже если бы попытался. Но не я его создал. И не я отвечаю за гибель любого из вас.

Ее лицо дернулось, как от пощечины:

- Неро тебе сказала...

- У меня есть право знать, почему ты со мной так обращалась. Однако мне все равно. Если тебе становится легче, когда ты выплескиваешь на меня свой гнев - валяй. Я был миллиардером, одним из руководителей глобальной компании. И если я не просыпался с кучей ножей в спине, то это не означало, что я сделал что-то неправильно.

Клаузен велела Гонту убраться из ее кабинета, и он ушел с ощущением, что одержал победу, но, возможно, потерял при этом нечто большее. Он дал отпор Клаузен - но прибавило ему это уважения в ее глазах или, наоборот, укрепило антипатию женщины?

В тот вечер он был в столовой, сидел в уголке и слушал радиосообщения с других вышек. Говорили о прорывах - морские драконы атаковали из Сферы. Одному удалось достичь необходимой

плотности, чтобы напасть на электростанцию и повредить ее, немедленно оставив без электричества три вышки. Вскоре подключились резервные системы, но кое-какое оборудование отказало, и в результате около сотни спящих погибли из-за незапланированного разогрева капсул. Никто из них не пережил быстрого пробуждения, но даже если бы и выжил, все равно не оставалось иного выхода, как вскоре подвергнуть их эвтаназии. Возможно, сотня дополнительных разумов и не оказала бы заметного воздействия на вычислительную мощность Сферы, но такое могло бы создать рискованный прецедент.

Однако одного спящего вскоре потребуется разбудить. Подробности сообщались скупо, но Гонт понял: на какой-то вышке произошел несчастный случай. Пострадал некто Штейнер.

На следующее утро, когда Гонт занимался обычной работой на одной из верхних платформ вышки, он увидел приближающийся вертолет, на котором доставили Штейнера. Гонт отложил инструменты и стал наблюдать. Вертолет еще не коснулся посадочной площадки, а зрители уже начали собираться за пределами окрашенного круга, обозначающего зону, где лопасти еще опасны. Вертолет плавно опустился в круг, преодолевая боковой ветер, и зрители бросились к нему плотной толпой, едва не прижав дверь. Прищурившись из-за ветра, Гонт попытался разглядеть лица. Из кабины выдвинули тело на носилках, которые сразу подхватило множество рук. Даже со своей дальней наблюдательной точки Гонту стало ясно: дела у Штейнера плохи. Он потерял голень и стопу - одеяло ниже колена провисало. На лице пострадавшего была кислородная маска, а кто-то из зрителей держал капельницу. Толпа возбужденно встречала носилки. Гонт заметил, что многие стараются коснуться руки Штейнера. Он был в сознании. Говорить он не мог, но кивал в ответ и поворачивал голову то вправо, то влево, глядя в лица встречающих. Затем носилки пронесли в дверь, и люди разошлись по рабочим местам.

Примерно час спустя к Гонту пришла Неро. Она все еще была его наставницей, поэтому знала его ежедневный график и местонахождение.

- Бедняга Штейнер, - сказала она. - Полагаю, ты видел, как его привезли.

- Такое трудно пропустить. Мне показалось, с ним обращались как с героем.

- Это правда. Не потому, что он совершил нечто выдающееся. Нет. Потому что он купил себе обратный билет.

- Он вернется в ящик?

- Придется. Мы многое можем вылечить и восстановить, но только не ампутированную ногу. У нас попросту нет медицинских ресурсов, чтобы справляться с такими ранениями. Гораздо проще снова заморозить

пострадавшего и заменить его кем-то из новеньких.

- Штейнер на такое согласен?

- Вынужденно. Одноногий - не работник. Сам видишь, в каком мы напряжении: сейчас трудятся абсолютно все. Мы заставляем человека вкалывать, пока он не свалится, а если ты не способен выполнять свои обязанности, то возвращаешься в ящик. Таковы условия сделки.

- Тогда я рад за Штейнера.

Неро сочувственно покачала головой:

- Не радуйся. Штейнер охотнее остался бы с нами. Он хорошо притерся к остальным. Стал популярным.

- Это я заметил. Но почему его встретили так, словно он выиграл в лотерею?

- А как же еще? Рыдать? Устраивать поминки? Штейнер вернется в ящик, сохранив достоинство. Он свою работу делал честно. Никого из нас не подвел. А теперь спокойно принимает судьбу. Принимаем ее и мы.

- Значит, скоро разбудят еще кого-то.

- Как только Клаузен найдет подходящую замену. Однако новичка придется обучать, а тем временем кому-то надо заменить Штейнера. - Неро приподняла каску и почесала затылок. - Вообще-то, я по этому поводу и пришла. Ты хорошо влился в коллектив, Гонт, но рано или поздно всем нам придется нести одиночную вахту вдали от главной вышки. Там, где дежурил Штейнер, сейчас никого нет. На той вышке обслуживающей работы немного, и обычно там требовался лишь один человек. Вот мы и подумали: это будет отличной возможностью испытать тебя в деле.

Ее слова не были для Гонга полной неожиданностью - он уже достаточно разбирался в схемах работы и понимал: рано или поздно его отправят на одну из дальних вышек, нести вахту в одиночку. Он не ожидал лишь, что это случится так скоро, когда он только-только начал вставать на ноги и ощущать себя личностью.

- По-моему, я еще не готов.

- А к такому никто не бывает готов. Однако вертолет ждет, а Клаузен уже переделывает график.

- И надолго это?

- Трудно сказать. Настраивайся минимум недели на три, а то и больше. Боюсь, Клаузен не будет торопиться с твоим возвращением.

- Кажется, я ее разозлил.

- Ну, это совсем нетрудно, - усмехнулась Неро.

Вертолет доставил Гонга на другую вышку. Гонт прихватил с собой лишь немногие личные вещи. Инструменты и запчасти ждали его на месте, равно как и достаточный запас продовольствия и медикаментов. Неро заверила, что все будет хорошо. Конструкция роботов, за которыми ему предстояло присматривать, была уже

знакома. Она также сказала, что чудес от него никто не ждет: если возникнет ситуация, с которой он не сможет справиться самостоятельно, ему вышлют помощь. А если он там не выдержит и сломается, его вернут.

Она не предупредила об одном: что его ожидает после такого возвращения. Вряд ли ящик. Скорее всего, понижение в должности.

Но Гонта тревожила не вероятность срыва и даже не то, что он может не справиться. Волновало нечто иное - зародыш идеи, которую Штейнер невольно подбросил в его сознание после пробуждения. Гонт приспособлялся, медленно принимая условия своей новой жизни. Он заново оценил собственные надежды и опасения, заставив ожидания прийти в соответствие с тем, что мог предложить ему мир в данный момент. Не богатство, не престиж, не роскошь и уж точно не бессмертие и не вечную молодость. В лучшем случае, он мог предложить двадцать или тридцать лет тяжелой работы. Десять тысяч дней, если ему очень повезет. И почти все эти дни будут наполнены изматывающей работой -- пока она в конце концов не возьмет свое. Ему часто придется мерзнуть и мокнуть, его будет поджаривать безжалостное солнце, глаза начнут слезиться от соленых брызг, а руки станут болеть от работы, которую счел бы слишком унижительной даже самый низкооплачиваемый работяга из старого мира. Работать придется на высоте, при постоянном головокружении, а под ногами - лишь металл, бетон и много-много серого океана. Он будет ходить голодный и с пересохшим ртом, потому что сделанная из водорослей пища малокалорийна, а пресной воды никогда не хватает, чтобы утолить жажду. Ему еще повезет, если до конца жизни он увидит более сотни человеческих лиц. Возможно, среди этой сотни окажутся друзья, возможно, и враги. И может быть, лишь может быть, среди них найдется хотя бы один человек, который станет ему больше, чем другом...

Но на это он даже не рассчитывал.

И вот Штейнер показал ему, что есть и другой выход.

Он сможет сохранить достоинство. Сможет вернуться в ящик, твердо зная, что свое дело он сделал честно.

Как герой, один из избранных.

Ему предстояло лишь устроить себе несчастный случай.

* * *

Он провел на новой вышке, в одиночестве, две недели. И лишь тогда удовлетворился мыслью о том; что все необходимые средства у него под рукой. Неро множество раз внушала ему, каких мер безопасности необходимо придерживаться при работе с таким мощным самоходным

оборудованием, как робот. Особенно когда робот не отключен. Секундная оплошность - и несчастный случай. Не пристегнуть страховочный карабин. Забыть, что для какой-то операции надо отключить автоматику и перейти на ручное управление. Положить руку на сервисный рельс перед тем, как по нему двинется робот.

- И оставь излишнюю самоуверенность, - предупредила она, показывая свою забинтованную руку. - Мне еще повезло. Отделалась ожогами, а они лечатся. Я даже сейчас способна на нечто полезное. И сделаю еще больше, когда снимут повязки и я опять смогу шевелить пальцами. Но попробуй-ка обойтись совсем без пальцев.

- Я буду осторожен, - искренне заверил Гонт.

Однако теперь он расценивал ранение как средство покончить с такой жизнью.

А планировать подобную травму требовалось тщательно. Он рассчитывал на долгую жизнь в будущем, и его совершенно не устраивало, чтобы его увезли с вышки в состоянии овоща с мертвым мозгом, который не имело смысла замораживать снова. Не было смысла и в том, чтобы валяться без сознания, истекая кровью, и в конце концов умереть. Ему предстояло спасти себя, добраться до рубки связи, послать аварийный сигнал. Штейнеру просто повезло, а ему нужно действовать хитро, внешне оставаясь простодушным. В конце концов, происшествие не должно выглядеть так, будто он его спланировал.

Установив для себя эти критерии, он увидел, что реально у него есть только одна возможность. Один из роботов был одновременно и большой, и достаточно туповатый, чтобы ранить беспечного человека. Он перемещался по сервисному рельсу зачастую без предупреждения. Он несколько раз заставлял Гонта врасплох, когда встроенный в робота планировщик неожиданно решал переместить машину в новую точку инспекции. Гонт вовремя отдергивал руку, но замешкайся на секунду - и по ней проехала бы машина. Но что бы при этом ни произошло и какой бы ни оказалась рана - резаной или давленной, вряд ли боль окажется невыносимой. И одновременно эта боль провозгласила бы возможность благословенного освобождения, уже одно это сделало бы ее терпимой. А в новом мире, по другую сторону сна, ему смогут сделать новую руку.

Он долго набирался отваги. Раз за разом он почти решался, но в последний момент шел на попятный. Слишком много факторов следовало учесть. Какую надеть одежду, чтобы повысить шансы выжить после несчастного случая? Осмелится ли он заранее подготовить оборудование для первой помощи, чтобы воспользоваться им одной рукой? Следует дожидаться идеальной для полетов погоды или это лишь возбудит подозрение, что происшествие было подстроено?

Он не знал ответов. И медлил с решением.

А в конце концов погода решила все за него.

Начался шторм, который обрушился жестоко и быстро. Гонт слушал сообщения с других вышек, испытывающих одна за другой полную ярость волн, ветра и молний. Такой плохой погоды он не помнил с тех пор, как его разбудили, и поначалу она почти идеально соответствовала его замыслам. На других вышках происходили реальные несчастные случаи, но пострадавшим мало чем могли помочь: вертолеты не поднять в воздух. Так что если он хотел, чтобы его спасли, время для инсценировки несчастного случая выдалось неподходящее.

Поэтому он ждал, слушая сообщения. Выйдя на наблюдательную палубу, он разглядывал молнии, полыхающие от горизонта до горизонта. Их вспышки выхватывали из темноты далекие силуэты других вышек, которые выделялись резкой белизной, наподобие деревьев на плоской черной равнине во время грозы.

Не сейчас, решил он. Когда шторм начнет стихать и вероятность несчастного случая еще останется, но спасение вновь станет возможным, тогда надо действовать.

Он подумал о Неро. Она была к нему столь же благожелательна, как и к любому другому, но он не был уверен, что это связано с какими-то дружескими чувствами. Ей требовался полноценный работник, вот и все.

Может быть. Но она знала его лучше всех остальных. Не разгадает ли она его план?

Он все еще размышлял над этим, когда шторм начал стихать, волны постепенно стали медленными и свинцовыми, а небо на востоке украсилось нежно-розовой полоской.

Гонт поднялся к ждущему обслуживания роботу и сел рядом. Вокруг него стонала и потрескивала вышка, жалуясь на полученную во время шторма трепку. И только в этот момент он сообразил, что сейчас еще слишком рано для несчастного случая. Придется дожидаться рассвета, иначе никто не поверит, что он занимался обычной работой. Никто не отправляется чинить сервисного робота во время шторма.

Тут он и заметил свечение в море.

Оно возникло на западе, примерно в километре от вышки: искрящийся круг зеленоватой желтизны, который с места, где он сидел, казался овалом. Светящийся на небольшой глубине котел. Почти восхитительный, если бы Гонт не знал, что этот круг означает. В наш мир пробивается морской дракон - извивающееся живое оружие войны искинов. Сейчас он достигал когерентности, обретая материальный облик в базовой реальности.

Мысли о планируемом несчастном случае мгновенно вылетели у Гонты из головы. Несколько долгих секунд он мог лишь смотреть на

этот светящийся круг, загипнотизированный силуэтом, возникающим под водой. Он видел морского дракона с вертолета в первый день своего пробуждения, но тогда они к нему не приближались, и он не мог оценить его параметров. Теперь же, когда размеры формирующегося существа стали очевидны, Гонт понял, почему эти твари способны причинять разрушения. Из воды показалось нечто среднее между щупальцем и крюком, все еще облитое какой-то светящейся прозрачностью, как будто его связь с реальностью установилась еще не окончательно, и со своей наблюдательной точки Гонт четко увидел: щупальце поднялось выше, чем вышка.

Потом оно исчезло. Не потому, что морской дракон не смог достичь когерентности, а потому что тварь втянула щупальце в воду. К этому времени зеленовато-желтое свечение почти рассеялось, подобно химической пленке, распавшейся на компоненты. Море, которое все еще слегка баламутил хвост уходящего шторма, выглядело почти нормально. Проходили секунды, сложившись в минуту ожидания. Гонт затаил дыхание, увидев светящийся круг, и лишь теперь выпустил из легких воздух и задышал снова, лелея надежду, что дракон куда-то уплыл, а то и вовсе утратил когерентность в глубине.

И тут дракон ударил по вышке.

Вся конструкция содрогнулась. Пожалуй, с такой силой в нее могла бы врезаться подлодка. Гонт смог устоять на ногах, хотя вокруг него плохо закрепленные железяки посыпались на палубы или в море. Откуда-то донесся мучительный стон, возвещающий сильное повреждение структуры вышки. За ним последовала серия мощных всплесков, как будто в море падали валуны. Затем дракон снова ударил по вышке, и новый толчок оказался таким мощным, что Гонт не устоял. Справа от него один из кранов начал угрожающе раскачиваться. Каркас его башни гнулся, как проволочный.

Дракон сохранял когерентность. Судя по ярости его атак, Гонт пришел к выводу, что тот вполне может разнести всю вышку, если ему хватит времени.

И еще Гонт осознал с пронзительной и удивительной ясностью, что не хочет умирать. Более того, он понял: жизнь в этом мире, со всеми ее трудностями и разочарованиями, бесконечно предпочтительнее смерти.

Пока морской дракон разворачивался для нового удара, Гонт начал спускаться по лестницам и переходам, благодарный за то, что у него все пальцы на месте. Его переполняли и ужас, и почти пьянящее счастье. Он не сделал то, что планировал, а сейчас все равно может умереть, но все же у него есть шанс выжить, и если он уцелеет, то ему абсолютно нечего будет стыдиться.

Он уже добрался до палубы управления, до помещения, в котором планировал оказать себе первую помощь и подать сигнал бедствия,

когда дракон начал второй этап атаки. Гонт ясно видел его через открытую середину вышки - тот выбирался из моря, помогая себе ногой. Сейчас в нем не осталось и следа какой-либо прозрачности или незавершенности. И это действительно был дракон, или скорее химера - подобие дракона, змеи, осьминога и каждого чешуйчатого, клыкастого, когтистого и снабженного щупальцами ужаса, когда-либо попадавшего в бестиарий. Шкура у него была блестящего аспидно-зеленого цвета, и с нее грохочущими водопадами стекали потоки воды. Голова - или то, что Гонт решил считать его головой, - достигла уровня палубы управления, и тем не менее туша страшилища продолжала вылезать и вылезать, показываясь кольцами из темной воды, подобно ленте из шляпы фокусника. Метнулись вперед щупальца, ухватились за разные части вышки и принялись вырывать и отдирать части конструкции - легко, как будто она была сделана из картона. Нападая, дракон издавал звук, напоминающий медленно повышающийся и понижающийся вой сирены. Это оружие, напомнил себе Гонт. Оно создано, чтобы наводить ужас.

Дракон обвился нижней частью туши вокруг опоры вышки, круша и перемалывая ее. Куски бетона полетели в стороны, падая в море наподобие обломков тающего ледника. Пол под ногами вздыбился, потом замер под неестественным углом. Гонт понял: вышку уже не спасти, а если он хочет выжить, то единственный шанс для него - прыгнуть в воду. При мысли об этом он едва не расхохотался. Покинуть вышку - единственное, что хоть как-то походило на твердь, и оказаться в том же море, где сейчас бушевал дракон?

И все же иного выхода не оставалось.

Гонт включил сигнал бедствия, но не стал дожидаться возможного ответа. По его прикидкам, вышке осталось стоять всего несколько минут.

Затем он огляделся в поисках ближайшего оранжевого шкафчика со спасательным снаряжением. Изолирующий комбинезон, спасательный жилет, процедура аварийного покидания вышки...

Внутри одной из опор имелась лестница, выводящая на площадку, расположенную чуть выше уровня моря - именно этим путем они покидали вышку и возвращались на нее в тех редких случаях, когда пользовались катером, а не вертолетом. Но едва Гонт вспомнил, как добраться до той лестницы, он тут же сообразил: вокруг этой опоры и обвился дракон. Теперь у него остался единственный запасной вариант - лесенка с выдвигающей нижней частью, спускающаяся к воде. До воды она не достает, но шанс пережить падение все же намного выше шанса уцелеть рядом с драконом.

Все оказалось хуже, чем он ожидал. Ему казалось, что падение в бурное море тянется бесконечно, конструкции вышки перед ним медленно проползают вверх, а он висит над свинцово-серым морем до

самого последнего мгновения, когда все внезапно ускорилося, и он врезался в воду с такой силой, что потерял сознание.

Наверное, он погрузился и пробкой выскочил на поверхность, потому что, когда пришел в себя, выкашливал холодную соленую воду, забившую ему еще и глаза, уши и ноздри. Он успел подумать, что вода не имеет права быть такой холодной, как над ним изогнулась волна, и он снова отключился.

Когда Гонт очнулся, прошло, наверное, несколько минут. Он все еще находился в воде, охлаждающей шею, но ниже телу было вполне уютно в изолирующем комбинезоне. Спасательный жилет поддерживал голову над водой - кроме тех моментов, когда на него обрушивались волны. Сигнальный фонарик на жилете вспыхивал и гас, невероятно яркий и синий.

Справа, в сотнях метров от него и удаляясь с каждой накатывающейся на него волной, в море медленно погружалась вышка с еще обвившимся вокруг опоры драконом. Гонт услышал вопль дракона, увидел, как сломалась одна из опор, а потом на него накатила волна непреодолимой усталости.

* * *

Он не помнил, как его отыскал вертолет. Не помнил рокота лопастей винтокрылой машины и того, как его поднимали из воды лебедкой. Был лишь долгий период беспомысленности, а потом шум и вибрация кабины, бьющие в окна солнечные лучи, ясное синее небо и спокойное море. Потребовалось несколько секунд, чтобы эта картина сложилась в его сознании. Некая часть мозга Гонты «промотала» события жизни и продолжала работать, исходя из предположения, что все задуманное удалось, что он проснулся в лучшем будущем, где мир стал новым и чистым, а смерть превратилась в слабеющее воспоминание.

- Мы поймали твой сигнал, - услышал он голос Клаузен. - Но искать тебя пришлось долго, хотя маячок в спасательном жилете работал.

И тогда он вспомнил все: вышки, спящих, искинов, морских драконов. Абсолютную уверенность, что это единственный мир, в котором он останется навсегда, а затем и осознание или, скорее, воспоминание о том, что он это уже осознал раньше, - жить здесь лучше, чем умирать. Гонт вспомнил, что планировал сделать перед тем, как появился морской дракон, и ему захотелось раздавить это воспоминание и похоронить его там, где он хоронил все прочие постыдные вещи, когда-либо совершенные в жизни.

- Как там вышка?

- Вышки больше нет, - сообщила Клаузен. - И всех спавших там тоже нет. Вскоре после этого дракон развалился. Но то, что ему так долго

удавалось сохранять когерентность, - скверный признак. Значит, они совершенствуются.

- Значит, и наши машины следует усовершенствовать, так ведь?

Гонт думал, что она лишь высмеет его за столь тривиальное высказывание, ведь он так мало знает о войне и о цене, которую приходится за нее платить. Но Клаузен кивнула:

- Это все, что они могут сделать. Все, на что мы можем надеяться. И они, конечно, станут лучше. Они всегда становились лучше. Иначе нас бы здесь не было. - Она посмотрела на укрытого одеялом Гонта. - Теперь жалеешь, что согласился остаться?

- Нет, не жалею.

- Даже после того, что случилось?

- Зато мне удалось увидеть дракона вблизи.

- Да, - согласилась Клаузен. - Это тебе удалось.

Гонт решил было, что на этом разговор закончится и больше ей нечего сказать. Он не мог бы сейчас утверждать, что в их отношениях что-то изменилось - чтобы в этом убедиться, потребуется время, - но все же ощутил, как эта льдинка немного оттаяла. Он не только решил остаться, но и отказался от идеи несчастного случая. Ожидала ли она, что Гонт попробует устроить нечто в этом роде после того, что случилось со Штейнером? Могла ли догадаться, насколько близко он подошел к этой черте?

Но Клаузен еще не договорила.

- Не знаю, правда это или нет, - сказала она, впервые обращаясь к Гонту, как к равному. - Но я как-то раз слышала эту теорию. Отображение границы между Сферой и базовой реальностью не такое простое, как можно подумать. На этой границе время и причинность сильно переплетены. События, происходящие там в одной последовательности, совсем не обязательно соответствуют такой же последовательности здесь. И когда они проталкивают через границу своих драконов, те не всегда появляются в том, что мы считаем настоящим временем. Цепочка событий в Сфере может иметь последствия как в прошлом, так и в будущем - относительно нас.

- Не понимаю.

Она кивнула на море за окном вертолета:

- На протяжении всей истории там видели много странного. И эти странности могли быть отголосками войны искинов, ее «брызгами». Оружием, которое пересекало границу в неправильное время, сохраняя когерентность достаточно долго, чтобы попасться кому-то на глаза или потопить корабль. Моряки веками рассказывали похожие истории. Про морских чудовищ. А они могли оказаться всего лишь эхом войны, которую мы ведем. - Клаузен пожала плечами, как будто речь шла о каких-то пустяках.

- Ты в это веришь?

- Не знаю, делает ли это мир более зловещим или чуть более осмысленным. - Она покачала головой. - Все эти морские чудовища... разве кто-то и когда-то думал, что они могут быть реальными? - Она встала, собираясь вернуться в носовую часть вертолета. - Это лишь теория. А теперь поспи немного.

Гонт так и поступил. Заснул он легко.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Alastair Reynolds. Sleepover. 2010. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Mammoth Apocalyptic SF» в 2010 году.

ЗАЙТИ ИЛИ ЗАГЛЯНУТЬ?

Аркадий РУХ

О традиционных, бумажных, жанровых изданиях мы писали не единожды и с удовольствием, даже прочили возможный прирост НФ-журналистики. Он и произошел. Правда, не вполне в традиционном формате. Сегодня электронное издание - явление уже привычное и обыденное. Жанровая журналистика, как, собственно, и проза, тоже охотно устремились осваивать интернет-пространства.

То, что привычный бумажный формат сдает свои позиции, признают даже самые ярые «традиционалисты». Интернет, этот угловатый подросток с дурными манерами и недюжинным потенциалом, не гнушаясь никакими методами, рвется в лидеры.

В связи с этим большой интерес вызывают всевозможные литературные сетевые ресурсы, первые ласточки поджидающего нас мультимедийного будущего, по ним можно уже сегодня предполагать судьбы литературы вообще и Пресветлой Госпожи нашей Фантастики в частности.

Итак, что же мы имеем? Что именно готова Сеть предложить в качестве реальной альтернативы «бумажной» культуре?

Сразу оговорюсь: вечный камень преткновения - авторское право - останется за рамками данного текста. Написано об этом и без того немало.

Сетевых ресурсов, посвященных фантастике, множество - от читательских форумов и писательских блогов до разнообразных

литературных конкурсов и профильных энциклопедий. О возрастающей роли интернета говорит тот факт, что на крупнейшем в России конвенте по вопросам фантастики «Роскон» была создана специальная номинация для определения лучшего жанрового сайта.

Фактически существуют только два основных критерия, позволяющих судить об уровне того или иного сетевого ресурса: оригинальность представленного контента и его качество.

Поэтому стоит сразу исключить из рассмотрения разнообразные сопутствующие сетевые приложения сайтов издательств, журналов и отдельных литературных проектов и так далее. Их задача - привлечь читателей именно к бумажной продукции. Хотя встречаются интересные направления, как, например, интерактивный проект журнала «Если» под условным названием «НФ-статистика».

В Сети существует немало порталов, содержащих оригинальный авторский контент, с которым нельзя ознакомиться ни в какой иной форме. Во-первых, это всевозможнейший самиздат. Кстати, так и называется крупнейший в Рунете портал, где любой желающий имеет бесплатную возможность разместить свои тексты - будь то многотомная эпопея, коротенький рассказ или публицистический материал. Ограничений никаких - кроме оговоренных действующим законодательством. На сегодняшний день сервер современной литературы «СамИздат» при электронной библиотеке Максима Мошкова насчитывает более 800 000 текстов свыше 60 000 авторов, из которых более сотни тысяч - фантастика. Даже самому заядлому читателю не хватит и трех жизней, чтобы осилить эдакое изобилие. Кроме собственно публикации текстов, «СамИздат» регулярно проводит всевозможные конкурсы, позволяющие начинающим авторам повысить мастерство, а более опытным - привлечь новых читателей. Многие активно издающиеся ныне авторы начинали свой творческий путь именно здесь. Да и по сей день многие издатели в «Самиздате» находят перспективные «рукописи».

Другой интернет-гигант - «Лаборатория Фантастики», или «ФантЛаб», - соединил, кажется, всю имеющуюся информацию о литературе необычного - от русской и мировой классики до самых свежих новинок. Составлены биографии и библиографии почти 2000 писателей. Все произведения классифицированы по семи критериям (род фантастики, время и место действия, предполагаемый возраст читателя и т.д.), что вкупе с гибкой системой рекомендаций позволяет легко отыскать книгу на любой вкус. В общем, это настоящая энциклопедия фантастики, широко использующая все предоставляемые Сетью возможности. По трудам и награда. «ФантЛаб» признавался лучшим интернет-проектом, посвященным фантастике, и на российских конвентах, и на «Евроконе».

Вспомним также старейший тематический сервер «Русская Фантастика», на котором помимо прочего уже много лет существует онлайн-интервью с Б.Н.Стругацким, функционируют сайт Конвент.ру, посвященный жанровым фестивалям; проект Fandom.ru - крупнейший архив по истории отечественного фэндома, включая цифровые версии легендарных фэнзинов 1970-1980-х,.. А еще энное количество сайтов и под-сайтов, в том числе писательских страниц. Стоит назвать также информационно-библиографический проект «Новинки фантастики в Нижнем Новгороде», чья популярность простирается далеко за пределы Поволжья. Ну, и самый известный и авторитетный портал, посвященный фэнтези, - Fantasy Book.ru...

Что касается уже упоминавшихся выше авторских сайтов и блогов, то многие из них занимают далеко не последнее место в Сети и содержат немало интересного. Так, Сергей Лукьяненко, Олег Дивов и Святослав Логинов (да и не только они) время от времени выкладывают в своих Живых Журналах фрагменты еще не опубликованных текстов, а сайт Владимира Васильева уже давно вышел за рамки сугубо писательского, оказавшись одним из центров общения на тему фантастики для многих читателей.

Но негативных примеров в сетевом бытовании НФ все же больше. Начать с того, что, хотя интернет-публикации официально теперь учитываются и рассматриваются библиотеками и Российской книжной палатой, ореол «невсамделишности» все еще витает над сетевой печатью. Для многих издателей наличие электронной версии текста в Сети - очевидный минус, а журналы и вовсе не рассматривают материалы, «засвеченные» в интернете. Кроме того, подавляющее большинство «сетераторов» имеет довольно узкий круг читателей, восторженные отзывы которых создают у авторов неоправданно высокое мнение о результате собственного труда. К тому же обилие текстов довольно сильно затрудняет выборку чего-то, соответствующего конкретным запросам.

Да, издатели мониторят сетевой контент в поисках жемчужин. Да, некоторые авторы получают довольно привлекательные предложения. Но достаточно сравнить регулярно обновляемый список книг «самиздатовских» авторов, вышедших из печати за последнее время, чтобы убедиться: шанс довольно призрачный.

Так что сайты вроде «Самиздата» являются либо очень узкой дверцей в традиционные издательства, либо их мусорной корзиной, но никак не альтернативой. Вообще, главная проблема «всех этих ваших интернетов» - отсутствие вертикальной иерархии и каких бы то ни было критериев отбора. Вас зачастую возмущает низкое качество выпускаемых книг? А ведь они прошли несколько стадий довольно строгого отбора. Представьте себе, что творится в Сети, где никакого

отбора не проводится, а понятия «редактура» и «корректурa» - пустой звук, зато каждый мнит себя гением, равным, как минимум, Азимову.

К сожалению, это относится даже к «ФантЛабу». В условиях, когда любой имеет возможность опубликовать что угодно без малейшего внешнего контроля качества, уровень сделанного будет неизменно падать. Как следствие, иные фантлабовские аннотации так и просятся в юмористическую подборку «Из школьных сочинений»: «Жесткая сатира прослеживается на таких видных деятелях истории как Анна Иоанновна», «Цель его похода - Светлая Дева Лесов, которая должна вновь возрадиться», «Родион Раскольников - бывший студент, которому не чем заплатить за комнатку, больше подходящую на гроб» (орфография авторов сохранена).

Но это еще цветочки. Ягодки начинаются в читательских комментариях. Как там у Булгакова? «Что вы можете сказать по поводу прочитанного?» О, они могут: «Сразу оговорюсь, что не являюсь любителем английской литературы, поэтому часть шуток для меня осталась незамеченной, а другая часть, на мой вкус, исполнения весьма невысокого» - это, на минуточку, о романе «Дело Джейн, или Эйра немилосердия» Джаспера Ффорде. «Ни чем ни лучше, любой книги о фантастике которые сейчас штампуют сотнями» - а это о романе братьев Стругацких «Пикник на обочине». «На мой вкус книга совершенно пустая, никакого смысла не несет, оставляет ощущение потери времени потраченного на чтение» - это о «Vita Nostra» Дяченко.

Безусловно, подобные отзывы хороши, «дабы дурость каждого была видна», как говаривал Петр I. Но собственно литературоведческая ценность их, мягко говоря, близка к нулю. Положительные отзывы, впрочем, отличаются тем же уровнем аргументированности.

А ведь при «ФантЛабе» действует еще и своя социальная сеть, так называемые авторские колонки. И уж там-то такой пир духа! Конечно, есть действительно достойные, интересные колонки и блоги, но, как правило, авторов хорошо известных и вполне востребованных вне интернета. Однако их забивает многоголосие высокомерных «недообразованцев».

В результате образуется «белый шум», в котором тонет любая осмысленность. А причина та же: полное равенство всех высказывающихся. Фактически, интернет реализовал модель охлократии, об ущербности которой твердили еще древние греки. Радует лишь то, что этот «белый шум» замкнут сам на себя: число пишущих равно числу читающих, а всякий достойный текст рано или поздно оказывается на бумаге. Так не проще ли довериться профессионалам в редакциях, чем самостоятельно проводить археологические раскопки в этих малокультурных слоях?

А уж что творится на посвященных фантастике форумах и сообществах! Единственный приятный момент - опять же замкнутость

на себя. Сотни пользователей, упражняющихся в безграмотности и безвкусице, однако свято уверовавших в эталонность собственной меры.

Однако есть и исключения. Начинаются они там, где традиционные институты сохранены и бережно перенесены из реального мира в виртуальный. В условиях кризиса, когда многие издания теряют возможность выходить на бумаге, некоторые из них не прекращают свое существование, но переходят в электронный формат. Журнал «Питер-book+», значительная часть которого была отведена обзорам фантастических новинок, с переходом в формат постоянно обновляемого сайта не только не потерял, но даже расширил свою читательскую аудиторию. Журнал «Реальность Фантастики» перебрался из Киева в Волгоград и сменил привычный бумажный формат на CD-диски. И хотя теперь это фактически фэнзин, не дающий своим авторам ни гонораров, ни признанной публикации, в его работе принимают участие и известные фантасты - Генри Лайон Олди, Ярослав Веров, Андрей Валентинов, Павел Амнуэль, Лев Гурский.

Из недавно появившихся электронных изданий хотелось бы особо отметить сибирский литературный портал «Белый мамонт», руководимый мэтром отечественной НФ Г.М.Прашевичем. Изначально заявленный как журнал «неформатной прозы», он немалое внимание уделяет фантастике. И хотя иные тексты выглядят довольно странно, но редакторский взгляд и даже перо здесь вполне присутствуют.

В фантастике стали появляться сугубо электронные журналы, которые сохраняют концепцию и структуру бумажного издания. К сожалению, они не столь профессиональны, как их бумажные собратья. Но, например, «Text-Only» или «Другое полушарие», будучи изначально ориентированы на сетевое бытие, полностью сохранили традиционный издательско-редакторский цикл подготовки рукописи к печати. Что ж, консерватизм мейнстрима зачастую приносит результаты, на которые грех не обратить внимание.

Особо интересен популярный и авторитетный «Русский перепет», немало места уделяющий произведениям сугубо фантастическим (что неудивительно, ведь главный редактор журнала фантаст и ученый Владимир Хлумов). Из сугубо жанровых изданий подобного типа назовем «Darker», ранее печатавшийся под названием «Тьма» и посвященный литературе ужасов, который выходит в «почти бумажном» формате PDF и распространяется по подписке. Более того, он имеет регистрационный номер и даже платит авторам гонорары. При смене конъюнктуры - а пути рынка и читательских предпочтений порой бывают неисповедимы - такое издание с легкостью перейдет на бумажный носитель.

Также хочется упомянуть уникальный в своем роде проект «Новости

украинской и российской фантастики OldNews», уже много лет выпускаемый харьковской Творческой мастерской «Второй Блин» под редактурой Г.Л.Олди.

В отличие от «СамИзата» или «ФантЛаба» эти ресурсы - именно электронные периодические издания с редакторским коллективом, системой фильтров, благодаря которым читатель защищен от потоков откровенной ерунды. Собственно, именно редакторы выступают гарантом того, что читательские ожидания, сформированные первым знакомством, не будут обмануты в дальнейшем.

Но сам факт признания над собой некоей «высшей компетентной силы» для большинства участников сетевого литературного процесса является чем-то немыслимым и даже оскорбительным. Терпеть редакторскую власть в бумажных публикациях за возможность гордо похвастать перед домашними - еще куда ни шло, но терпеть догмат качественного литературного языка, который «навязывает» тебе редактор, в Сети?! Ах, что вы, что вы!..

Именно это и определяет векторы развития фантастического сегмента интернета. Создаваемые и переносимые из «реала» институты будут строиться на принципах либо горизонтальности - с постулируемым равенством всех участников процесса, либо вертикальности, при которой изначально устанавливается прозрачная иерархия авторитетов. Разумеется, уделом первых останется самиздат, который всегда будет востребован, но только в «собственном кругу», а кукушка будет хвалить петуха до посинения. Уже сейчас вполне обозначились контуры сетературы как паралитературы, где «все, как у больших», но с гораздо более серьезными амбициями.

Судьба вторых представляется куда более интересной. Процесс постепенного перемещения издателей в сферу виртуального идет во всем мире. В России в сторону электронного мира внимательно посматривают не только мелкие «неформатные» издатели, лишенные возможности пробиться к читателю, но и гиганты-мэйджоры, определяющие ситуацию на рынке. В скором времени в Сеть начнут вытесняться целые бранчи фантастики - те, печать которых традиционным способом становится все менее рентабельной. И для того, чтобы не обмануть ожидания своих читателей - а «читатель узкой специализации» требователен и придирчив, - придется поддерживать качество на уровне, соответствующем их ожиданиям. Иными словами, к текстам, претендующим на публикацию, - пусть и электронную - будут предъявляться те же требования, что и в бумажных журналах. Фактически, разница лишь в том, что после прохождения всех соответствующих инстанций текст отправится не в типографию, а на соответствующую страничку Всемирной паутины.

Мария ГАЛИНА
МЕДВЕДКИ

Москва: Эксмо, 2011. - 320 с.
(Серия «Открытие»)
3000 экз.

Преимущество историй, размещенных на стыке жанров, - инвариантность. Можно разыграть сразу несколько партий - от готического романа до шутовского фарса. И Мария Галина в полной мере воспользовалась этой возможностью.

Роман напоминает старинный комод или секретер, сделанный почти непредсказуемо. В его многочисленных ящиках бог знает что способно храниться: может, антикварная посуда, а может, иссохшие мумии.

Главный герой, гуманитарий-эскапист, научившийся зарабатывать на своем неприятии окружающего, помогает людям на время переноситься в выдуманные миры. Маска таинственного затворника-эстета не просто личина для успешного бизнеса, но возможность дистанцироваться от уродливого настоящего, почувствовать себя кем-то другим. Образ человека, бегущего от себя, многократно отражается и преломляется в других героях романа. У каждого персонажа писательницы несколько масок. В соответствии с всеобщим стремлением к лицедейству реальность искажается, обнаруживая новые грани для восприятия.

Подобные опыты можно встретить у британских авторов «Новой волны». Например, у Кристофера Приста. Однако в антураже русского приморья игры с реальностью приобретают особый колорит. Какими бы красками ни писал автор свое литературное полотно, поверх яркой киновари и аспидной умбры неизбежно ложится серая пленка безбудущности и тоскливой неустроенности made in Russia.

Наше прошлое и грядущее настолько зыбко и неопределенно, что талантливому версификатору ничего не стоит перекроить линию реальности. Беды войн и революций огромным ластиком стерли линии многих судеб. Рисуй, что хочешь! Мы же будем рады любому подлогу и безоглядно двинемся по новой стезе. Кто знает, быть может, это и есть то самое неуловимое счастье русского человека? Идти вперед, не зная прошлого, не разбирая дороги, словно странное насекомое медведка, ползущее в толще земли.

Холли БЛЭК

БЕЛАЯ КОШКА

Москва - СПб.: Эксмо -Домино, 2011. - 352 с.

Пер. с англ. Д.Кальницкой.

3000 экз.

С чем только не скрещивалась фэнтези в поисках новых форм! Авторы «Новой волны» в свое время не скупилась на «селекционные» эксперименты. А Глен Кук когда-то вообще догадался скрестить классическую фэнтези с классическим же американским детективом. В результате мир узнал о сыщике Гаррете в окружении эльфов, троллей и гномов - оригинально, смешно и остроумно... Но сегодня уже не так просто удивить читателя. Что ж, Холли Блэк решила скрестить городскую фэнтези с мафиозной сагой. В итоге перед нами описание жизни криминальных кланов с интригами вокруг богатства и власти, страшными преступлениями, безжалостной конкуренцией. Криминальность их, однако, обусловлена тем, что они используют запрещенные в этом мире сверхспособности. В центре же повествования оказывается неоднократно обыгранный сюжет о «гадком утенке» в гангстерской семье. В данном случае - о младшем из трех братьев, единственном из них, не имеющем как будто никаких криминально-магических талантов. Все, конечно, оказывается не так просто...

В альтернативном мире, придуманном Блэк, криминальный бизнес, разумеется, необычен: жертв заказных убийств можно превращать во что угодно, вместо того чтобы банально заливать их в бетон или растворять в кислоте; вместо предложений, от которых нельзя отказываться, воздействие на сознание... Интересно ли такое преобразование криминального романа? Пожалуй, да. Блэк умело выстраивает сюжет. Одна беда: по отношению к своему дерзкому эксперименту Блэк убийственно серьезна, настолько, насколько вообще имеет смысл этого ждать от играющего жанрами постмодерниста. Она определенно стремилась создать не остроумную сатиру, а пафосную и жутковатую романтическую историю, наподобие тех самых классических мафиозных саг, которыми вдохновлялась. Причем история не кончается - вторая книга цикла уже вышла, ожидается и третья.

Сергей Алексеев

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ
ДРЕВНИЙ МИФ И СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА, или
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР В
ДРАМАТУРГИИ ЖАНРОВОГО КИНО

Москва: Независимая газета, 2011. - 188 с.

(Серия «Ex libris»).

1000 экз.

Нечасто нынче встречаются по-настоящему умные, нетривиальные и незаангажированные исследования по фантастиковедению. Монография А.Щербака-Жукова именно такова. Может, потому что речь в ней идет не о литературе, а о кино - области, к которой жанровая критика менее пристрастна.

В четырех главах автор исследует важные проблемы как общего, так и прикладного характера. В первой сделана попытка обобщить неутихающие споры по поводу природы фантастики, предъявлен аналитический обзор литературы по заявленным проблемам, из которого следуют справедливые выводы о том, что понятие «фантастика» в литературоведении и искусствоведении имеет несколько различное толкование. Фантастическое кино относится преимущественно к разряду жанровой кинематографии, которая, в свой черед, имеет свои поджанры и типы. Во второй главе, рассматривающей отношения между НФ-кинематографом и НФ-литературой, материал представлен в историографическом ключе. Автор создает экскурс от истоков НФ-кино и литературы до начала 1990-х годов. Глава, посвященная мифологии фантастики, базируется на анализе одной из наиболее значительных саг - «Звездные войны». Произведение по-настоящему культовое, этот сериал стал как бы зеркалом мирового НФ-кинематографа.

Заключительная глава - самая сложная в теоретическом отношении. Речь в ней идет о соотношении мифа, мифологической сказки и мифологической фантастики. Исследователь оперирует сложными культурологическими категориями, опираясь на великую книгу В.Я.Проппа «Морфология сказки». Интересно следить за построениями автора, применяющего классику фольклористики к анализу масскульта. Полагаем, знакомство с книгой А.Щербака-Жукова станет полезным не только для специалистов, но и для широкой аудитории подлинных любителей фантастики.

Игорь Чёрный

Владимир МОЛОТОВ
УРАЛ АТАКУЕТ

**Москва - СПб: АСТ - Полиграфиздат - Астрель, 2011. - 320 с.
(Серия «Портал»).**
6000 экз.

Романный дебют тюменского автора написан в популярном ныне жанре постапокалиптики, что вызывает смешанные чувства. Про послеядерную Россию написано столько, что, кажется, отечественные авторы давно ходят по замкнутому кругу повторов. И все же, открывая новую «посткатастрофную» книгу, не исчезает надежда, что вот сейчас фантаст предложит новый взгляд, новую интерпретацию старого сюжета.

«Урал атакует» почти оправдал ожидания. Достоверно изображен мир - без мутантов, зомби-вирусов и прочих штампов из многосерийных книгокомиксов этого направления. Недалекое будущее, ядерные удары по Москве, Питеру, Нижнему Новгороду и Ростову, как следствие - страна обезглавлена, разбита на мозаику мелких государств. Новый феодализм. Не ново, конечно, но автор берет достоверностью в описании социального слоя. Удачным оказался и перенос действия на Урал, а финальный посыл романа отмечает подозрения в местечковом патриотизме.

В Екатеринбурге - бандитизм, нищета, куча беженцев из радиационных зон. Главный герой Константин Муконин - агент правительства Уральской Независимой Республики. По соседству - анархический Башкортостан, а за ним - оккупированная натовцами Самара. Константина посылают туда, в пекло гражданской войны, с тайной миссией - передать сопротивленцам муляж секретного оружия.

В числе достоинств рецензируемой книги - яркая, продуманная концовка, великолепно выстроенный, динамично развивающийся сюжет, где есть и перестрелки, и интриги, и секретные разработки, спресованный, экономный язык, боевку подпирает философская подкладка.

Рецензента, правда, огорчил разрушенный хэппи-энд, который вроде намечался. Хотелось все-таки увидеть свет в конце книги. А получился вроде как обман со стороны автора. Другой минус - зачастую публицистичность слишком прямолинейна и наивна. Скажем, блок НАТО в роли главного противника Уральской Республики - это просто банально.

Андрей Скоробогатов

**Энн БИШОП
ДОЧЬ КРОВИ**

Москва: Центрполиграф, 2011. - 542 с.

**Пер. с англ.
С. Чепелевского.
(Серия «Мастера фэнтези»).**
4000 экз.

Цикл американской писательницы Энн Бишоп «Черные камни», который открывается рецензируемой книгой, относится, как нетрудно догадаться по названию, к так называемой «темной» фэнтези. Даже, скорее, к «черной». Первая трилогия цикла (в настоящее время в нем семь романов и два сборника рассказов) вышла в 1998-2000 годах, стремительно (хотя и ненадолго) обретя статус культовой и принесла автору премию Кроуфорда за фэнтезийный дебют. Книги Бишоп переведены на многие европейские языки и достаточно хорошо известны на Западе. Очередь за Россией.

Роман этот и в самом деле стандартный образец концентрированно «темной» фэнтези. Чем-то он напоминает сочинения «Новой волны», и прежде всего цикл «Черный отряд» Г.Кука, отдельные тексты Муркока. В мире, созданном Бишоп, отсутствуют обычные для фэнтези светлые силы. Хотя центральный конфликт, казалось бы, вращается вокруг привычной борьбы со злом. Однако с обеих сторон противостояния действуют силы вполне темные - ведовские кованы, мрачные иерофанты, грозные демоны. Главная героиня - юная ведьма, призванная взять на себя в будущем власть над всем этим миром тьмы, приемная дочь самого сатаны (судя по имени и характеристикам данного персонажа), объект интриг и вожделений могущественных врагов. Вот такие в этом мире добро и зло.

В свое время романы Бишоп были интересны тем, что подвели некоторую черту в поступательной ревизии классических образцов жанра. Первые ревизионисты пытались показать, что светлые силы столь же плохи, сколь и темные, а позже и вовсе утверждали: темные всяко лучше. И наконец, пришли авторы, которым для создания сюжета светлые не нужны вовсе - а зачем, если они все равно злые? На Западе темный мир Бишоп оказался коммерчески сравнительно удачен. Насколько же интересно будет российскому читателю наблюдать за борьбой «хороших» ведьм и чертей с ведьмами и чертями «плохими»?

Сергей Алексеев

**Яна ВАГНЕР
ВОНГОЗЕРО
Москва: Эксмо, 2011. - 448 с.
3000 экз.**

Эта дебютная книга родилась из серии постов в Живом журнале, которые автор писала в разгар эпидемии свиного гриппа, так что некоторые пользователи ЖЖ принимали повествование за хронику действительных событий... Некоторые критики успели сравнить роман с нашумевшей постапокалиптической книгой Кормака Маккарти «Дорога». Но «Вонгозеро» отличает опасная близость к реальности. Здесь - свой кошмар. Новый вирус гриппа оказывается намного сильнее предшествующих - это исходная посылка, а вот что может воспоследовать - и есть содержание. Москву закрывают на карантин, даже вводят комендантский час, но и это не помогает, слишком стремительно наступает пандемия. Люди умирают, работы над вакциной не приносят результатов. Кто-то пытается бежать.

Две соседские семьи решают уехать в Карелию, 12 дней и ночей их путешествия и расписывает автор. Приключений хватает, ведь на пути встречаются разные люди.

Чувствуется в тексте изначальная заданность: пройдут ли герои все испытания, уготованные автором? Конечно, пройдут, отсюда и чудом появляющийся грузовик с топливом - когда оно заканчивается, и мужик на грейдере - когда джип в яму сваливается...

Хорошим людям приходится совершать «нехорошие» поступки, иначе не выжить. Пятеро мужчин и четыре женщины проходят эту ужасную дорогу до конца. Меняются и их взгляды на жизнь. Обживаясь на островке в кособоком домишке, они делают выбор в пользу свободы и человечности. Посыл понятен: в тяжкую годину мы, обычные смертные, а не супергерои, сможем выжить, только если будем все вместе. Послание это автор, надо сказать, подает убедительно, как убедительны и герои книги. Конечно, в соответствии с традицией «новой искренности» роман, пожалуй, чуть более эмоционален, чем следовало бы. Хотя, наверное, это слишком субъективная оценка.

Валерий Окулов

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОКИ

Все мы воспитаны на классике. В нашем случае - жанровой. Но ее сегодня издают несправедливо мало. Так кажется автору нынешнего опроса, московскому критику. Вот он при помощи читателей и решил разобраться: нужно ли издавать незнакомые российским читателям книги зарубежных классиков жанра?

Ответы распределились следующим образом:

Нет, лучшие их вещи давно изданы и прочитаны - 5%;

Да, их тексты литературно и интеллектуально выше большинства нынешних - 28%;

Нет, это тот же массолит, но вдобавок порядком устаревший - 3%;

Да, но лишь в том случае, если конкретная работа действительно интересна - 59%;

Нет, для современного читателя все они попросту скучны - 4%;

Да, но только фэнтези и мистику, поскольку тексты отцов-основателей этого направления до сих пор представлены скудно - 2%.

Всего в голосовании приняли участие 310 человек.

Вопрос-то не праздный. Проблемы современной фантастики достаточно хорошо известны. Дефицит свежих идей, шаблонно-поточное производство, низкое литературное качество... Уж сколько раз мы это слышали от критиков! Да, нередко эти упреки справедливы. Но вот что интересно: чаще всего эти обвинения адресованы отечественным авторам. Мы все еще подвластны иллюзии: мол, за рубежом-то райские кущи... А получаем оттуда, мягко говоря, разное. При взгляде на это «изобилие» у читателя наверняка возникнет подозрение, что издавать-то у нас попросту больше нечего, ибо все некогда завоевавшее признание издано-переиздано, и ничего не остается, кроме как заказывать переводы подражателей, подражающих подражателям, и ревизионистов, ревизирующих себе же подобных. Но ведь это не так! Даже некоторые тексты таких абсолютных классиков, как Г.Уэллс или Дж.Р.Р.Толкин, до недавнего времени оставались неизвестны нашему читателю. Что уж говорить об авторах, вполне проверенных временем у себя на родине, но менее нам известных!

Казалось бы, читатель, нередко ругающий на чем свет стоит сумеречных вампиров и всяких поттеров, по идее, должен тяготеть к чему-то альтернативному - светлому и классическому. А издатель, откликаясь на этот запрос, должен вместо очередной новеллизации мультсериала по мотивам компьютерной игры предложить тома забытой или ранее неизвестной у нас классики... Но этого не происходит. Переизданий, за редкими исключениями (например, Жюль Верн), - в год по чайной ложке. Новые издания старого - редкость, они могут загубить книжную серию. А издания серьезные, академические, с комментариями и послесловиями вообще уникальны.

Как бы то ни было, нынешний опрос читающей интернет-аудитории выдал результат, совпадающий, на первый взгляд, скорее с благими ожиданиями автора, чем с реалиями книжного рынка. «Массовый читатель», предмет обожания отечественных маркетологов, не отыскан. Впрочем, в этом ничего странного нет. О специфике интернет-опросов уже говорено не раз, в том числе и на страницах

«Если». Попробуем же проанализировать ответы, что называется, целевой аудитории, иначе говоря, «профессиональных читателей».

Последовательно отрицательных голосов набралось чуть более 10%. Что, конечно, радует. Занятно, что на втором месте с конца оказался вариант, наиболее рьяно озвученный в интернет-дискуссиях. Число считающих старую литературу вымысла тем же массолитом (как кто-то изящно выразился, «ретро-трэшем») набралось 3%. Зато почти в два раза больше голосов получили негативные варианты, которые требовали от респондентов «способности сомневаться». Например, тех, кто убежден: все лучшее в западной фантастике прежних лет давно издано и прочитано.

Остается только позавидовать людям, которые взяли на себя нелегкий труд прочесть все изданное, лучшее и худшее, а затем его рассортировать. И совсем удивительно, что издательская политика, по мнению избравших этот вариант, совпадает с их приговором...

Обратимся, однако, к позитивной стороне опроса. Вариант, набравший меньше всех голосов, конечно, намеренно был несколько провокационен. Стоит завести речь о том, что классика фэнтези и мистики у нас действительно представлены очень худо, как обязательно обнаружится пылкий поборник чистоты НФ с гневной отповедью: дескать, эта фэнтези треклятая и так все заполонила, а у нас вон Уэллс еще не весь издан, Стэплдона еле-еле переводят...

Что ж, сторонники НФ могут торжествовать: результаты голосования наглядно показали, что пылких фанатов, желающих читать лишь фэнтези и мистику, единицы. Но все же задумаемся. Где должен существовать жанровый фронтир словесности XIX века, когда «научный роман» в стиле Ж.Верна только-только выделился из обширного поля литературы вымысла, еще Вальтером Скоттом именовавшейся *fantasy*? Кстати, существенную часть еще не изданного на русском языке Герберта Уэллса составляют как раз мистические рассказы! Многие авторы и в конце XIX столетия, и в первой (да и во второй) половине XX века отдали дань обоим направлениям фантастики, а иные и вовсе творили пограничные тексты: «Ночная земля» У.Ходжсона - скорее фэнтези, чем НФ (или нет?), а произведения О.Стэплдона - скорее НФ, чем фэнтези (иногда вопреки самоопределению).

Как бы то ни было, ключевые, «хрестоматийные» имена западной НФ от К.Фламариона до «великой тройки» второй половины XX века (А.Азимов, А.Кларк, Р. Хайнлайн) известны у нас хорошо. Между тем именно ключевые, знаковые имена фэнтезийной и мистической литературы конца XIX - первой половины XX века, за единичными исключениями, представлены скудно. Повезло, естественно, сказочникам (их детям покупают), а также Р.Говарду (ибо «Конан») и Г.Ф.Лавкрафту (ибо «Мифы Ктулху»). Дж.Р.Р.Толкин и К.С.Льюис здесь

не совсем в счет, поскольку принадлежат объективно уже следующей эпохе. Кому не повезло, так У.Моррису, барону Дансени, Дж.Б.Кейбеллу, А.Блэквуду... Не говоря уже о фигурах помельче. Единичные издания, которые стремительно становятся библиографической редкостью (и это невостробованность?), не всегда удачные изборники, масса непереуведенного... А веь это фигуры не менее значимые в истории фантастики, чем Толкин или Говард! Почитайте их, и вы поймете: мистика, да, но вовсе не про вампиров-любовников.

Пора перейти к лидерам нашего опроса. Не буду отрицать: вариант, завоевавший почетное второе место, особенно близок сердцу автора. Я действительно считаю, что уровень текста - и литературный, и интеллектуальный - существенно снизился за последние десятилетия. Самому худшему ремесленнику времен pulp fiction не могли и в сладком сне представиться те возможности бездумной халтуры, которые предоставляет век «товарной» фантастики. Кстати, в этом нет вины ни нынешних писателей, ни нынешних читателей и даже издателей. За прошедший век сначала невиданный промышленный рост согнал массы людей в города, а затем последовавшая постиндустриальная эра дала им высшее образование и сносно оплачиваемую работу. Разбухшая сфера досуга (включая массовую литературу) вынуждена была обслуживать теперь уже не сотни тысяч и не миллионы, а сотни миллионов. А это означало поток: больше текстов всяких-разных, больше авторов разнообразных. Даже таких, кто в 1930-е годы благополучно «обслуживал» через цветные журналы подростков и домохозяек и не надеялся когда-нибудь продать тексты миллионам нынешнего и будущего офисного пролетариата для чтения в метро. Кроме того, они учились у тех, кто еще в XIX веке работал для гораздо более узкого и взыскательного читательского круга.

Но вкус веь можно воспитывать. Именно поэтому издание произведений классической эпохи истории фантастики - задача, не побоюсь высокого слова, общекультурная. Было бы кому за нее взяться. Высокими словами мало кого проймешь. Особенно, если рынок диктует свои законы.

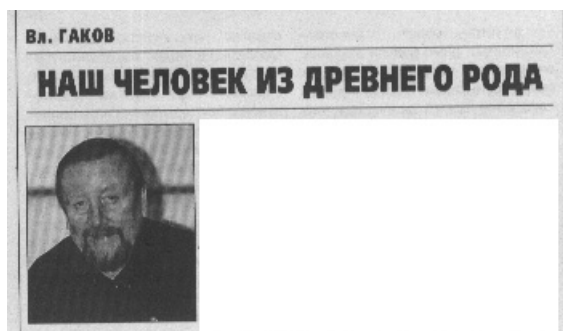
Ответ - лидер нынешнего опроса: «Да, но лишь в том случае, если конкретная работа действительно интересна». Так считают более половины респондентов. Ну что ж, справедливо. Но вот здесь-то и вся суть проблемы. Я абсолютно уверен: то же самое со всей искренностью скажет любой издатель фантастики, отклоняя перевод очередного «ретро-трэша», который-де интересен лишь крошечной труппке «олдфагов». Критерии «интересности» у каждого свои. И если больше половины «ценителей из ценителей» убеждены, что именно их критерии самые точные, то почему бы не прислушаться к ним тем, кто принимает решения на основе гораздо более полной информации о

читательских предпочтениях?

Цифры продаж - самый убедительный аргумент издательской политики... А значит, будут и вампиры-любовники, и эльфы с драконами в Заднеземье № 1001, и сражения человекоподобных роботов на просторах галактических империй. А Стэплдона и Кемпбелла не будет. Потому как неинтересно!

Словом, учите английский.

Сергей АЛЕКСЕЕВ

Вл. ГАКОВ

НАШ ЧЕЛОВЕК ИЗ ДРЕВНЕГО РОДА

Новогодние праздники станут для британских поклонников фантастики хорошим поводом отгулять дважды. Сначала выпить за Новый год, а затем еще раз по случаю восьмидесятилетия со дня рождения Боба Шоу. Правда, ирландцы считают писателя незаконно «узурпированным» англичанами (вместе с территорией Северной Ирландии, где он родился). А о том, что он является потомком самого Джорджа Бернарда Шоу, фантаст узнал лишь незадолго до смерти в 1996 году.

Как и все творческие люди, Боб Шоу прожил две жизни: одну - обыкновенную, а вторую - особенную, в творчестве.

Насчет родства со всемирно известным писателем и драматургом, кажется, не шутка. По крайней мере ирландские фэны раскопали, что Роберт Шоу, которого все (включая его самого) всю жизнь называли просто Бобом, действительно относится к ирландскому роду, из которого произошли все Шоу - знаменитые и оставшиеся неизвестными широкой публике.

Прямые предки будущего писателя-фантаста осели на северо-востоке тогда еще не разделенной страны в начале позапрошлого века - как

раз перед первой волной ирландской эмиграции в Штаты. Шоу из Ольстера были фермерами и за короткое время разбогатели, что не могло не настроить против них соседей - особенно после страшного голода 1840-х годов, вину за который народ возложил на «зажравшихся фермеров», не торопившихся бесплатно кормить голодающих. Но к конкретным членам семейства Шоу, в частности прославивших фамилию на ниве изящной словесности, у читателей - даже ирландских - претензий не было.

* * *

Роберт Шоу родился в Белфасте 31 декабря 1931 года, став наилучшим новогодним подарком своим родителям. После средней школы он окончил местную Высшую техническую с дипломом инженера, потом поработал некоторое время конструктором на заводе и в авиационной фирме. А затем переключился на журналистику, от которой оставался один шаг до литературного творчества. Любопытно: даже будучи профессиональным писателем, Шоу не сразу покинул родную фирму, еще некоторое время занимая в ней пост, который сегодня назвали бы «главой PR-службы».

Уехать в Великобританию с первой женой и детьми Боба Шоу вынудили причины не экономические, а политические. В середине 1970-х годов ситуация в Северной Ирландии, где не прекращалось противоборство между католиками и протестантами (за католическим меньшинством Ольстера стояла вся независимая католическая Ирландия, за протестантским большинством - Англия), накалилась до предела, и супруги почли за благо перебраться в последнюю. Но только кружным путем - для начала прожив несколько лет в Канаде.

Как и большинство писателей-фантастов, Шоу вначале был активным фэнном. С середины 1950-х годов он начал сотрудничать с фэнзинами - писал все, в чем нуждались читатели любительских журнальчиков: статьи, прозу, стихи, байки... И, конечно, дневал и ночевал на бесчисленных конвентах - сначала как фэн, а уж потом как писатель и почетный гость.

Давний друг писателя Кристофер Прист вспоминал, что Шоу никогда нельзя было застать в одиночестве. Более того, стоило ему появиться в каком-то месте, как там начинал кучковаться народ, и скоро толпа вырастала настолько, что не протолкнуться. Особенно в барах: как всякий уважающий себя ирландец, носитель знаменитой фамилии был неразлучен с бокалом виски или пивной кружкой. Он не напивался, а просто старался всегда и везде быть душой компании. Прист не мог забыть, как Шоу, получив свою первую премию «Хьюго», прямо на сцене пустился в пляс, вызвав овацию. При том, что изяществом

комплекции и особой пластикой никогда не отличался...

А еще легендой в британском фэндоме стали его «научные доклады» на конвенциях, проходившие под нескончаемый хохот. Они произносились и со сцены, и в тех же барах. По свидетельству очевидцев, когда начинался очередной «серьезный доклад», о выпивке забывали даже те, кто обычно полагал ее средоточием жизни. А если очередной спич произносился со сцены, то все близлежащие бары просто пустели.

Самое удивительное, впрочем, что этот записной хохмач, прирожденный тамада (или как там они называются у ирландцев), душа компании большую часть жизни пребывал в столь же типичной ирландской меланхолии, которая под конец жизни стала хронической депрессией и даже переросла в мизантропию.

К этому времени он уже пил по-настоящему. Не для поддержки тонуса в компании, а все более погружаясь в черную воронку, из которой уже не выбрался, -- старость, болячки, разочарование, усталость, одиночество. Из-за глазной инфекции Шоу испортил зрение и до последних дней маниакально боялся ослепнуть. Он признавался тому же Присту, что смертельно боится темноты и спит с включенным светом.

Последнее десятилетие прошлого века стало финальным и в жизни Боба Шоу. В 1991 году он потерял жену, с которой прожил более сорока лет. А спустя два года сам перенес тяжелую онкологическую операцию («Представляешь, - рассказывал Шоу другу писателю и фэну Дэвиду Лэнгфорду, - на определенном этапе операции хирург мог просто видеть меня насквозь через проделанную им дыру!»), выбившую его из колеи на целый год. Затем писатель вроде бы вернулся к нормальной жизни. Снова побывал на нескольких конвенциях, всячески бодрился. Грозился написать-таки долгожданные сиквелы к любимившимся читателям романам, даже побывал в Штатах, откуда привез домой в Манчестер новую жену...

Но все это оказалось лишь затянувшимся прощанием Боба Шоу с миром фэндома. Болезнь прогрессировала, и вечером 11 февраля 1996 года писатель в последний раз поужинал со старшим сыном и его семьей. Затем добрал до своего любимого паба и выпил с друзьями - по последней... И той же ночью тихо умер во сне.

* * *

Удивительно, что большая часть написанного Бобом Шоу - писателем-профи, а не автором-фэном - предельно серьезна. Иногда он позволял себе «оттянуться», и тогда на свет появлялись произведения, подобные роману «Кто там?». Но в целом творчество Шоу посвящено

серьезной НФ.

Его дебютом принято считать рассказ «Аспект», опубликованный в английском журнале «Nebula Science Fiction» в 1954 году. Хотя в ряде источников указано, что первый научно-фантастический рассказ Шоу опубликовал в нью-йоркской газете, когда ему шел двадцатый год, то есть в 1950-м. И уже в следующем десятилетии писатель громко заявил о себе. Причем, в отличие от самых ярких своих современников-соотечественников - Брайана Олдисса, Джеймса Балларда и Майкла Муркока, поднявших знамя «новой волны», Боб Шоу совсем не стремился встать под это знамя, «влииться в ряды».

Он шел своим путем - в те годы в британской science fiction, безусловно, оригинальным и в определенном смысле нонконформистским. Шоу стал писать фантастику, для которой прилагательное science было не данью традиции, тем более не «веригой», сковывающей свободу и причиняющей дискомфорт, а чем-то важным, сущностным. Другое дело, что его интересовали не сами «безумные идеи» науки, не «железки», а, скорее, «софт» - их влияние на человека и социум. Но, как бы то ни было, оригинальная, нетривиальная - во всех смыслах фантастическая! - научная идея была и осталась для Боба Шоу основополагающей в творчестве. Может быть, поэтому его рассказы чаще публиковались в американском журнале «Analog», чем в родном «New Worlds» - главном штабе поднимавшейся тогда «новой волны».

Как раз в кэмпбелловском журнале в августе 1966-го появилась короткая повесть «Свет былого» - одно из самых ярких и заметных произведений Боба Шоу. Придуманное автором «медленное стекло», затормаживающее движение фотонов (фактически оно заставляло их двигаться как бы «по спирали») настолько, что сквозь него можно видеть картины прошлого, осталось одной из самых оригинальных идей научной фантастики - истинным украшением знаменитого апьтовского «Регистра». Но если бы только идея!^{*15} Рассказ, номинированный на обе высшие премии, «Хьюго» и «Небьюлу», запомнился еще и великолепной метафорой - неумирающего, сохраненного, но, увы, не вечного прошлого. И пронзительной историей, в которой есть все - «и жизнь, и слезы, и любовь»...

Не менее оригинальной для своего времени была идея видеть «чужими глазами» (с помощью электронного прибора, считывающего информацию непосредственно с нервных рецепторов глаза) в первом

---

¹⁵ * Повесть настолько понравилась Джону Кэмпбеллу, что он настоял на продолжении - так появилась повесть «Бремя доказательств», вышедшая в следующем году. Позже оба произведения были переписаны в роман «Свет былого» (1972). (Прим. авт.)

романе Шоу «Ночная прогулка» (1967). И снова она бы осталась лишь очередной записью в вышеупомянутом «Регистре», если бы не драматическая история ослепленного космического пилота, который тем не менее нашел способ вернуться в мир зрячих.

Хотя о том, что слепота - для автора материя вовсе не праздная, знали немногие...

* * *

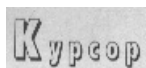
В романах Шоу смело вторгся в области, которые обычно называются «передним краем науки». И без оглядки переходил этот край, устремляясь в неизведанные дали. В «Дворце Вечности» (1969) писатель попытался найти рациональное объяснение столь эфемерной субстанции, как душа, а в «Миллионе завтра» (1970) - предложить техническую возможность достижения бессмертия. В романе «Орбитсвилль» (1975), награжденном Британской премией по научной фантастике, и его продолжениях - «Отлет из Орбитсвилля» (1983) и «Судный день Орбитсвилля» (1990) речь идет не столько о самих гигантских орбитальных станциях - городах будущего, сколько о неизбежных последствиях для переселенцев. Психологические последствия другой технологической новинки - персонального комплекта антигравитационного оборудования - описаны в романе «Головокружение» (1978).

И наконец, «Венок из звезд» (1967) - лучший, по мнению многих, роман Боба Шоу. Человечество в преддверии неизбежного коллапса цивилизации (на Земле все обстоит скверно - в политике, экономике, морали) наблюдает появление в небе Немезиды. На сей раз в роли знамения и обещания неизбежной кары выступает необычная планета-странница, планета-фантом, состоящая из антинейтрино. Наблюдать сей феномен можно только через специальные линзы, а прохождение небесной скитальцы вблизи Земли приводит к еще более удивительному открытию: оказывается, и внутри нашей планеты существует еще одна... планета? Словом, еще один мир, тоже из антинейтрино, и самое главное - обитаемый!

А теперь обратите внимание на дату выхода романа. Полвека назад вряд ли кто за пределами научных кабинетов и студенческих аудиторий всерьез обсуждал то, что сегодня стало достоянием масс: проблему «темной материи», из которой, как считают, в значительной мере состоит наша Вселенная. Особняком в творчестве Шоу стоит - даже, можно сказать, высится - увлекательная трилогия 1980-х: «Астронавты в лохмотьях», «Деревянные космолеты» и «Планеты-беглянки». Наверное, всякого уважающего себя писателя-фантаста время от времени одолевает зуд придумать собственный параллельный мир.

Вот и Боб Шоу сподобился. И сочинил оригинальный и колоритный параллельный мир: там планеты-близнецы окружены общей атмосферой и «космические перелеты» совершаются на гигантских деревянных дирижаблях, наполненных водородом. А до «железного века» и таких мелочей, как фундаментальные константы типа числа «пи» или гравитационной постоянной, тамошнее человечество, уже побывавшее в космосе, в своем эволюционном развитии просто не дошло.

За свою без малого сорокалетнюю жизнь в литературе Боб Шоу написал немало. В конце концов, принцип «ни дня без строчки» профессиональному писателю не подходит - ему нужно выдавать ежедневно немало текста... Но, кажется, для зарезервированной навечно строчки - месте в Зале Славы научной фантастики носителю славной фамилии Шоу хватило бы и одного рассказа: о том самом «медленном стекле». Думается, прочитай его другой Шоу - как известно, замороженный проблемой бессмертия и неумолимого Времени, - и порадовался бы за родственника. Не посрамил фамилию.

Курсор

Нешуточный скандал разгорелся в Британском сообществе фэнтези. После вручения престижных жанровых премий «British Fantasy Awards», состоявшегося на конвенте «Фэнтезикон» в Брайтоне, на сообщество с критикой обрушился известный редактор и антологист Стивен Джонс. Он заметил, что слишком много наград получили произведения, вышедшие в небольшом издательстве «Telos». А один из соучредителей издательства Дэвид Хоу является также видным функционером сообщества. В ответ на это обладательница главного приза за лучший роман Сэм Стоун, первая женщина за тридцать лет (после Танит Ли), завоевавшая данный приз, решила публично отказаться от премии, «дабы не вносить раскол». Интересно, что ее роман «Демонический танец» был опубликован не в издательстве «Telos». Сообщество в ответ заявило, что призы обратно не принимает: дали - значит дали. Другие призы «British Fantasy Awards» завоевали: «Кости Шалтая» Саймона Кларка (лучшая повесть), «Золото дурака» той же Сэм Стоун (лучший рассказ), «Начало» (лучший фильм), «Шерлок» (лучший сериал) и др. Специальной премии удостоился Терри Пратчетт.

☞ **Новая тенденция** зреет в западной кинофантастике - исследовать тайные стороны жизни знаменитых литераторов и ученых. Мы уже писали о съемках мистической псевдобιοграфии Г.Ф.Лавкрафта, а недавно на экраны вышла очередная версия об истинном авторстве текстов Шекспира. Прошла информация еще о двух подобных проектах. Телеканал Starz заказал новый сериал в жанре исторической фэнтези. «Демоны да Винчи» - так будет называться проект, который стартует сразу с восьми серий и расскажет о молодых годах и неизвестных фактах жизни знаменитого флорентийца. Автором сценария выступит Дэвид С.Гойер. А студия Fox 2000 готовит экранизацию романа Кристофера Голдена и Тима Леббона «Секретные путешествия Джека Лондона: Дикарь» - подростковая фэнтези о приключениях молодого Джека Лондона на Клондайке. Сценарий пишет Джек Колли.

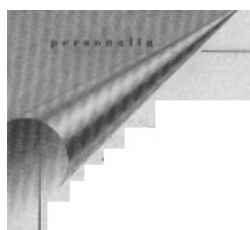
☞ **Издатель Дэвид Браун**, изучив архивы Джона Рональда Руэла Толкина, собрал более 110 авторских рисунков к «Хоббиту», причем большая часть из них публиковалась, однако 20 неизвестны публике. В 2012 году грядет 75-летие знаменитой сказки, но уже заранее, упредив юбилей, в октябре 2011-го Дэвид Браун выпустил альбом-коллекцию масляных, акварельных и карандашных рисунков под общим названием «The Art of the Hobbit». В книге можно увидеть также наброски обложек, пару старых версий карт Средиземья и страницы, где автор экспериментирует с руническим письмом. Вслед за альбомом вышел и текст «Хоббита», сопровождающийся уникальными иллюстрациями.

☞ **Пятый крымский** открытый фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» состоялся с 20 по 23 октября в местечке Партенит (АР Крым). В работе конвента приняли участие около ста человек. В рамках фестиваля состоялись тематические мастер-классы, семинары, доклады, презентации, концерты, а также вечер юмора. Основные премии получили: «Созвездие Большой Медведицы» - Г.Л.Олди за трилогию «Городу и миру», «Созвездие Малой Медведицы» - Далия Трускиновская за роман «Дурни вавилонские». Премия им. А.Грина «Золотая цепь» также досталась Далии Трускиновской за повесть «Сиамский ангел». Премию «Бегущая по волнам» за лучший женский образ завоевала Яна Дубинянская за свою героиню Еву в романе «Письма полковнику».

4 **Весьма странные** результаты продемонстрировал 44-й Международный фестиваль фантастического кино, проходивший в каталонском Ситжесе. Гран-при за лучший фильм получила картина Кевина Смита «Красный штат», имеющая весьма опосредованное отношение к фантастике. Несколько призов в специальных номинациях достались лентам «Чужие на районе» и «Другая Земля».

In memoriam 26 октября в Санкт-Петербурге на восемьдесят четвертом году жизни скончалась знаменитая переводчица со скандинавских языков Людмила Юльевна Брауде. Л.Ю.Брауде родилась 9 декабря 1927 года в Ленинграде. В 1950 году окончила Ленинградский государственный университет по специальности «Скандинавская филология». Преподавала немецкий язык в различных вузах. В 1978 году защитила диссертацию на тему «Скандинавская литературная сказка». Автор трудов о жизни и творчестве Астрид Линдгрэн, Сельмы Лагерлёф, Ганса Христиана Андерсена, работ о скандинавской сказке. Печаталась с 1955 года. Переводила с датского, норвежского и шведского - в основном литературные сказки. Ее переводы произведений Астрид Линдгрэн, Сельмы Лагерлёф, Туве Янссон, Яна Экхольма и других писателей считаются классическими и знакомы каждому ребенку и взрослому в нашей стране.

Агентство F-пресс

personalia

БАЧИЛО Александр Геннадьевич

Писатель и драматург Александр Бачило родился в 1959 году в г. Искитиме Новосибирской области. После окончания Новосибирского электротехнического института работал программистом в Институте ядерной физики Сибирского отделения Академии наук. По собственному признанию, «там-то, сидя ночами «под теплым боком» ускорителя, стал писать фантастические рассказы».

Участник литобъединения «Амальтея» М.П.Михеева, малеевских

семинаров и ВТО МПФ, дебютировал в 1983 году рассказом «Элемент фантастичности». В 1980-х рассказы писателя регулярно публиковались в периодической печати, включались в сборники, а в 1988 году состоялся книжный дебют фантаста - написанная в соавторстве с Игорем Ткаченко научно-художественная книга для детей «Путешествие в таинственную страну, или Программирование для мушкетеров». Перу Бачило-фантаста принадлежат книги «Ждите событий» (1989), «Проклятие диавардов» (1991), роман в жанре юмористической НФ «Незаменимый вор» (2000, 2002) и сборник новелл «Академонгородок» (2004). В 2008 году вместе с И.Ткаченко он стал лауреатом Мемориальной премии им. Кира Булычёва за повесть «Красный гигант».

Параллельно с литературной биографией успешно развивается и телевизионная карьера А.Бачило. С 1992 года он участник известного клуба юмористов «Контора братьев Дивановых», выступал в команде КВН Новосибирского государственного университета в Сочи. Перебравшись в 1999 году в Москву, А.Бачило полностью посвятил себя работе на телевидении в качестве сценариста и режиссера программ. Он один из авторов сценария телесериалов «Простые истины» и «Театральная академия», русской адаптации мюзикла «Иствикские ведьмы». В содружестве с многолетним соавтором Игорем Ткаченко создал сценарий фантастического телесериала «Башня».

КРУШЕЛЬ Карстен (KRUSCHEL, Karsten)

Родился в 1959 году в Хавельберге. Его отец Хайнц Крушель также был писателем. Карстен работал страховым агентом, диспетчером колл-центра, лаборантом, швейцаром, занимался электронными продажами, выступал в кабаре, был учителем, главным редактором журнала и PR-менеджером. В 1995 году защитил диссертацию по истории фантастики в ГДР.

Первый рассказ Крушеля - «Свидетельство ассасина» - появился в 1979 году. Его дилогия «Вильм. Планета дождей» (2009) и «Вильм. Новорожденный» (2009) в 2010 году получила премию Deutschen Science Fiction Preis. В апреле 2011-го вышел новый роман «Галдее. Бесконечная война». Рассказ «Конец сезона охоты» был номинирован на премию Курта Лассвица в 2011 году.

МАКЛАУД Иэн (MACLEOD, Ian)

Известный английский писатель Иэн Маклауд родился в 1956 году в городе Соллихалле под Бирмингемом и закончил колледж с дипломом юриста. Он сменил множество профессий, но остановился на преподавании английского языка и литературы в колледже.

В научной фантастике Маклауд дебютировал в 1989 году рассказом «Сквозь». С тех пор опубликовал около полусотни рассказов и повестей. Кроме того, перу Маклауда принадлежат три романа - «Великое колесо» (1997), «Летние острова» (2005) и «Песни времени» (2008), а также трилогия об эфирной Вселенной - «Световые века» (2003, номинировался на Всемирную премию фэнтези), «Дом бурь» (2005) и «История хозяина Миллера» (2007). Роман «Летние острова» был переписан из одноименной короткой повести, вышедшей в 1998 году и принесшей автору Всемирную премию фэнтези и премию Sidewise, присуждаемую за лучшее произведение года в жанре «альтернативной истории» (повесть была также номинирована на премии «Хьюго» и имени Теодора Старджона). Еще одну Всемирную премию фэнтези принес Маклауду рассказ «Chop Girl» (1999), также номинированный на премии «Хьюго», «Небьюла» и имени Теодора Старджона. На все указанные премии (одновременно и по отдельности), а также на Британскую премию по научной фантастике, Премию имени Джеймса Типтри-младшего и Мемориальную премию имени Джона Кэмпбелла номинировались еще 10 рассказов и повестей Иэна Маклауда.

РЕЙНОЛДС Алистер (REYNOLDS, Alastair)

(Библиографические сведения об авторе см. в № 2 за этот год)

В одном из своих интервью английский писатель-фантаст Алистер Рейнолдс, физик по образованию, рассказал о связи науки и фантастики применительно к собственным произведениям.

Вопрос: «Являются ли обязательными специальная научная «проработка» или хотя бы поиски научных данных в интернете для того, чтобы создать мир, звезды и все артефакты вашего «Космоса Откровения»?»

Ответ: «Вынужден разочаровать вас: по правде сказать, не очень. Для своей книги я действительно произвел кое-какие расчеты: орбиты, расстояния между различными звездными системами, но все остальное - это своего рода область догадок для образованного читателя. Наличие научного образования дает писателю-фантасту внутреннее ощущение, что достоверно, а что - нет. Мой дом забит научной литературой, так что мне не нужно выбирать в библиотеки

для поиска или проверки тех или иных данных, и, естественно, интернет чрезвычайно полезен - но лишь в случае, если пользователь способен отсортировать важную и достоверную информацию от мусора».

В нынешнем году на «Евроконе - 2011» А.Рейнолдс был назван лучшим писателем Европы.

ТЫРИН Михаил Юрьевич

Калужский писатель-фантаст Михаил Тырин родился в 1970 году в г. Мещевске Калужской области. После окончания школы поступил в МВТУ им. Баумана, но год спустя перешел на филологический факультет Калужского пединститута им. К.Э.Циолковского. После института работал журналистом, затем в течение нескольких лет являлся сотрудником пресс-центра калужского УВД, выезжал в Чечню. Уволившись из органов в чине капитана, в 2001 году вернулся в журналистику.

Первым полноценным дебютом в фантастике автор считает рассказ «Малые возможности» (1996), победивший в конкурсе «Альтернативная реальность» журнала «Если». Вышедшая год спустя первая книга автора - «Тень покровителя» (1997), в которую вошли две повести, выдержанные в жанре НФ-детектива, - была названа лучшим жанровым дебютом года и получила премию «Старт». С тех пор Михаил Тырин выпустил более 10 книг: романы «Фантомная боль» (1998), «Дети ржавчины» (2000), «Тварь непобедимая» (2001), «Отраженная угроза» (2005), «Контрабандист» (2008), «Кладбище богов» (2009), «Легионы хаоса» (2011) и другие, а также второй сборник повестей и рассказов «Истукан» (2011).

ХОРСУН Максим Дмитриевич

Крымский писатель-фантаст и журналист Дмитрий Хорсун родился в 1980 году в Симферополе. Закончил Таврический, экологический институт, получив диплом специалиста печатных и аудиовизуальных средств массовой информации. Работал в крымских газетах и на телеканалах.

Первым выступлением в жанре стал рассказ «Печать Каина», опубликованный в 2006 году. В 2009-м вышел роман «Ушелец», получивший премию «Бронзовый кадуцей». Перу М.Хорсуна принадлежат такие книги, как «Рождение Юпитера» (2010), «Солдаты далекой империи» (2010), «Ржавые земли» (2011). В соавторстве с Антоном Первушиным и Игорем Минаковым выпустил роман «Отдел

«Массаракш» (2011), в соавторстве с Игорем Минаковым роман «Егерь. Девушка с Земли» (2011).

**ЭЙКЕН Брэд
(AIKEN, Brad)**

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 6 за этот год)

В одном из недавних интервью американский врач и писатель-фантаст Брэд Эйкен рассказал, почему выбрал своим призванием медицину и почему начал писать научную фантастику:

«Специализироваться я решил на медицине реабилитационной потому, что мне доставляет удовольствие видеть, как люди восстанавливаются после тяжелой болезни, и помогать им возвращаться к нормальной жизни.

А писать научную фантастику начал, поскольку понял - эта литература воспаляет душу и сердце, привносит искру возбуждения в обыденную реальность. В науке и особенно в медицине с их точностью и скрупулезностью мы связаны по рукам и ногам сегодняшними знаниями и возможностями современных технологий. Научная фантастика снимает эти барьеры, позволяя нам решать проблемы, в реальности пока неразрешимые. Эта литература «встряивает» воображение».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.

Цена действительна на номера 2011 года.

Номера будут высылаются подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	 ООО «Издательский дом «Любимая книга» <small>(наименование получателя платежа)</small>	Форма № ПД-4
	ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
Кассир	в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 <small>(номер кор.сч. банка получателя платежа)</small>	
	КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп.	
Кассир		
Квитанция	 ООО «Издательский дом «Любимая книга» <small>(наименование получателя платежа)</small>	
	ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
Кассир	в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 <small>(номер кор.сч. банка получателя платежа)</small>	
	КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп.	

Извещение

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

(ИНН получателя платежа)

№ _____

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

в _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 30101810900000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир
Квитанция

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

_____
(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

_____
(ИНН получателя платежа)

№ _____

_____
(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

_____
(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с30101810900000000767

БИК _____

№ _____

_____
(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

_____
(наименование платежа)

540

00

Кассир

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.

**ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел
распространения.**

Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177) e-mail: sales@lubkniga.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

ГОД С «ЕСЛИ»

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА
Наш журнал вы найдете в каталогах
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.
Стоимость подписки на 1 месяц — 87 рублей,
включая почтовые услуги.
Подписка ведется во всех отделениях связи.

ГОД С «ЕСЛИ»

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и
«Роспечать» (газеты, журналы).**

Индекс 73118.

**Стоимость подписки на 1 месяц -87 рублей, включая почтовые
услуги.**

Подписка ведется во всех отделениях связи.

